

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 801

Avdeeva Y.V. **EXPERIMENTAL RESEARCH OF SPEECH OF PEOPLE UNDER ALCOHOL INFLUENCE.** The article deals with speech changes of people under alcohol influence. The authors of the article analyzed statements belonged to tested men and women of different ages, sex and level of education. Some common regular occurrences typical for people with alcohol intoxication were revealed by the author.

Key words: alcohol influence, speech, speech changes, human's brain, long pauses, verb predominance, the breaking of grammatical links.

Ю.В. Авдеева, аспирант каф. русского языка ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Буйск, E-mail: tiamie@yandex.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ СИТУАТИВНОГО АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы появления речевых нарушений у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Автором статьи были проанализированы высказывания испытуемых разного пола, возраста и уровня образования с целью обнаружения закономерностей, характерных для речи людей в состоянии алкогольного опьянения.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, речь, речевые нарушения, головной мозг, длительные паузы, преобладание глаголов, нарушение грамматических связей.

В связи с тем, что данная статья посвящена исследованию речи людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, мы считаем необходимым для начала кратко пояснить физиологию воздействия алкоголя на человеческий мозг, остановиться на возможных причинах появления речевых нарушений у выпивших людей и необходимости их изучения.

Увеличение употребления алкоголя является в одной из главных проблем современного общества. Масштабы и темпы распространения алкоголизма ставят под вопрос сохранение физического и морального здоровья большой части населения не только нашей страны, но и всего мира.

В настоящее время «в понятие алкоголизм вкладывается не только медико-биологическое, но и социальное содержание» [1, с. 7]. Значительная распространенность злоупотребления алкоголем является сложной многосторонней проблемой, которая включает в себя медицинские, психологические, языковые, социальные, экономические и другие аспекты. Комплексный подход к данной проблеме требует ее изучения на стыке сразу нескольких наук, в том числе и современной лингвистики.

Одной из главных особенностей негативного действия алкоголя является его способность вызывать как психическую, так и физиологическую зависимости, «что не может не отражаться на функциональном состоянии головного мозга» [2, с. 85].

Этиловый спирт, действуя в основном на ЦНС, вызывает определенное нервное возбуждение. Проанализировав работы по биологии и медицине, описывающие влияние этилового спирта на организм человека, мы можем сделать вывод о том, что «в первую очередь под действием алкоголя нарушается деятельность коры больших полушарий головного мозга, а при повышении его концентрации в крови поражаются клетки спинного и продолговатого мозга» [3, с. 21], происходит угнетение тормозных процессов коры больших полушарий и высвобождение

подкорковых центров, что является причиной алкогольного возбуждения. Кроме того, снижается работоспособность корковых клеток, приводящая к сбоям в сложных условных связях. В современной науке есть данные о том, «что алкоголь, в первую очередь, поражает те мозговые структуры, которые являются ответственными за высшие психические функции, традиционно связанные с левым полушарием и формирующиеся позднее правополушарных» [2, с. 87].

Все изменения, происходящие в головном мозге, отражаются на психике человека. О процессах, происходящих в психике, до определенной степени можно судить по явлениям, происходящим в его языке. Принимая во внимание то, что под действием алкоголя наиболее уязвимыми являются мозговые структуры, находящиеся преимущественно в левом полушарии мозга, которое традиционно связывают с речевой деятельностью, можно предположить, что лингвистическое изучение языка людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, является хорошей возможностью поиска новых путей решения проблемы алкогольного опьянения.

В рамках данной статьи представляется актуальным более подробно остановиться на самом понятии алкогольного опьянения.

По данным энциклопедического словаря медицинских терминов под редакцией Б.В. Петровского, «алкоголизм – это систематическое неумеренное употребление спиртных напитков в дозах, вызывающих алкогольное опьянение» [4, с. 39].

Алкогольное опьянение – это «симптомакомплекс психических, вегетативных и неврологических расстройств, обусловленный психотропным действием спиртных напитков» [3, с. 30].

По данным различных источников алкогольное опьянение разделяют на три группы:

1) простое алкогольное опьянение;

- 2) измененные формы простого алкогольного опьянения;
- 3) патологическое опьянение.

В нашем исследовании мы рассматриваем речь людей, находящихся в состоянии простого алкогольного опьянения, не страдающих алкоголизмом. Поэтому данное состояние мы считаем возможным назвать простым ситуативным опьянением, которое не ведет к каким-либо серьезным органическим поражениям ни головного мозга, ни центральной или периферической нервной системы.

Простое алкогольное опьянение характеризуется различными соматическими, неврологическими и психическими расстройствами, проявляющимися после приема алкоголя. Данное понятие изначально применялось в судебно-психиатрической практике для ограничения от «временных расстройств психической деятельности, нередко возникающих на фоне опьянения» [3, с. 20].

Медики выделяют три степени алкогольного опьянения: легкая степень (концентрация алкоголя в крови составляет 0,3‰ – 1,5‰), средняя степень опьянения (концентрация алкоголя в крови составляет 1,5‰ – 2,5‰), тяжелая степень опьянения (концентрация алкоголя в крови составляет 2,5‰ – 5‰). Концентрация алкоголя в крови выше 6‰ считается смертельной.

Степень алкогольного опьянения величина – довольно относительная и обусловлена множеством факторов, такими как количество принятого алкоголя, концентрация его в крови, вес тела, наличие или отсутствие заболеваний и т. д. По данным многочисленных исследований (В.А. Балакин, 1962; О.М. Зорастров, 1975 и др.) далеко не всегда существует четкая связь между степенью опьянения, количеством алкоголя в крови и проявлениями опьянения, поэтому мы не считаем необходимым измерять количество алкоголя в крови какими – либо лабораторными или инструментальными методами, а степень опьянения определяем по ее клиническим проявлениям.

В зависимости от количества принятого алкоголя и функционального состояния организма выделяется 3 степени простого алкогольного опьянения:

1. Легкая степень опьянения характеризуется улучшением настроения, чувством бодрости, стремлением к общению. Ослабляется тормозящая функция ЦНС, усиливается жестикуляция, появляется размашистость в движениях, теряется их четкость и точность, снижается способность к концентрации внимания. Темп мышления ускоряется, однако оно становится непоследовательным, появляются поверхностные ассоциации, речь становится более быстрой и громкой, но без заметных нарушений артикуляции.

2. Характерным признаком средней степени опьянения является резкие изменения в поведении. Часто появляется раздражительность, которая сменяется чувством злости и обиды, возможны немотивированные подъемы настроения, на поступки все большее влияние оказывают аффективные нарушения. Внимание человека переключается медленно, движения заторможены, координация движений нарушена, мимика невыразительна. Углубляются расстройства мышления. Из-за изменений в слуховом восприятии речь становится громкой и смазанной (дизартрия).

При тяжелой степени опьянения наблюдаются различные симптомы оглушения, в тяжелых случаях – алкогольная кома. Речь становится малопонятной, наблюдается бессмысленное бормотание.

Для определения характерных особенностей нами была обследована речь 32 человек (20 мужчин и 12 женщин) в средней степени простого алкогольного опьянения в возрасте от 21 до 56 лет. Все они имеют образование от средне-специального до высшего и не имеют отклонений в обычной речи. Обследование проводилось методом наблюдения, речь фиксировалась на диктофон. Для определения наступления нужной степени опьянения и подходящего момента записи мы руководствовались симптомакомплексом средней степени опьянения.

Нами были записаны обычные разговоры на различную произвольную тематику, вследствие чего результаты можно считать частично относительными, так как многие особенности речи сильно коррелируют с индивидуальными особенностями испытуемых (пол, возраст, воспитание, уровень образования и эрудиции, настроение и т. д.). Но, несмотря на это нам удалось выявить некоторые особенности, характерные для всех испытуемых. Приводимые примеры не связаны между собой и принадлежат разным респондентам. Рядом с каждым высказыванием мы посчитали необходимым указать пол, возраст и образование говорящего. Стилистика, грамматика и лексическое оформление всех приведенных примеров сохранены.

По нашим наблюдениям, наиболее ранний и заметный индикатор наступления алкогольного опьянения – появление в речи большого количества немотивированных пауз, длительность которых увеличивается пропорционально усилению опьянения, однако скорость речи по сравнению с «трезвым» состоянием снижается незначительно:

«...где-то вот анекдоты... вот анекдоты... рецепты... погода...» (жен., 26, высшее образование.);

«... в день мне приходят штук 30 – 40 приходят писем... ну вот вообще в день... в том смысле как скидывают» (жен., 31, средне-профессиональное образование).

Одновременно с появлением пауз у большинства испытуемых наблюдается удлинение гласных звуков в словах (как глаголах, так и существительных):

«Я живу своей жизнью... нормально я ... я, например, прихожу домооой, приношу дееееньги все домой, ну там заныкал там пятьсот, ну штуку... остальные отдаю...» (муж., 26, средне-профессиональное образование).

Наличие данных явлений в речи позволяет предположить определенные нарушения в процессах мышления и порождения речи. О нарушениях в механизме осмысления говорит наличие повторений в высказываниях выпивших людей:

«... ну например, я вот например, вот...» (муж., 26, средне – профессиональное образование);

«Я говорю, Паша... ты не устал тут с дедушкой – то, пойдем говорю, он грит нет, нет, нет не устал... я говорю пойдем по стопочке выпьем...» (жен., 54, средне-профессиональное образование);

«... свою страницу создаешь... то есть свою на майле... на майле, на яндексе, на любом... там у тебя стоят... уже стоят галочки стоят... вот...» (муж., 32, высшее образование).

Для ситуативного опьянения характерно повторение имен слов, повторений целых фраз или частей фразы нами замечено не было. Наличие повторов при нарушении в механизме осмысления закономерно, так как осмысление реализуется через аналитико-синтетическую деятельность коры больших полушарий головного мозга, чья работа нарушается при приеме алкоголя в первую очередь.

Характерным для речи людей в состоянии алкогольного опьянения является преобладание сегментированных предложений, способом связи в которых является паратаксис:

«Мы тут в карты играли, тишина такая... чет затихла...» (чет – в значении «почему – то» муж., 49, начальное-профессиональное образование);

«Ты копался, я там чета помогал...» (муж., 46, средне-профессиональное образование).

В лексическом плане в высказываниях подобного рода отмечается явная языковая недостаточность с выраженным преобладанием указательно – заместительной и служебной лексики. Нарушение семантических связей, замена существительных местоимениями и союзами часто приводят к полной потери смысла в высказывании:

«Дед Катюхе отдает этот, он работал тогда механиком... и это там у него такая типа компьютера, как нашего шас, там 12 вольт...» (муж., 50, начальное-профессиональное образование);

«...чет затихла... да, ниче платье новое... ну понятно... раз затихла, ну...» (муж., 49, начальное-профессиональное образование).

В большинстве высказываний обращает на себя внимание такое явление, как эмболофразии. Можно предположить, что в речи выпившего человека эти слова – «паразиты» играют роль своеобразной границы, разделяющей фразу на определенные, понятные иногда только испытуемым, части и помогают процессу мышления и речеобразования.

«ну, просто интересно...вот... ну, готовлю» (жен., 31, высшее образование);

«...а она че вот, чтобы вот был...» (муж., 45, средне-профессиональное образование).

Характерным для речи людей в состоянии алкогольного опьянения является преобладание глаголов над существительными.

«...сразу зайдешь... на них внимание обращаешь... че тебе нада...» (муж., 27, начальное-профессиональное образование);

«... ну посидел с пацанами, пива попил, водки попил...» (муж., 28, средне – профессиональное образование);

«... меня хотели на повара – кондитера, но потом че – та перезотовали, понапугали...» (муж., 24, средне-профессиональное образование).

Еще одна лексическая особенность подобных высказываний – это появление сниженной и ненормативной лексики. Нами замечено, что количество и качество бранных слов в речи как у

мужчин, так и у женщин полностью зависит от уровня образования, воспитания и общей эрудиции испытуемых, но даже у тех, для кого не характерно использование в обычной речи ненормативной лексики, она появляется в состоянии алкогольного опьянения. Количество подобной лексики прямо пропорционально количеству выпитого алкоголя:

«ну, короче... какая-то хрень...короче» (муж., 24, высшее образование);

«бывает, бывает я внатуре ни куда не влазию, но это бл... ни, ни реально и ни просто так...» (муж., 31, средне-профессиональное образование);

«тебя – то не вытащишь нах..., ты там работаешь, все время или не работаешь, ху... тебя знает, так что не вытащишь тебя...» (муж., 21, начальное-профессиональное образование).

В фонетическом плане можно наблюдать дизартрию, «смазанность» речи, попытки проговаривания отдельных звуков, выпадение срединных звуков в слове.

Подытоживая выше сказанное, можно утверждать, что у человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, имеются нарушения во всех основных подсистемах, входящих

в состав речи. Нарушения лексической подсистемы представлено резким изменением лексической составляющей речи: обеднением лексического состава, преимущественным использованием языковых единиц с узкой сферой референции, преобладанием глаголов над существительными, использованием ненормативной лексики, большого количества междометий, местоимений и союзов, нехарактерное для испытуемых в нормальной речи. Нарушения грамматической системы проявляются в неадекватном употреблении грамматических средств при построении предложения, нарушениях в словообразовании, ошибках в словосочетаниях. Семантическая подсистема представлена явными нарушениями восприятия речи и планирования речевого высказывания: наличие неоправданно большого количества пауз, повторений и т.д.

В дальнейшем, нами планируется проанализировать фонетическую составляющую речи у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, выявить: какие фонетические деформации появляются в речи, насколько они устойчивы и как долго будут сохраняться в динамике ситуативного опьянения.

Библиографический список

1. Лисицын, Ю.П.. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты) / Ю.П. Лисицын, Н.Я. Копыт. – М., 1978.
2. Оруджев, Н.Я. Состояние когнитивных процессов у лиц, употребляющих психоактивные вещества / Н.Я. Оруджев, Э.Г. Иванчук // Социальная и клиническая психиатрия. – 2001. – Т. 11. – № 1.
3. Морозов, Г.В. Алкоголизм (руководство для врачей). – М., 1983.
4. Петровский, Б.В. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. – М., 1982. – Т. 1. А.

Bibliography

1. Lisicihn, Yu.P.. Alkogolizm (socialjno-gigienicheskie aspekti) / Yu.P. Lisicihn, N.Ya. Kopyht. – М., 1978.
2. Orudzhev, N.Ya. Sostoyanie kognitivnihkh processov u lic, upotrebyayuyikhk psikhoaktivnihe veshchestva / N.Ya. Orudzhev, Eh.G. Ivanchuk // Socialjnaya i klinicheskaya psikhiatriya. – 2001. – Т. 11. – № 1.
3. Morozov, G.V. Alkogolizm (rukovodstvo dlya vrachey). – М., 1983.
4. Petrovskiy, B.V. Ehnciklopedicheskiy slovarj medicinskih terminov: v 3 t. – М., 1982. – Т.1.А.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81.00

Alexandrova M.L. THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE CONSTRUCTIONS OF THE COPULA. The author analyzes the concept of the copula in the world (mostly European) linguistics. Explores the views of Aristotle, the grammarians of Port-Royal, Russian linguists and the concepts of the XX century.

Key words: copula, functions of the copula, ancient concepts of the copula, medieval concepts of the copula, modern concepts of the copula, Russian theory of the copula, European theory of the copula.

М.Л. Александрова, аспирант кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета института иностранных языков, г. Москва, E-mail: alexandrova.m@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ НА СВЯЗОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В статье автор анализирует концепции связки в мировой (преимущественно европейской) лингвистике. Рассматриваются взгляды Аристотеля, грамматистов Пор-Рояля, российских лингвистов и концепции XX века.

Ключевые слова: связка, функции связки, античные концепции связки, средневековые концепции связки, современные концепции связки, русские теории связки, европейские теории связки.

Традиционно возникновение понятия связки относят к античности – к трудам греческих мыслителей. Связка считалась необходимым компонентом предложения-суждения, который выражает присущность или неприсущность признака предмету, чем придает высказыванию истинное или ложное значение: «истинное и ложное имеются при связывании и разъединении» [1, с. 93]. Поскольку истинность суждения определяется отношением к действительности, считалось, что первичным для связки является значение бытия, выраженное глаголом «быть».

Уже Аристотель полагал, что связка утратила вещественное значение и рассматривалась как синкатегорематическое (незнаменательное) слово (функция которого заключается в соединении двух имен), которое присоединяется как нечто третье, без самостоятельной семантики. Оно указывает лишь на связь, которую нельзя мыслить без связываемых частей. Предполагается, что впервые в качестве самостоятельного и универсального элемента суждения связка была выделена комментатором Аристотеля Александром Афродизийским (II-III вв.).

Таким образом, в античных теориях связки прослеживается определенная непоследовательность: с одной стороны, признак

предикативности приписывался тому члену предложения, который связка присоединяет к субъекту (то есть предикату), а с другой — связка выделялась в качестве автономного элемента предложения-суждения.

Идеи Аристотелевой логики прямо или косвенно (посредством римских грамматик) вошли в логико-грамматические трактаты схоластов, чьи взгляды группировались вокруг двух концепций: теории ингерентности и теории тождества. Согласно теории ингерентности (присущности) связка указывает на то, что субъект суждения является знаком, замещающим индивидуальные объекты, т.е. понимается материально или экстенционально, а предикат — обозначением общей категории, универсалии, иными словами, понимается формально или интенционально. К XIV в. большое распространение получает номиналистическая точка зрения (теория тождества). По мнению представителей данной теории (У. Оккам, И. Буридан, Николай из Отрекура и другие), связка идентифицирует экстенционалы двух термов (имен) — субъекта и предиката. Суждение является истинным тогда, когда субъект и предикат относятся к одному и тому же

объекту действительности; семантическая природа субъекта и предиката считается в этом случае однородной [2, с. 258].

Концепции связки, сложившиеся в античную и средневековую эпоху, нашли продолжение во всеобщих (спекулятивных) грамматиках. Грамматисты Пор-Рояля полагают, что только один глагол «*к^{те} быть*» сохранил «употребление для обозначения связи, при помощи которой мы соединяем в нашем сознании два члена предложения» [3, с. 148]. Связка имеет основное значение глагола, соединяющееся в его семантике со значением признака. А также, грамматисты указывают, что связка, занимая положение между обязательными членами предложения субъектом и атрибутом, утверждает присущность атрибута субъекту.

В XVIII – XIX вв. русские лингвисты (М.В. Ломоносов, Л.-Г. Якоб, И. Орнатовский, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов и другие) придерживались концепций европейских всеобщих грамматик. Наблюдается общая тенденция к выделению в предложении двух частей: подлежащего и сказуемого, между которыми, однако, должна быть связка, которая соединяет их в одно целое. «Всякое предложение состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым» [4, с. 222], однако «между подлежащим и сказуемым должна быть связка» – утверждает А.Х. Востоков [4, с. 223]. Значение связки рассматривалось как входящее в состав предиката и имеющее с ним совместное выражение. Таким образом, связка более не выделялась в качестве автономного, универсального и постоянного компонента предложения, а признавалась лишь компонентом составного именного сказуемого. А.А. Потебня определил связку как «особое слово, заключающее в себе предикативную связь, но важное не само по себе, а как средство присоединения атрибута к подлежащему» [5, с. 116]. В исследованиях лингвистов указанного периода, отмечено, что связка имеет две функции: формальную – выражение синтагматической связи (согласования) между подлежащим и сказуемым (категории лица, числа, классный показатель, согласовательный маркер) и содержательную – утверждение истинности суждения (время, модальность). В западной лингвистике, представителями которой являются Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Ф. Бопп, Н. Хомский и другие, связка также имеет две функции: в соответствии с первой грамматическая связка обозначает только отношение между субъектом и предикатом; в соответствии со второй она выражает качество, которое соединяется с субъектом [2, с. 116].

В XX в. лингвисты, исследуя различные уровни структуры предложения и его конкретную реализацию, возвращаются к универсальным интерпретациям. Следствием является появление трех основных точек зрения: 1) логическая структура предложения двучленна и состоит из пропозиции и предикативного или модального значения, актуализующего пропозицию; 2) связка – совокупность определенных грамматических значений, выде-

ляющаяся в виде отдельного узла в составе предиката; 3) связка – конститутивный компонент предложения, в логическом представлении которого она занимает вершинное положение.

Джон Лайонз в результате анализа грамматического строя предложения в индоевропейских языках, вывел следующую структурную схему: Sub + Vcop + Compl. Она представляет собой типовую пропозицию «предмет и его характеристика», где Sub – субъект, Vcop – связочный глагол, Compl – комплемент (адъективное или субстантивное имя, характеризующее субъект). Под комплементом понимается «предикативное дополнение, которое является синтаксически необходимым для того, чтобы дополнить, завершить структуру предиката» [6, с. 366]. Если в позиции предиката функционирует номинативная языковая единица (имя), не обладающая способностью передавать грамматическое указание на признаки времени, модальности и т. д., то для выражения предикативной функции (предикативного отношения между субъектом и предикатом) грамматикой порождается «фиктивный глагол», именуемый в традиционной грамматике связочным.

На протяжении нескольких тысячелетий связка как лингвистическое явление вызывало интерес многих как отечественных, так и зарубежных исследователей. Эволюция самих связок, как лексических единиц, а также более детальное рассмотрение связочных глаголов и конструкций в синтаксической структуре предложения порождали различные толкования. В результате чего в современном языкознании оформились два основных подхода к определению сущности связочного глагола и его функций: грамматический и лексико-грамматический. Сторонниками первого, классического подхода, являются многие признанные отечественные лингвисты (В.В. Виноградов, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба), по мнению которых связка обладает лишь грамматическим значением, которое исключает возможность реализации какого-либо лексического наполнения. Однако, Н.Ю. Шведова, В.Н. Белоусов, Г.К. Касимова, М.М. Коробова и другие лингвисты выражают сомнение по поводу определения связочного глагола как единственно «оформителя грамматической предикативности» и являются сторонниками лексико-грамматического подхода. Однако наличие сторонников у каждого из подходов свидетельствует об отсутствии однозначного решения данной проблемы в настоящее время.

Таким образом, как показывает анализ лингвистической и философской литературы, понятие связки, как правило, ассоциируется с глаголом «*быть*» и основные исследования по данной проблематике проходили либо в философском ключе, либо как исследования связки глагольного характера. Подобное традиционное рассмотрение не может подтверждаться материалом языков, где связка не является обязательной, таких как русский и китайский, чему посвящено наше дальнейшее исследование.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М., 1978. – Т. 2. Категории. Об истолковании.
2. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964.
3. Арно, А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансло. – М., 1998.
4. Востоков, А.Х. Сокращенная русская грамматика. – СПб., 1852.
5. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – Т.1-2.
6. Лайонз, Джон Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. под ред. и с предисловием В.А. Звегинцева. – М., 1978.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Bibliography

1. Aristotelj. Sochineniya: v 4 t. – M., 1978. – T. 2. Kategorii. Ob istolkovanii.
2. Zvegincev, V.A. Istoriya yazhkoznaniya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. – M., 1964.
3. Arno, A. Grammatika obthaya i racionaljnaya Por-Royalaya / A. Arno, Kl. Lanslo. – M., 1998.
4. Vostokov, A.Kh. Sokrathennaya russkaya grammatika. – SPb., 1852.
5. Potebnya, A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike. – M., 1958. – T.1-2.
6. Layonz, Dzhon Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku / per. s angl. pod red. i s predisloviev V.A. Zveginceva. – M., 1978.
7. Akhmanova, O.S. Slovarj lingvisticheskikh terminov. – M., 1966.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК800:001.12/.18

Ashihmina T.A. THE FORMATION OF STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE. The problem of the formation of the communicative competence of higher school students in the aspect of integrative understanding of speech communication on the basis of the development of the communicative abilities which are interfaced with three communicative models – social, psychological, lingvo-pragmatical – is considered in the article.

Key words: speech communication, linguistic person, communicative culture, communicative abilities, communicative competence.

Т.А. Ашихмина, канд. филол. наук, доц. ФГБОУВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: ta_aschichmina@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности студентов высшей школы в аспекте интегративного понимания речевой коммуникации на основе развития коммуникативных умений, сопряженных с тремя коммуникативными моделями – социальной, психологической, лингво-прагматической.

Ключевые слова: речевая коммуникация, языковая личность, коммуникативная культура, коммуникативные умения, коммуникативные компетенции, коммуникативная компетентность.

Переход высшего профессионального образования на компетентностный подход в обучении предъявляет набор требований к формированию базовых знаний, умений, навыков в основной сфере межличностного общения – речевой коммуникации. Результатами освоения основных образовательных программ бакалавриата направления «Педагогическое образование» должны стать сформированные общекультурные и профессиональные компетенции в сфере коммуникации, проявляющиеся в готовности логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; в способности использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии; во владении основами речевой профессиональной культуры; в способности к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания [1, с. 5-6]. Одной из проблем работы над коммуникативной компетентностью является отсутствие в нормативных документах четких критериев, на основе которых должны формироваться определяемые ФГОСом компетенции.

Речевая коммуникация рассматривается в современной лингвистике как категория интегративная (О.Я. Гойхман, А.К. Михальская и др.). Суть интегративности – в теснейшей связи всех компонентов речевой коммуникации в процессе движения к её цели: от способа высказывания через коммуникативные стратегии и тактики, выстраивание контактоустанавливающих речевых поступков, реализацию языковых единиц [2]. В каждом из компонентов проявляется уровень коммуникативной компетентности носителя языка, который выступает в процессе коммуникации в качестве языковой личности, которую Ю.Н. Караулов трактует как «вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через язык, через дискурс» [3, с. 9]. В аспекте интегративного подхода к речевой коммуникации языковая личность интерпретируется как многоуровневый и многогранный феномен. Н.Е. Пивонова, отмечая эту особенность, выделяет в языковой личности уровни активной личности, задействованные в процессе коммуникации. Неповторимость языковой личности определяется уровнем развития всех её деятельностных аспектов, уникальной взаимообусловленностью ценностных ориентиров (общей культурой личности), комбинацией языковых проявлений, характерных для индивидуального стиля общения. Развитие этих качеств личности связано с формированием коммуникативной компетентности как основы коммуникативной культуры – категории, сопрягающей с понятиями «коммуникативная компетентность» (С.Л. Братченко, Ю.Н. Емельянова, Е.В. Руденский), «коммуникативная компетенция» (М.Н. Вятютнев), «культура речи» (Л.А. Введенская, Б.Н. Головин), «культура речевого общения» (О.М. Казарцева), «культура речевого поведения» (А.К. Михальская).

Понятия «компетенция» и «компетентность» семантически дифференцируются. Понятие «компетенция» чаще применяется для обозначения образовательного результата и формы сочетания знаний, умений, навыков. Под компетентностью обычно понимается интегральное качество личности. Вполне очевидно, что коммуникативная компетентность обуславливает знание языковых норм, этических правил, искусство владения речью в гармоничном единстве всех средств общения – вербальных, паралингвистических, экстралингвистических – как основу создания успешного с точки зрения целевой установки высказывания. Показателем её сформированности становится коммуникативная культура, которую в педагогическом аспекте Г.К. Селевко определяет феноменом, представляющим собой позицию личности и уровень профессионального развития [5]. Формирование коммуникативной компетентности предполагает формирование базовых знаний, умений, навыков в трех областях речевой коммуникации: профессиональной культуры речи, коммуникативной культуры, коммуникативного поведения. Коммуни-

кативная компетентность реализуется через коммуникативные умения, которые предполагают владение умственными и практическими действиями, направленными на установление и поддержание целесообразных взаимоотношений с людьми в процессе учебной, а затем и профессиональной деятельности. Таким образом, коммуникативные умения и навыки являются ключом и к успешной профессиональной деятельности субъекта, и к успешной жизни в целом. Формирование коммуникативной компетентности в условиях вуза есть не что иное, как расширение в сфере речевой коммуникации круга общекультурных компетенций языковой личности и формирование профессиональной коммуникативной компетентности.

Изучению коммуникативной компетентности студентов посвящено множество публикаций (Н.Н. Хачатурян и К.Н. Кошко [6], А.Д. Чурсина [7] и др.). В них отмечаются наиболее типичные коммуникативные недочеты. У многих студентов не сформированы коммуникативные и интерактивные умения и навыки; недостаточно развиты лексикон и речь; отсутствует чувствительность к вербальной и невербальной экспрессии собеседников; отсутствует гибкость ролевых позиций в общении; не развиты социальная наблюдательность, социальная рефлексия, осознание себя как субъекта общения; не сформировано владение техникой обратной связи; не сформирована асертивность. Отмеченные исследователями признаки низкой коммуникативной культуры свойственны студентам разных специальностей (направлений), они стабильны, регулярно проявляются в коммуникации конкретных лиц и осложняют процесс овладения профессиональными коммуникативными умениями. Указанные ошибки соотносятся с коммуникативным, перцептивным, интерактивным аспектами общения. Задачи формирования коммуникативной компетентности языковой личности будущего педагога могут эффективно решаться при условии формирования коммуникативных умений, сопрягающихся с личностными и профессиональными компетенциями, при этом планирование работы должно строиться дифференцированно с учетом названных аспектов.

Различные типы коммуникативных умений описаны лингвистами, педагогами, психологами. Так, С.В. Костромин утверждает, что специфику коммуникативной компетентности в структуре психодиагностической деятельности педагога отражает сочетание «социально-перцептивные умения – аффективно-эмпатийная регуляция – навыки конструктивного общения» [8]. Н.А. Морева к критериям коммуникативных умений относит социальную компетентность [9], формирующую так называемый социальный интеллект, являющийся универсальным для специалистов, работающих с другими людьми. Г.М. Андреева выделяет три группы коммуникативных умений [10]: собственно коммуникативные – цели, мотивы, средства и стимулы общения, умения четко излагать мысли, аргументировать, анализировать высказывания; перцептивные – эмпатия, рефлексия, умения правильно интерпретировать информацию; интерактивные – умения соотносить рациональные и эмоциональные факторы в общении, самоорганизация в общении. В.А. Тищенко составила обобщенную модель, в которой выделила два блока коммуникативных умений – общие и специальные [11]. Развитие общих коммуникативных умений сопряжено с развитием личностных новообразований как в сфере интеллекта, так и в сфере доминирующих профессионально значимых характеристик. Реализация специальных компетенций связана с профессиональной деятельностью. С.С. Савичев выделил уровни, критерии и педагогические условия формирования коммуникативной компетентности студентов высшей школы [12].

Анализ исследований показывает, что в основе выделения типов коммуникативных умений – прагматический подход, согласно которому речевая коммуникация представляет собой

интеграцию трех моделей – социальной, психологической и лингво-прагматической. Каждый тип коммуникативных умений сопрягается с одной из них: к структуре социальной модели относятся правила человеческого взаимодействия, обеспечивающие связи внутри социальной системы; психологическая модель строится на основе регулирующей роли психологического контекста взаимоотношений субъектов коммуникации в каждой конкретной коммуникативной ситуации; лингво-прагматическая модель включает нормативный, коммуникативный и этический аспекты речевой культуры.

Формирование коммуникативной компетентности студентов направления «Педагогическое образование» целесообразно осуществлять через систему дисциплин по выбору, каждая из которых соответствует одному из аспектов общения – коммуни-

кативному, перцептивному, интерактивному. Содержание каждой дисциплины должно разрабатываться, во-первых, с учетом интегративности речевой коммуникации, во-вторых, с учетом выявленных коммуникативных «лакун» обучающихся. Это позволит вооружить студентов компетенциями в трех областях: в профессиональной культуре речи они овладеют фундаментальными знаниями в конкретной профессиональной сфере, умениями вести профессиональный диалог и управлять им; в коммуникативной культуре – усовершенствуют речевую культуру, культуру мышления, эмоциональную культуру; в коммуникативном поведении – овладеют паралингвистическими средствами общения. Овладение коммуникативной компетентностью создаст будущему педагогу условия для успешной карьеры, позволит стать конкурентоспособной личностью в лингвоактивной профессии.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование [Э/р]. – Р/д: <http://минобрнауки.рф>.
2. Гойхман, О.Я. Речевая коммуникация: учебник / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М., 2008.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2010.
4. Пивонова, Н.Е. Языковая личность и проблема коммуникативной компетентности // Речевые и письменные коммуникации: учебно-методическое пособие. – СПб., 2005.
5. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2-х т. – М., 2006. – Т.1.
6. Хачатурян, Н.Н. Особенности коммуникативной компетентности студентов различных специальностей / Н.Н. Хачатурян, К.Н. Кошко [Э/р]. – Р/д: de.dstu.edu.ru.
7. Чурсина, А.Д. Формирование коммуникативно-познавательных умений у студентов средствами новых информационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2002.
8. Костромин, С. Коммуникативная компетентность педагога как фактор успешности его диагностической деятельности // Психологическая наука и образование. – 2007. – №3.
9. Морева, Н.А. Тренинг педагогического общения: учеб. пособие. – М., 2003.
10. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник. – М., 1994.
11. Тищенко, В.А. Классификация коммуникативных умений студентов [Э/р]. – Р/д: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007>
12. Савичев, С.С. Проблема развития коммуникативной компетентности студентов высшей школы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5. – Т. 12.

Bibliography

1. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart viysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050100 Pedagogicheskoe obrazovanie [Eh/r]. – R/d: <http://minobrnauki.rf>.
2. Goykhman, O.Ya. Rechevaya kommunikaciya: uchebnik / O.Ya. Goykhman, T.M. Nadeina. – M., 2008.
3. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazhik i yazhkovaya lichnostj. – M., 2010.
4. Pivonova, N.E. Yazhkovaya lichnostj i problema kommunikativnoj kompetentnosti // Rechevihe i pisjmenne kommunikacii: uchebno-metodicheskoe posobie. – SPb., 2005.
5. Selevko, G.K. Ehnciklopediya obrazovatel'niyh tekhnologiy: v 2-kh t. – M., 2006. – T.1.
6. Khachaturyan, N.N. Osobennosti kommunikativnoj kompetentnosti studentov razlichnihk specialnostey / N.N. Khachaturyan, K.N. Koshko [Eh/r]. – R/d: de.dstu.edu.ru.
7. Chursina, A.D. Formirovanie kommunikativno-poznavatel'niyh umeniy u studentov sredstvami novihk informacionnihk tekhnologiy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Chelyabinsk, 2002.
8. Kostromin, S. Kommunikativnaya kompetentnostj pedagoga kak faktor uspehnosti ego diagnosticheskoy deyatel'nosti // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2007. – №3.
9. Moreva, N.A. Trening pedagogicheskogo obtheniya: ucheb. posobie. – M., 2003.
10. Andreeva, G.M. Social'naya psikhologiya: uchebnik. – M., 1994.
11. Titchenko, V.A. Klassifikaciya kommunikativnihk umeniy studentov [Eh/r]. – R/d: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007>
12. Savichev, S.S. Problema razvitiya kommunikativnoj kompetentnosti studentov viysshej shkolih // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2010. – № 5. – Т. 12.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 821.161.1' 0.09

Breyger J.M. RUSSIAN FOLK TALE AS A REFLECTION OF SPIRITUAL CULTURE OF THE NATION. The paper refers to the transmission characteristics of spiritual culture and life of people in the Russian fairy tales. We describe the various means of expression, creating images of fabulous heroes, of Russian nature, of life of the Russian people.

Key words: a fairy tale, spiritual culture, ethnic culture, folk tradition, the poetics of fairy tales, picture of Russian life, the heroic image of the Russian hero, obsolete words, epithets.

Ю.М. Брейгер, соискатель ВолГУ, г. Волгоград, E-mail: julia.breyger@mail.ru

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИИ

В работе говорится об особенностях передачи духовной культуры и быта народа в русских волшебных сказках. Описаны различные выразительные средства, создающие образы сказочных героев, русской природы, быта русского народа.

Ключевые слова: волшебная сказка, духовная культура, этническая культура, фольклорная традиция, поэтика сказки, картина русского быта, героический образ русского богатыря, устаревшие слова, эпитеты.

На основе проведенных исследований нами выявлены фольклорные особенности русских сказок на лексическом и синтаксическом уровнях, выделены лексико-семантические средства, с помощью которых в сказочном дискурсе создается колорит древней Руси, раскрывается внутренний мир народной сказки во всем богатстве его значений.

Фольклорная сказка передает не только героические народные образы и сюжеты, но и духовную культуру нации. Представление русского народа об окружающем мире, события, связанные с историей Руси, находят свое отражение в русском фольклоре и, в частности, в волшебных сказках. В сказке открывается мир наших предков во всех его особенностях (быт, традиционные занятия и ремесла, народные праздники и обряды). Б.А. Рыбаков отмечает, что «Религиозная сущность обрядов-игр давно уже выветрилась, символическое звучание орнамента забылось, волшебные (т.е. созданные волхвами-волшебниками) сказки утратили свой мифологический смысл, но даже бессознательно повторяемые потомками формы архаичного языческого творчества представляют огромный интерес, во-первых, как яркий компонент позднейшей (XIX-XX вв.) крестьянской культуры, а во-вторых, как неоценимая сокровищница сведений о многотысячелетнем пути познания мира нашими отдаленными предками» [1, с. 782].

Духовная культура и быт русского народа выражается в сказках с помощью разных художественных средств, что нашло отражение в своеобразии русской фольклорной традиции. Рассмотрим, прежде всего, особенности структурной организации русского сказочного текста. На синтаксико-стилистическом уровне характерно употребление устоявшихся традиционных зачинов, которые сразу же настраивают слушателя на сказочный лад, сосредотачивают его внимание, например: *жили – были, в некотором царстве, в некотором государстве*, и другие. Традиционные концовки подводят итог повествованию, повествование о «воцарении» положительного героя и наказании вредителя: *«Тут царь разгневался, приказал воеводу плетью прогнать, а Ивана обвенчал с Марьей-красой – долгой косой тем же вечером»*. Наиболее распространенные виды награды, которые получает главный герой – это женитьба на царевне и получение богатства (царства, наследства), что также находит отражение в концовке: *«Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена-малого юныша и сделал своим наследником»*. Наградой может быть и преобразование героя, как в сказке «Сивка-бурка», где Иванушка-дурачок за свою скромность, ловкость, силу и сноровку получает в жены Елену Прекрасную и преобразается внешне: *«Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец-молодец, прямо и не узнаешь!»*. Для концовок характерны фольклорные сказочные формулы: *«И стали они жить-поживать, добра наживать»*, *«И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»*, *«Стали они жить-поживать да горя не знают»*, *«И устроили они пир на весь мир»*, *«Тем и сказке конец...»*, *«...тем и сказка кончается»*, *«Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец»*, *«Веселым пирком да за свадебку»*. Иногда сказочник дает свою оценку повествованию, выражая свое отношение к героям: *«Знамо Господь покарает за великую жадность»*.

Следует отметить большое количество слов с уменьшительно-ласкательным значением: *дитяtko, Фролушка, рады-раде-хоньки, лебедушка, ребятушки, матушка, батюшка, мамушки и нянюшки, Морозушко, лапушка*; лексика, традиционно описывающей красоту природы: *травя-муравя, заповедные луга*. Для сказочного дискурса характерны также старинные формы приветствий: *«Многодетно здравствуй, государь!»*, *«Исполать вам, добрые молодцы!»* (Исполать – Хвала, слава).

Образность и красочность народной речи передается в русских сказках поговорками, небылицами, присказками: *«Земля слухом полнится»*, *«Двум смертям не бывать, а одной не миновать»*, *«Куда иголка, туда и ниточка»*, *«Утро вечера мудренее»*, *«Тебе не видать Марьи Моревны как ушей своих»*, *«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*, *«Ни в сказке сказать, ни пером описать»*.

К фольклорным особенностям русских народных сказок мы отнесли и характерный для них вид повтора – удвоение понятий (тавтология), например, в зачине сказки: *Жил-был, Жил да был, Жили-были, Жила-была, В некотором царстве, в некотором государстве; Живало-бывало, В царстве-государстве, Не в каком царстве, не в каком государстве*. Удвоение понятия используется не только для активизации внимания, но и для эмоционального воздействия. Мы выделили следующие функции таких повторов на основе удвоения понятий: передача устоя-

шихся сказочных зачинов; описание действия: *поплакал-поплакал, потужил-погоревал, спать-почивать, жить-поживать, живет-величается, разболелась-расхворалась, грыз-грыз, судят-рядят, придумывают-пригадывают, были-побывали, выдали-повидали, целовать-обнимать, заплакал-запечалился, ездил-ездил, спит-лежит богатырь, звать-величать, бились-рапились*; описание психологического состояния: *тоска-печаль, печаль-кручина, один-одишенек, горько-горько, рады-раде-хоньки, беда-напасть, беда-невзгода*; описание исторических и этнических реалий: *плита-камень, батюшка-царь*; передача архаических наименований: *рать-сила, мед-пиво, пир-столованье, бились-рапились, дань-окуп*; описание природы: *пни-колоды, мхи-болота, трава-муравя*; усиление характеристики образа, процесса, качества: *служить верой-правдой, путь-дорога, дорога прямохожая-прямоезжая, огонь-жар, любо-дорого, ждет поры-времени, жив-здоров, вкривь да вкось, скорым-скоро, судьба-доля, роду-племени, беда-невзгода*.

Для характеристики сказочных персонажей используются постоянные эпитеты, восходящие к фольклорной традиции: *красная девица, добрый молодец; сильный, могучий царь, бедная молодница, пригожая вдовица, прекрасная княжна, убогий старик, Иванушка-дурачок* и др.

Следует отметить также общую приподнятость сказочной речи в русских сказках. В этой связи, по мнению В.П. Аникина, есть основание для вывода о стилиевой структуре волшебных сказок как романтических историй: «Их рассказы предстанут перед нами как увлеченные необычным вымыслом повествования. Передача волшебного мира сочетается с яркими бытовыми картинками: от этого сочетания вымысел обретает бытовую достоверность, а бытовая правда рассказа проникается элементами чуда» [2, с. 161].

Передача своеобразия народного быта и духовной культуры прослеживается по следующим направлениям:

- в устаревших словах [3], например: *бабушка-задворенка* (от «задворный» – находящийся за двором, позади двора. Задворный человек – дворовой, живший на барском задворке), *наедки* (закуски, лакомства), *вырыснул* (выскочил), *гости* (купцы), *дань-окуп* (окуп = выкуп), *девка-чернавка* (служанка, выполнявшая черную работу), *девушка-поковка* (служанка, в обязанности которой входили уборка покоя – комнаты и прислуживание госпоже), зверь *прыскачий* (быстрый, стремительный); кабацкая *теребень* (постоянный посетитель кабака, завсегдатай), *кармазинное* (ярко-красное) сукно; нанести чести великую *поруку* (осрамить, опозорить), *поленица* (в русском бытовом эпосе – богатырь (мужчина или женщина), *росснани* (развилье, распутье где дорога расходится надвое или более) и др.

- в традиционных фольклорных формулах: *за тридевять земель, в тридесятом царстве; на море-океане, на острове Буяне; пир на весь мир; за темные леса, высокие горы; молочная река, кисельные берега; веселым пирком да за свадебку; расти не по дням, а по часам; долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли;*

- в разговорной и диалектной лексике: *напрочь* (совсем, окончательно), *тужить* (горевать, тосковать, скорбеть, печалиться), *чаять* (думать, полагать, надеяться, ожидать, предполагать), *зардеться* (вспыхнуть румянцем, покраснеть): «Спрашивает он: – Какая у вас беда-невзгода? О чем весь народ тужит?». «Подъехал к ней Лазарь Лазаревич: – Здравствуй, девица-душа!»;

- в наименованиях сказочных существ (и предметов): *Жар-птица, Баба-яга – костяная нога, Сивка-бурка, вещий каурка; избушка на курьих ножках, Идолище семиглавье, Змей-Горыныч, Кошеч Бессмертный, Чудо-юдо, поганое чудище;*

- в традиционных именах сказочных героев и злодеев: *Елена Премудрая, Иван-царевич, Василиса Премудрая;*

- в описании дома, интерьера: расписные палаты, каменный дворец с золотой крышей, палаты белокаменные; столы дубовые, скатерти бранные; скатерти узорчатые, барский дом, горница, боярский терем, русская печь, изба, русская банька, заваленка, чулан.

- в описании национальной одежды и национальной кухни: *красный кафтан, соболя шуба, сарафаны пестрые, напитки медовые, хлеб-соль, каравай, лапти;*

- в описании русского национального героя, его боевых подвигов и действий: *буйна голова, писаный красавец, добрый молодец, богатырские подвиги, боевая палица, дубины тяжелые, добрый конь богатырский, мечи булатные, меч-кладенец, сбруя ратная, смертный бой, пудовая палица; калена стрела, копье долгомерное;*

- в описании национальных занятий и обычаев: *колоть дро-*

ва, топить русскую печь, ходить за водой к реке (к колодцу), поить-кормить скот, дрова и воду в избу носить, мести избу, купаться в русской бане.

Исторический колорит древней Руси передается с помощью многих лексических и лексико-синтаксических средств. Изобразительные средства, употребляемые в русских волшебных сказках, создают выразительную картину быта русского народа и героических подвигов русских богатырей. Яркие эпитеты используются сказочниками для передачи героизма главных героев, их богатырской силы, стремления к справедливости. Являясь символом героизма и справедливости, богатырь в сказках часто обладает гиперболизированными характеристиками, что передается многочисленными эпитетами и сравнениями. Так, молодой богатырь Еруслан рос *не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался*, а его отец, Еруслан Лазаревич, был настолько силен, что обычный конь не мог его выдержать: «А вот коня по мне у нас в конюшне не нашлось. Всех до одного испытал. Выведут конюхи какого, брошу на холку руку – сразу на колени упадет». Герой так описывает битву с врагом: *Стал я их бить, как траву косить*. Характерна внешность героя-богатыря: «а сила у него была непомерная», «могучие плечи», «плечо богатырское».

Благодаря присутствию эпитетов в народной волшебной сказке создаются яркие, запоминающиеся сказочные образы не только положительных главных героев, но и антагонистов, в том числе враждебных волшебных чудовищ. Главный герой побеждает *трехглавого морского змея*, у которого *все три пасти разинуты, зубы оскалены, шестеро глаз злобой горят*.

Героический образ богатыря создается не только описанием его внешнего вида и его битвы с врагом, но и его боевых доспехов, его коня. Как правило, конь у богатыря – *волшебный, добрый конь богатырский*. У Еруслана Лазаревича он даже носит имя «Орош *Вещий*». Типична лексика, номинирующая доспехи русских богатырей: *доспехи ратные, боевая палица, меч острый, мечи булатный, меч-кладенец, сбруя ратная, палица; копы долгомерное, шлем*. Бой, который ведет герой – *смертный*.

Средства художественной изобразительности являются основой для создания и других сказочных образов. В русских сказках мы встречаем многочисленные описания женской красоты, для этого используются эпитеты, образные сравнения и другие приемы. Женская красота вызывает восхищение и уважение, отсюда и обращение к девушке: *девица-душа, девица-красавица*; в сказках ее называют *красной девицей-душой, глаза у нее с поволокою, брови черные, соболиные, идет, как лебедушка плывет!* Но встречается и другой образ женщины – это не только красавица, но и богатырь. Царь-девица, которую повстречал Еруслан Лазаревич, отличается яркой красотой: *Глаза у поленицы соколиные, брови черного соболя, личико белое, румяное, из-под шлема спадают косы русые до пояса*. Но ее также называют *поленицей*, что в русском былевом эпосе означало

«богатырь» (мужчина или женщина). И герой увидел, что она сидит на коне «как влитая», а на голове шлем.

Частое употребление устаревших слов, значение которых уже утрачено в современном языке, позволяет лучше воссоздать сказочное волшебное пространство, поместить героев в волшебное прошлое. Например, многочисленны термины, относящиеся к военному делу: *витязь, ратник, поленица* – устаревшие наименования воинов; также *поле брани, палица* и другие. Архаичны наименования помещений: *горница, опочивальня, покои, хоромы*, а также слуг в богатом доме: *мамушки, сенная девушка, девка-покоевка, бабушка-задворенка*. В сказках встречаются устаревшие, но редко употребительные в современном языке слова, такие как *темница* (тюрьма), *супостат* (недруг); но встречаются и лексемы, совсем вышедшие из употребления: *ражий* (здоровый, крепкий), *вырыскнул* (выскочил), «нанести чести великую *поруху*», то есть «осрамить, опозорить». Интересна история выражения «калики перехожие». Оно бытует в былинах и сказках. Так назывались странники, паломники, которые ходили по святым местам и жили подаяниями. Атрибуты этих странников – посох, ветхое платье. Предполагают несколько вариантов происхождения слова «калики»: от «калиги» («калуги») – назв. обуви странников (лат. caliga – сапог); от «калека» – нищий, увечный; от ит. calico – бедный.

Поэтика русских сказок передается множеством эпитетов, передающих образ света, огня, чистоты, радости: солнечный, золотой, серебряный, светлый, блестящий и др. Особенно много выражений с лексемой «золотой»: конь *златогривый, золотые* яблоки, *золотая* клетка, *золотая* узда; синее море, *золотой* песок; *золотой* трон, *золотая* колесница, *золотая* казна, *золотое* блюдо, *позолоченная* карета, бусы *золоченные*, крыльцо *золотое*, соболья шуба *вся в золоте*, в серебре; *Баба-яга – золотая* нога; яблоки висят наливные, листья шумят *золотые*, веточки гнуты серебряные; терем с *золотой* крышей; перо *золотое* у селезня; конь – одна шерстинка серебряная, другая *золотая*; *золотой* перстень; царевна-краса, *золотая* коса; *золотая* коса, непокрытая краса; решетка *золотая*, сад зеленый.

Таким образом, в русских волшебных сказках широко используются различные выразительные средства, создающие неповторимый образ русского героя, русской природы и мира, которые окружают героев. Художественная ценность русской народной сказки определяется образностью обрисовки как положительных героев, так и вредителей, использованием художественных средств, отражающих русскую этническую культуру. Сказочники используют образные выражения: пословицы, поговорки, «живую» разговорную речь. Русские сказки насыщены колоритными эпитетами, сравнениями, метафорами, гиперболами, фразеологическими оборотами, которые делают их более образными, эмоциональными, колоритными. Сказки имеют устоявшиеся десятилетиями традиционные зачины и концовки. Зачины настраивают слушателя на сказочный лад, концовки же, завершают повествование, часто несут поучительный характер.

Библиографический список

1. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1987.
2. Анкин, В.П. Русская народная сказка. – М., 1984.
3. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000.

Источники

1. Русские народные сказки [Э/п]. – Р/д: <http://lib.rus.ec/b/122559>
2. Волшебные сказки [Э/п]. – Р/д: <http://www.ru-skazki.ru/fairy-tales.html>.

Bibliography

1. Rihbakov, B.A. Yazichestvo drevney Rusi. – M., 1987.
2. Anikin, V.P. Russkaya narodnaya skazka. – M., 1984.
3. Bol'shoy tolkoviy slovar' russkogo yazika. – SPb., 2000.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 801

Grankova N.N. THE SUBJECT OF EMOTIVELY NEUTRAL AND EVOCATIVELY MARKED SUBSTANDARD VOCABULARY IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE. The paper is dedicated to the analysis of the subject matter of emotively neutral and evocatively marked substandard vocabulary. The source of investigation includes the lexicographical literature and the modern texts belonging to the belles-lettres and publicistic styles. The aim of the research is to define the spheres of the actual usage of the linguistic phenomena in question.

Key words: emotively neutral substandard vocabulary, evocatively marked substandard vocabulary, standard vocabulary, jargon, slang, invective, obscene words, vulgarisms.

Н.Н. Гранкова, канд. филол. наук ФГБОУ ВПО «АГАО», г. Бийск, E-mail: natascha297@mail.ru

ТЕМАТИКА ЭМОТИВНО-НЕЙТРАЛЬНОЙ И ЭКСПРЕССИВНО-МАРКИРОВАННОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматривается тематика группы эмотивно-нейтральной и экспрессивной маркированной сниженной лексики на основе лексикографических источников и современных текстов художественного и публицистического стилей с целью определения актуальных сфер употребления исследуемого языкового явления.

Ключевые слова: эмотивно-нейтральная сниженная лексика, экспрессивно-маркированная сниженная лексика, тематическая дифференциация, разговорная лексика, жаргон, молодежный сленг, инвективы, обценная лексика, вульгаризмы.

В рамках данной статьи представляется актуальным сначала определение сфер употребления сниженных лексических единиц (эмотивно-нейтральной групп) на основе анализа лексикографических источников, с целью выявления тематики исследуемых лексем.

Разговорная лексика, жаргон и сленг относятся в статье к эмотивно-нейтральной группе, поскольку использование каждой составляющей характеризуется достаточной стабильностью, постоянством, определенной социальной конвенциональностью, что обеспечивает внутрисистемное межличностное понимание. Вместе с тем, дифференциация этих групп проводится в работе на основе выделения таких признаков, как широта диапазона использования (разговорная лексика), кодифицированный характер (жаргон), экономический и игровой аспекты формирования (сленг).

Разговорная лексика – это слова и выражения, которые употребляются при непосредственном общении и характеризуются сниженной стилистической окраской [1, с. 509]. Наиболее общими признаками разговорной лексики является ее большая эмоциональная окрашенность по сравнению с общей литературно-книжной лексикой и ограниченность ее употребления, в основном, диалогической формой речи, в непринужденной беседе.

Жаргон – это язык какой-либо социальной группы, за исключением возрастного фактора, последний, вслед за Г. Эманом, рассматривается в данной работе как сленг – язык молодежи [2, с. 8].

Для дифференциации сниженной лексики по тематическому признаку были проанализированы русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона Е.А. Коломийца (специализированное лингвистическое издательство «Восток – Запад» 2005) (2000 лексических единиц) [3] и словарь-разговорник не-

мецкого языка (2008) (1500 лексических единиц) [4]. Выбор анализируемых источников был обусловлен актуальностью даты издания, а также тем, что авторы при создании словаря привлекали Интернет-словари, которые непрерывно отражают изменения словарного состава языка. Сначала была выявлена тематическая направленность эмотивно-нейтральной сниженной лексики:

1. Учеба (*Abi, die Niete* и др.).
2. Техника (*Fahrlappen, Addy* и др.).
3. Наркомания (*Nade, Fixe, Hammer, Kanone* и др.).
4. Тело человека (*Bollen, Denkapparat, Denkapparillo, Globus* и др.).
5. Криминальный мир (*Knuppetherapie* и др.).
6. Положительные эмоции (*tiffig, kravolta* и др.).
7. Окружающий мир (*Warteraum, Watch, Kalbungs-Date* и др.).
8. Ментальная деятельность человека (*kapieren, mit einem Fickfack kommen* и др.).
9. Глаголы, направленные на удовлетворение человеческих потребностей (*abcoolen, krallen, sich abschalten, einpennen* и др.).
10. Характеристика внешности личности (*Schoko-Cross, Dusseltier, Bodenturner, Punker, Laschi, Torte* и др.).

Далее был проведен количественный подсчет лексических единиц эмотивно-нейтральной группы для того, чтобы определить, в каком процентном соотношении находятся лексические единицы сниженного стиля по тематической дифференциации. Расчеты проводились по формуле Б.Н. Головина [5]. За 100 % было взято 1200 эмотивно-нейтральных лексем, представленных в словаре 2005 года и 500 лексем словаря 2008 года, отдельно по каждому лексикографическому источнику. Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Процентное соотношение тематической дифференциации
эмотивно-нейтральных лексических единиц

№	Тематика	Эмотивно-нейтральные лексические единицы					
		Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона Е.А. Коломийца (2005)			Словарь-разговорник немецкого языка (2008)		
		Разговорные лексемы	Сленг	Жаргон	Разговорные лексемы	Сленг	Жаргон
1.	учеба	-	3 %	-	-	-	-
2.	техника	2 %	-	-	-	-	-
3.	наркомания	-	5 %	-	-	4 %	5 %
4.	тело человека	7 %	-	-	4 %	-	-
5.	криминальный мир	-	-	4 %	-	-	-
6.	положительные эмоции	9 %	3 %	-	-	-	-
7.	окружающий мир	21 %	-	-	7 %	-	6 %
8.	ментальная деятельность человека	13 %	1 %	3 %	8 %	4 %	-
9.	глаголы, направленные на удовлетворение человеческих потребностей	14 %	3 %	-	17 %	5 %	3 %
10.	характеристика внешности личности	12 %	-	-	28 %	9 %	-

Тематическая дифференциация сниженных лексических единиц в лексикографическом источнике Е.А. Коломийца представлена более разнообразно, чем в словаре-разговорнике, так как в последнем преобладают лексические единицы экспрессивно-маркированной группы (обценная лексика, вульгаризмы, инвективы). Разговорные лексические единицы употребляются во всех группах, кроме сферы учебы, наркомании и криминала. Это обусловлено социальными характеристиками группы, а именно ее членами, которые используют, либо создают специфичные для их речи лексемы, чтобы «скрыть» информацию от общества, быть понятыми, но только в своем социуме, окружении.

Тематическая дифференциация сниженной лексики эмотивно-нейтральной группы на основе фактологии почти совпадает с тематикой лексикографических источников, за исключением учебного и технического процессов. Фактический материал был объединен по следующим темам:

1. Наркомания: Das war Quatsch, denn überall im Kino wurde getuschelt, gejoht und geraschelt, außerdem stank es nach Hasch [6, с. 123].

2. Тело человека: Sie hat Busen und Hintern [7, с. 88].

3. Криминальный мир: Kommissarin Jasmin Crampe von der Kripo Kün wandte sich der blonden Frau zu, die weinend in einem Ohrensessel kauerte [8, с. 28].

4. Положительные эмоции: Ich fühlte mich pudelwohl und nie einsam [9, с. 11].

5. Окружающий мир: Ich bringe dich gleich die Karte [6, с. 39].

6. Ментальная деятельность человека: Hätte ich auch keinen Bock drauf [6, с. 187].

7. Глаголы, направленные на удовлетворение человеческих потребностей: Oder sie schipperten mit ihrem selbst gebauten Paddelboot [10, с. 15].

8. Характеристика внешности личности: Ich bin nämlich eine Romantikerin – und eine ziemlich sentimentale Kuh / lacht [9, с. 11].

Сопоставление тематических сфер употребления сниженных лексических единиц лексикографических источников с фак-

тологией позволило не только определить сферы функционирования изучаемых лексем, но и выявить приоритетные области. Разговорные лексические единицы, несмотря на свою общепотребительность, не представлены в определенных сферах, а именно, учеба, наркомания и криминал.

В качестве экспрессивно-маркированной лексики в работе рассматриваются обценные языковые единицы, вульгаризмы, инвективы, обладающие способностью к усилению воздействия в акте коммуникации, что обусловлено имманентной отрицательной коннотацией. Они образуют самый низший пласт лексических единиц по причине своей ярко выраженной сниженностью, которая маркирована высокой экспрессивностью.

Сфера употребления экспрессивно-маркированных сниженных лексических единиц была выявлена на основе анализа русско-немецкого словаря современного молодежного жаргона Е.А. Коломиец (2005) [3] и словаря-разговорника немецкого языка (2008) [4]. В процессе работы отдельно по каждому лексикографическому источнику за 100 % было принято 800 лексических единиц из первого источника и 1500 лексемы из второго источника. Далее сниженные лексические единицы исследуемой группы были классифицированы по тематическим признакам, в результате чего определились следующие тематические сферы употребления лексем:

1. отрицательные эмоции (*ekelhaft, scheißegal, scheuЯlich* и др.);

2. окружающий мир (*Besdufnis, Gudelmasse, Plastilin, Puff* и др.);

3. психофизиологические процессы человека, направленные на реализацию каких-либо физических или умственных действий (*in die Fresse hauen, kotzen, rьpsen* и др.);

4. характеристика умственных или поведенческих качеств личности (*Luschi, Inselaffe, KuttenscheiЯer* и др.);

5. интимные отношения человека (*Fernrohr, Oasch mit Ohren, Nutte, ficken, geigen* и др.).

Результаты количественного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Процентное соотношение тематической дифференциации экспрессивно-маркированных лексических единиц

№	Тематика	Экспрессивно-маркированные лексемы					
		Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона Е.А. Коломиец (2005)			Словарь-разговорник немецкого языка (2008)		
		Обценная лексика	Вульгаризмы	Инвективы	Обценная лексика	Вульгаризмы	Инвективы
1.	отрицательные эмоции	-	21 %	-	-	15 %	-
2.	окружающий мир	-	17 %	-	-	24 %	-
3.	психофизиологические процессы человека, направленные на реализацию каких-либо физических или умственных действий	-	37 %	-	-	20 %	-
4.	характеристика умственных или поведенческих качеств личности	-	10 %	7 %	5 %	10 %	19 %
5.	интимные отношения человека	8 %	-	-	19 %	7 %	-

Сопоставление лексикографических источников с позиции представления в них экспрессивно-маркированной лексики не обнаруживает никаких-либо принципиальных отличий. Представленная таблица демонстрирует тот факт, что в группе экспрессивно-маркированной сниженной лексики вульгаризмы доминируют во всех сферах, что связано с их «относительной» нейтральностью по сравнению с обценными лексическими единицами.

Тематическая дифференциация сниженной лексики экспрессивно-маркированной группы на основе анализа фактического материала идентична сферам употребления сниженных лексем лексикографических источников, что обусловлено малым количеством тематических групп. Фактический материал был объединен по следующим тематикам:

- 1) отрицательные эмоции: Also mir ist das *scheiRegal* [6, с. 49];
- 2) окружающий мир: Soll ich jetzt das *ScheiЯ-Imbis-Hotel* verteidigen [7, с. 53];
- 3) психофизиологические процессы человека, направленные на реализацию каких-либо физических или умственных действий: *Halt die Klappe*, ich will den Film sehen [7, с. 123];
- 4) характеристика умственных или поведенческих качеств личности: Und jetzt *hau ab, du Arschmade* [6, с. 101];
- 5) интимные отношения человека: Ich habe meine Sachen zusammengepackt und warte darauf, dass Mutter und Lucas von ihrem *Quicky* im Wald zurückkommen [7, с. 120].

Библиографический список

1. Стариченко, В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д., 2008.
2. Ehmann, H. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache. – München, CH Beck, 2005.
3. Коломиец, Е.А. Русско-немецкий словарь современного немецкого жаргона: около 2000 слов и выражений. – М., 2005.
4. Немецкий сленг. Словарь-разговорник. – М., 2008.
5. Головин, Б.Н. Язык и статистика. – М., 1971.
6. Regener, S. Herr Lehmann. – München: Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003.
7. Townsend, S. Das Intimleben des Adrian Mole, 13 s Jahre. – PуЯneck: GGP Media GmbH, 2002.
8. Neues für die Frauen: Zeitschrift / unter Redaktion M. Cramer. – § 8/9. Bad Honnef : Cramer's GmbH, 2009.
9. Frau und Freizeit: Zeitschrift / unter Redaktion S.-C. Guthlein. – § 5. – Hamburg : SCG Verlag Ltd., 2009.
10. Juma: Jugenmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – § 1. – Kūln: TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2005.

Bibliography

1. Starichenok, V.D. Boljshoyj lingvisticheskiy slovarj. – Rostov n/D., 2008.
2. Ehmann, H. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache. – München, CH Beck, 2005.
3. Kolomiec, E.A. Russko-nemeckijy slovarj sovremennogo nemeckogo zhargona: okolo 2000 slov i vihrazhenij. – M., 2005.
4. Nemeckijy sleng. Slovarj-razgovornik. – M., 2008.
5. Golovin, B.N. Yazhik i statistika. – M., 1971.
6. Regener, S. Herr Lehmann. – München: Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003.
7. Townsend, S. Das Intimleben des Adrian Mole, 13 ? Jahre. – Po?neck: GGP Media GmbH, 2002.
8. Neues für die Frauen: Zeitschrift / unter Redaktion M. Cramer. – § 8/9. Bad Honnef : Cramer's GmbH, 2009.
9. Frau und Freizeit: Zeitschrift / unter Redaktion S.-C. Guthlein. – § 5. – Hamburg : SCG Verlag Ltd., 2009.
10. Juma: Jugenmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – § 1. – Kōln: TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2005.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 83

Gubanov S.A. THE COGNITIVE MECHANISMS OF GENERATION OF EPITHETS IN M. TSVETAeva's IDIOLECT.

The functioning and mechanisms of generation of epithets in M. Tsvetaeva's poetry is being suggested in the article. The special attention is paid to cognitive nature of metaphorical/ figurative epithet and it's activity in verbalisation of the basic for poet concepts in the mental sphere 'man'. The central mechanism of generation of epithets is metonymy.

Key words: epithet, M.Tcvetaeva, methonimy, discourse, idiostyle, the converse adjective.

С.А. Губанов, канд. филол. наук, доц. каф. философии НОУ ВПО «Международный институт рынка», г. Самара, E-mail: gubanov5@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭПИТЕТА В ИДИОЛЕКТЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается функционирование и механизмы образования эпитета в творчестве М.Цветаевой. Обращается внимание на когнитивный вектор переноса эпитетов и его участие в вербализации базовых для поэта концептов в ментальной сфере «человек». Доказывается, что центральным механизмом в образовании перенесенного эпитета является метонимия.

Ключевые слова: эпитет, Марина Цветаева, метонимия, дискурс, идиостиль, смещенное определение.

Среди изобразительно-выразительных и образных средств русского языка эпитет занимает далеко не последнее место. По употребительности данный троп является одним из лидеров, наряду с метафорой и метонимией. Вместе с тем внимание, которое уделяется эпитету в научной литературе, как лингвисти-

Диахронический подход в изучении различных видов сниженной лексики, представленной в лексикографических источниках, позволил выявить системнообусловленную связь между количественным и качественным показателями по тематическому фактору. Характеристика внутренних (умственных или поведенческих) качеств личности осуществляется вульгарными, инвективными и обценными лексемами, а характеристика внешности – разговорными или сленговыми. Причина подобной полярности заключается в том, что интеллект и характер индивида представляют человеческое «Я», оскорбление которого достигает нужной цели вне зависимости ситуации. Если внешний фактор человек может изменить, то внутренний остается с ним на протяжении всей жизни.

В процессе появления лексических новообразований рассматриваемого стилистического уровня расширяется тематический блок языковых единиц эмоционально-нейтральной группы (молодежный сленг, разговорные и жаргонные лексемы) при устойчивости низшего (вульгарные, обценные, инвективные лексические единицы). Анализ фактологии позволяет установить, что немецкая сниженная лексика имеет тенденцию к абстрагированию засчет стремления коммуникантов к сокрытию информации от «непосвященных». При этом увеличивается вес устойчивых образований, предназначенных для конкретных групп пользователей.

ческой, так и литературоведческой, кажется нам недостаточным. Описание данного языкового феномена ограничивается его определением и иллюстрациями употребления либо постоянного эпитета, либо окказиональных определений.

На наш взгляд, выявление сущности эпитета, механизмов его порождения и функционирования, способов его бытования в художественном тексте возможно в полном объеме, с опорой на рассмотрение его составе идиолекта того или иного писателя или поэта. Такого рода исследование предполагает рассмотрение следующих проблем: что такое эпитет в сравнении с другими изобразительно-выразительными и художественными средствами, с одной стороны; что есть эпитет в сравнении с логическим, обыкновенным определением, с другой стороны; каковы принципы порождения эпитета; являются ли они универсальными для эпитета или специфичны для идиолекта конкретного писателя; выдерживается ли типология эпитетов, принятая в поэтике, при рассмотрении данного феномена в творчестве конкретного писателя; существуют ли особые способы построения эпитетов, особые типы эпитетов; как на примере отдельного художественного средства можно говорить о моделировании и понимании мира художником слова.

В статье рассматриваются когнитивные механизмы образования переносного эпитета в лирике М. Цветаевой с опорой на достижения когнитивной лингвистики. Эпитет анализируется, исходя из его моделирующих возможностей, — участия в вербализации базовых художественных концептов.

В свете когнитивной парадигмы художественный концепт смысляется как сложный знак, который выражает знания писателя о фрагменте действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира. Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление набора ключевых слов текста, определение базового концепта и описание обозначаемого ими концептуального пространства [1, с. 59].

В исследовании рассмотрены основные, базовые для цветавского творчества концепты, находящие свою вербализацию посредством эпифрастического единства, в составе которого находится метонимический эпитет. Ключевые концепты мы условно разделили на две группы: конкретные и абстрактные. Конкретные представлены следующими ментально-вербальными образованиями:

1. Концепты субсферы «человек»:
  - глаза — 296 единиц;
  - рука — 133 единицы;
  - рот (уста) — 102 единицы;
  - лоб — 21 единица;
  - кровь — 13 единиц.
2. Концепты субсферы «артефакты»:
  - дом — 198 единиц;
  - город — 68 единиц.
3. Концепты субсферы «природа»:
  - деревья — 90 единиц.

Абстрактные понятия, связанные, так или иначе, с внутренним человеком и его деятельностью, представлены в лирике М. Цветаевой в составе комплексов с эпитетом не так массово и богато, как конкретные сущности — части тела человека: это *душа* (97 единиц) и *любовь* (50 единиц). Другие представлено менее часто (*печаль* 23, *тоска* 17, *сон* 15, *память* 14, *совесть* 11).

Нами выбраны базовые, частотные для творчества М.И. Цветаевой концепты, вербализованные посредством эпифразы. При этом избрана самая продуктивная ментальная сфера — «человек» в силу особого внимания, уделяемого поэтом изображению «внутреннего» и «внешнего» человека.

Ментальная модель «человек» является основной сферой бытования наиболее значимых категорий для М.И. Цветаевой. Данный факт объясняется общей логикой языка, антропоцентричного по своей природе, и поэтическим миром художника слова, для которого телесное ощущение мира является одним из основных способов его интерпретации. М.П. Оudinцова пишет: «Человек — это живое существо, разделенное на две в принципе отделяемые друг от друга субстанции — тело и душу, каждая из которых совмещает в себе прямо противоположные начала активности и пассивности. Человек — это наделенное разумом, волей, речью активное, т.е. действующее по своему выбору «я» и в то же время это инертная вещь — пространство, вмещающее разнообразных предметов, субстанций, материальных (физических) и идеальных (духовных), таких, например, как физические и духовные: мозг, сердце, кровь, нутро, грудь, ощущения, таких уникально духовных, как душа, совесть, память, ум, сознание, мысль, воображение, чувства и черты личности: любовь, мудрость, доброта, зависть, ненависть, тоска, радость и многие другие. В человеке — духовном пространстве — размещается не только всё собственно человеческое, но в пределе — вся Вселенная, всё, что входит в сознание личности в субъек-

тивных образах природы, живых и неживых предметов, микро- и макромира, космоса» [2, с. 65].

В последнее время так называемая лингвистическая антропология, изучающая различные стороны жизни человека, которые представлены в языковом коде, а также ставящая целью рассмотреть языковую картину внутреннего мира человека, приходит к выводу о том, что данная языковая картина мира может быть представлена как фрагмент наивной анатомии и физиологии, как система внешних симптомов внутренних состояний, как некий универсум-микрокосм и как «образная грамматика интросознания» [1; 2].

Наивная анатомия и физиология внутреннего человека исходит из универсального принципа, постулируемого когнитивной лингвистикой, который гласит о том, что в основе языка лежит телесный опыт человека. Таким образом, внутренняя сфера жизни человека строится по модели внешнего человека. Многие концепты психики человека находят свою языковую репрезентацию в выражениях, характеризующих внешнюю представленность человека (сердце кровью обливается). Исследователи склонны видеть проявление характерной черты архаического языкового сознания, «для которого естественно описание абстрактных способностей человека, его поступков через название органов, обеспечивающих эти способности», «поэтому утрата или отсутствие органа может квалифицироваться в языке как утрата или отсутствие закреплённых за ним функций человека: потерять голову, обезуметь...» [3, с. 23]. Выделяют органы душевной жизни человека с опорой на предложенный Е.В. Урысон перечень приписываемых им признаков, типичных для физических органов: закреплённость за определённой функцией, способность испытывать физические ощущения, возможность мыслиться как вместилище, компактность, локализация, функционирование независимо от воли субъекта, контролируемость субъектом [4]. Устройство внутреннего человека включает душу, дух, сердце, ум, рассудок, разум (описаны Марченко), память, совесть, воображение, фантазия, волю, способность, чувства [1], печень, грудь (=сердце) (см. работы Д.Н. Шмелёва). Как показала Е.В. Урысон, наиболее сходна с материальными органами душа: она обладает всеми признаками физического органа. Необходимо подчеркнуть квалификацию души, ума, духа и других подобных концептов в качестве квазиорганов. Тем не менее, данные «органоиды», «как бы органы» весьма часто и регулярно переносят на себя функции других органов, тесно связанных с ними (ум — мозг, мышление) или метонимически им уподобленных (душа — сердце, ум (*разумная душа*)).

Внутренний человек представлен в языке не просто как набор органов, но и как сложная система, целостный организм. Все составляющие его части обеспечивают нормальную жизнь благодаря согласованной работе всех систем организма.

Симптоматика внутреннего человека, внешние проявления внутренних процессов, и в первую очередь процессов эмоционально-психологических, описана многими лингвистами [4], но когнитивных исследований данной субсферы пока не имеется. Знаками внутреннего человека называют предикаты разной частеречной принадлежности, объединённые общим корнем вид, номинации отдельных деталей внешнего облика человека (глаза, рот, лицо, походка, речь). Данные концепты сочетаются с оценочными эпитетами типа «умные глаза», «угрюмое лицо», «добродушное лицо» и т.д. Как показала Л.Б. Никитина, объектами не прямых характеристик интеллектуальной деятельности человека могут служить номинации результатов деятельности (*умная работа*) и развёрнутые описания поступков, действий, которые «оцениваются носителями языка в связи с интеллектуальной ипостасью и её активным, определяющим влиянием» [5, с. 131].

Микрокосм внутреннего человека включает в себя все основные объекты живой и неживой природы: стихии (*в пылу страсти*), растения (*расцветающая любовь*), животных (*совесть ложит*), человека (*воспитание чувств*) и т.д.

В антропологии внутреннего человека базовым следует признать принцип единства (а потому, возможность установления метафорических и метонимических подобий) внешнего и внутреннего аспектов человека.

Внешняя выраженность внутреннего состояния человека наиболее ярко репрезентируется в аффективных моделях, которые ориентированы на передачу сообщения о состоянии субъекта, которое выражается в его внешнем облике. Это проявляется в постпозиционной позиции прилагательного, которая переводит признак в позицию предиката (*он задумчив*).

Остановимся на вербализации основных для творчества М. Цветаевой концептов ментальной сферы «человек» посредством эпифразы. Таковых концептов три: *глаза*, *рука* и *рот*.

1. Концепт *глаза* посредством употребления метонимического эпитета дает полное представление о человеке и его эмоциях.

Ему в задумчивые глазки // Взглянула ... [6, т. 1, с. 24]; *Памятливыми глазами // Впилась – народ замер* [6, т. 1, с. 226]; *У мамы сегодня печальные глазки* [6, т. 1, с. 103]; *Глазами, не зная желаящими ...* [6, т. 2, с. 225]; *И обо всех – в аллеях и гостиных // Вас жаждущих глазах* [6, т. 1, с. 186]; *И глаза твои, грустные, те же* [6, т. 1, с. 72]; *... что этих слишком гневных глаз // Не вынося, боялись люди* [6, т. 1, с. 71]; *Братец в радушии трет // Сонные глазки ручонкой* [6, т. 1, с. 47].

Неразгаданный взгляд... [6, т. 1, с. 132]; *И синий взгляд, пронзительный и робок* [6, т. 1, с. 313]; *Юный ли взгляд мой тяжел?* [6, т. 1, с. 252]; *Не тот же бесстрастный, оценивающий, любопытствующий взгляд* [6, т. 4, с. 62]; *Не правда ли? – // Лынущий, мнувший // Взгляд* [6, т. 3, с. 39]; *Взор твой черней, взор твой зоркий* [6, т. 3, с. 344]; *Скрытные твои ресницы...* [6, т. 3, с. 192]; *На завитки ресниц // Невинных и наглых... Заглядывая один человек ...* [6, т. 1, с. 319].

Как показал анализ, большая часть эпитетов, зафиксированных в контексте указанных субстантивов, репрезентантов концепта «глаза», представляют собой результат переноса качеств с человека на его глаза, части глаз (*веки, зрачок, ресницы, завитки ресниц, веки*), их состояние (*взор, взгляд, слезы*).

Наиболее частотны в контексте названных существительных следующие эпитеты:

- печальный, грустный (98 единиц);
- задумчивый (36 единиц);
- юный (21 единица).

Преобладание эпитетов *печальный, грустный* свидетельствует о том, что для поэта важно эмоциональное состояние субъекта; в лексемах, воплощающих концепт *глаза*, актуализируется значение «*глаза – зеркало души*». Не менее важной характеристикой субъекта является и мыслительная, сопряженная с внутренними переживаниями и потому не выступающая в чистом виде (*задумчивый*). Сема наивности, чистоты вербализируется в определении *юный*.

Экспансия определения на смежные реалии в поэзии М. Цветаевой реализуется тотально, массово в сравнении с обычной нехудожественной речью. Это объясняется необычайной свободой в переносе признаков, отсутствием скованности нормами сочетаемости определений с определяемым словом. К примеру, выражение *памятливые глаза* явно окказионально, но вполне закономерно в рамках описываемой нами тенденции. Поэту важно увидеть в глазах любимого человека прошлое; с другой стороны, возможна интерпретация данного выражения и как *глаза, способные многое помнить*. Таким образом, выражение вызывает целый шлейф ассоциаций и возможных толкований.

В таких словосочетаниях эпитет выступает в метонимическом значении «такой, который выражает данное свойство/состоя-

ние человека». Значение эпитета можно трактовать двояко: «такой, который выражает данное свойство/состояние человека» и как «такой, который сочетается/выступает совместно с данным состоянием человека» (*невинные и наглые глаза*).

Набор определений во всех микроконцептах, воплощающих концепт *глаза* (*глаза, взгляд, ресницы и др.*), одинаков, что говорит о единой тенденции переноса определения – процесса наделяния основными, ключевыми качествами человека не только концепта *глаза*, но и его частей, проявлений, продуктов деятельности (*слезы*).

2. Концепт *рука*.

Безумные руки тянешь, и снегом – конь [6, т. 3, с. 20]; *... Рукой заспанной ресницы трет, // Теперь правому плечу – черед* [6, т. 3, с. 243]; *Сам нежные руки целует себе* [6, т. 3, с. 237]; *Смелыми руками – вдоль перил витых* [6, т. 3, с. 227]; *А рука-то занемелая, // А рука-то сонная...* [6, т. 2, с. 215]; *Ревнивая длань – твой праздник* [6, т. 3, с. 21]; *Длинной рукой незрячей, // Гладя раскиданный стан...* [6, т. 1, с. 358]; *Руки ... старческие, не знающие стыда* [6, т. 2, с. 147]; *И движенья рук невинных – // слишком злы* [6, т. 1, с. 421]; *Пальцы в жгут...*; *В чем опьяненным объять // Ты обрела забытье* [6, т. 1, с. 142]; *Ломал ли в пьяном кулаке // Мои пронзительные пальцы* [6, т. 1, с. 328].

В концепте *рука* подчеркивается ее деятельная природа, активность; отсюда частотность эпитетов *смелый, безумный*.

Вновь отметим тенденцию к выделению интересующего поэта признака с помощью метонимического конструирования эпитета. В выражении *рукою робкой надавливать звонок* подчеркивается ощущение (робость) при совершении действия, которое, в свою очередь, переносится на орудие действия – руку.

3. Концепт *рот*.

Только и памятьлив, что на песни // Рот твой улыбочивый [6, т. 1, с. 277]; *И целует, целует мой рот поющий* [6, т. 1, с. 326]; *Запечатленный, как рот оракула – // Рот твой, гадавший многим* [6, т. 2, с. 240]; *Та гора хотела губ девственных* [6, т. 3, с. 24]; *От дум, что веки не скажешь словами, // Печально дрожали капризные губки* [6, т. 1, с. 55]; *Встречались ли в поцелуе // их жалобные уста* [8, т. 1, с. 358]; *Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка* [6, т. 1, с. 132]; *... Не надует гордых губ* [6, т. 1, с. 117]; *Не губы, жмущиеся жадно // К руке чужой ... (о приборе)* [6, т. 2, с. 117]; *Печальные губы мы помним...* [6, т. 1, с. 101].

Рассматриваемый концепт важен для поэта в силу функциональности человеческого органа, рта – с его помощью можно говорить, петь и т.д.

Все три базовых концепта располагают сходным набором определений, которые сочетаются с их именами, в лирике М. Цветаевой. Данный факт говорит о том, что при глобальном рассмотрении векторов переноса эпитета можно увидеть когнитивные основания метонимических определений: с человека как целого происходит перенос на его часть (орган) принципиально любого психического свойства или состояния.

Библиографический список

1. Бабенко, Л.Б. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Б. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М., 2006.
2. Одинцова, М.П. Языковые образы «внутреннего человека» // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологический философский очерк (на материале русского языка) / под ред. М.П.Одинцовой. – Омск, 2000. – Ч.1.
3. Коськина, Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: дисс. ...канд. филол. наук. – Омск, 2004.
4. Урысон, Е.В. Языковая картина мира обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2.
5. Никитина, Л.Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира. – Омск, 2003.
6. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. – М., 1994.

Bibliography

1. Babenko, L.B. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta / L.B. Babenko, Yu.V. Kazarin. – M., 2006.
2. Odincova, M.P. Yazykovye obrazy «vnutrennego cheloveka» // Yazyk. Chelovek. Kartina mira: lingvoantropologicheskij filosofskij ocherk (na materiale russkogo yazyka) / pod red. M.P.Odincovoy. – Omsk, 2000. – Ch.1.
3. Kosjina, E.V. Vnutrennij chelovek v russkoy yazykovoy kartine mira: obrazno-associativniy i pragmalingvisticheskiy potencial semanticheskikh kategoriy «prostranstvo», «subjekt», «objekt», «instrument»: diss. ...kand. filol. nauk. – Omsk, 2004.
4. Urihson, E.V. Yazykovaya kartina mira obikhodniye predstavleniya (modelj vospriyatiya v russkom yazyke) // Voprosih yazykoznaniya. – 1998. – № 2.
5. Nikitina, L.B. Obraz homo sapiens v russkoy yazykovoy kartine mira. – Omsk, 2003.
6. Cvetaeva, M.I. Sbranie sochineniy: v 7 t. / sost., podgot. teksta i komment. A.A. Saakyanc i L.A. Mnukhina. – M., 1994.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 821.161.1-31

Degteva V.V. CREATIVE WORKS BY VASILY GROSSMAN: MODERN APPROACHES AND CONCEPTIONS. In the article author analyses modern approaches to studying of creative works by V. Grossman. The main directions of researches are called, specifics of the European and Russian reflection is specified. Also author allocates prospects of further research of key subjects of prose by the author.

Key words: V. Grossman, criticism, creative works, themes of socialist construction, war, concentration camps.

В.В. Дёгтева, аспирант каф. русской и зарубежной литературы Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, E-mail: degteva_90@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ.

В работе представлен аналитический обзор современных подходов к изучению творчества В. Гроссмана. Названы основные направления исследований, указана специфика европейской и отечественной рефлексии. Выделены перспективы дальнейшего исследования ключевых тем прозы автора.

Ключевые слова: В. Гроссман, критика, творчество, темы социалистического строительства, войны, лагеря.

Творчество В.С. Гроссмана, находящееся под запретом несколько десятков лет, – пример заново открытой литературы. Произведения писателя становятся доступны лишь с 1989 года, но и теперь нельзя говорить о литературоведческой традиции, сложившейся вокруг прозы автора: в отечественном литературоведении исследования представлены разрозненно, в виде единичных статей, заметок, обзорных глав монографий. В то же время, при более глубоком рассмотрении творческой истории писателя, становится очевидным, что многие магистральные темы русской литературы второй половины XX века начались с его текстов.

Цель данной статьи – представить аналитический обзор современного состояния литературоведения, занимающегося творчеством В. Гроссмана, наметить возможные перспективы изучения текстов художника.

Задачи:

- систематизировать имеющиеся подходы к исследованию прозы автора;
- наметить важнейшие темы творчества В. Гроссмана и перспективу их изучения;

Анализ текстов автора производился, как правило, в рамках парадигмы, актуальной для постсоветского социокультурного пространства, во многом сконцентрированного на отрицании советского опыта и поисках путей его преодоления, изживания.

Творческая биография В. Гроссмана охватывает период в 30 лет. За это время мировоззрение художника прошло колоссальную эволюцию. Он входит в литературу как писатель, искренне верующий в постулаты соцреализма, а уходит как автор, отвергнутый властью, во многом непонятый и неоцененный читателями.

В настоящее время практически не изучен ранний период творчества мастера, охватывающий 1930-е – начало 1940-х годов. Данный этап является стартовой площадкой писательского пути, идеи, постулируемые в этот период, обыгрываются и обсуждаются в последующих текстах. Уже здесь художником проговорены принципиально важные темы, означена иерархия ценностей – честность, трудолюбие, взаимовыручка, доброта. Данные понятия формально не отрицались в рамках становящейся советской идеологии, которой Гроссман был увлечен, но трактовались особым образом, в соответствии с требованиями времени. Наиболее ярко, полно черты соцреалистического канона проявлены в романе «Степан Кольчугин» (1937-1940): это и положительный образ главного героя, и пространственно-временная организация повествования (закрепленная вертикаль, гора как символ преодоления трудностей, восхождения персонажа и др.), и распределение действующих лиц по ролям-функциям, выявленным и описанным К. Кларк в работе «Советский роман: история как ритуал».

Наряду с элементами соцреалистической поэтики уже в ранних произведениях очевиден своеобразный эффект многоголосия. Принцип «у каждого своя правда» – один из организующих в тексте: голос царского генерала звучит наравне с голосом пролетария Степана, несмотря на то, что они находятся по разные стороны баррикад.

Исследовательница соцреалистического канона – К. Кларк – приводит роман «Степан Кольчугин» в качестве примера ортодоксального соцреализма [1], анализирует пространственную

организацию текста, систему персонажей, сюжетные схемы, в целом соответствующие требованиям канон. Однако поэтика соцреализма более актуальна для первой части романа, написанной В. Гроссманом еще до войны. Во второй части акценты смещаются, что связано с передачей функции главного героя от рабочего Степана Кольчугина к интеллигенту Серёже Кравченко.

Вслед за изменением ведущего персонажа меняется и его окружение. В первой части романа действуют заданные соцреализмом сюжетные коллизии (потеря родителя, подмена коллективом родной семьи, перенос функции отца на идеологического наставника, утрата религиозной веры и приобретение веры в Бога-вождя, утрата/отказ от любви в пользу дела). Во второй части эти схемы не функционируют: Серёжа, как и Степан, хочет служить делу революции, но он из полной состоятельной интеллигентной семьи врача, ценящей память о своих предках, их культуре, Серёжа испытывает большое любовное чувство, женится, участвует в войне на стороне царской России, потому что так велит ему долг и честь. Таким образом, Гроссмана более интересуют развитие идеи революции не в рабочих кругах, а в кругах интеллигенции. А. Бочаров настаивает на присутствии уже в ранних текстах автора антикоммунистических настроений [2].

Анализируя существующие работы по изучению творчества Гроссмана 1930-1940-х годов можно отметить, что его прозу либо причисляют к ортодоксальному соцреализму (К. Кларк), либо, напротив, отрицают ее причастность к пропаганде идей социализма (А. Бочаров). Очевидно, что для осмысления индивидуального писательского стиля необходимо проанализировать ранние произведения автора в контексте его мировоззренческой эволюции.

Отдельным направлением в изучении творчества Гроссмана является анализ темы войны в произведениях 1940-1950-х годов. Будучи военным корреспондентом, писатель много писал о войне, его диалогия «Жизнь и судьба» освещает события Сталинграда. Военной теме в творчестве Гроссмана посвящены работы Б. Ланина, В. Кулиша, В. Оскоцкого. В своих текстах писатель отчасти разрушает официальный монохромный военный миф, изображая войну и с неприглядной стороны.

В анализе батальной тематики у Гроссмана существуют противоположные точки зрения, сложившиеся исторически. Роман «За правое дело», посвященный событиям войны, подвергся после выхода жесткой критике со стороны редакторов, членов Союза писателей. Произведение ругают за слабую идейность, малое число эпизодов, посвященных Сталину, отсутствие идеологически «правильных» персонажей: «Вы говорите о сокровищнице человеческих характеров, которая щедро раскрылась за этот год войны. Это верно, но, мне кажется, вы не использовали одну сторону вопроса – подчеркнуть победу нашего строя, при котором таланты черпаются из всех слоев общества, что и военные таланты составляют не 5 % общества, а 50 и 70 и, в связи с этим, из этой среды могут большие люди выйти» [3, с. 15]. По настоянию цензоров Гроссман многое изменил, вписал канонически заданных героев, эпизоды про Сталина.

Спустя десятилетия А. Солженицын посвятил диалогии («За правое дело» и «Жизнь и судьба») две статьи, в которых отмечает в качестве недостатка излишнюю идеологичность текстов, избыток восхваления Сталина: «А уж Сталин-то, Сталин! Жалкая речь его 3 июля 1941 приведена в романе почти полностью».

тью, но для укрепления её хлипкого хребта – наворожены куски декламации от автора. «В этой убежденности была вера в силу народной воли» [4, с. 155]. Подчеркнем, критика произведений Гроссмана исторически и идеологически детерминирована. При анализе темы войны в творчестве писателя необходимо отталкиваться от авторского замысла, принимать во внимание существующие цензурные ограничения, с которыми автор вынужден был считаться, чтобы иметь доступ к читателю.

Значительная по объему литература, написанная о В. Гроссмане, – воспоминания, мемуары, свидетельства друзей, родственников, очевидцев. Ф. Губер – приемный сын писателя – выпустил книгу воспоминаний «Память и письма» (2007), в которой привел часть личного архива В. Гроссмана, свои воспоминания о нем, его жизни и времени. Большое издание С. Липкина «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» вышло в 1990 году. Автор был близким другом писателя, в подробностях рассказывает о его жизни, друзьях, женах, о его отношениях с издательствами, с властью, переживаниях и привычках. Биографические заметки о В. Гроссмане оставили Ю. Дружников, Е. Короткова-Гроссман, Б. Ямпольский, Г. Померанц.

При изучении творчества Гроссмана необходимо учитывать его биографическую составляющую, выходить на уровень анализа текста как явления социокультуры, принимая во внимание исторические, социальные, идеологические факты, связанные с автором.

Одна из центральных тем, которая находит отражение в главном романе художника «Жизнь и судьба», вызывает наибольшее внимание со стороны исследователей – тема лагеря, тюрьмы, взаимодействия пенитенциарной системы и личности. В современном представлении данная проблема связана в большей степени с творчеством таких авторов, как А. Солженицын и В. Шаламов. Если сравнивать в контексте прозу А. Солженицына и прозу В. Гроссмана, то слова, взятые из рецензии на работу Ф. Эллина «Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic» (1994), охарактеризуют их соотношение довольно точно: «An eminent Soviet scholar said, "Solzhenitsyn writes for the hour, Grossman writes for the age" — («Выдающийся советский ученый заметил: "Солженицын пишет для времени, Гроссман пишет для вечности"» — В.Д.) [5].

Тема лагеря в художественном мире В. Гроссмана выходит за рамки конкретной эпохи. Безусловно, в поздних текстах писателя можно обнаружить критику Советского государства, тоталитаризма, однако ведущими для мастера становятся экзистенциальные проблемы человеческого бытия. Здесь Гроссман близок Шаламову и раннему Солженицыну – автору гениального «Одного дня Ивана Денисовича» [6]. Социальные и политические условия нивелируются, оставляя «голого» человека в качестве основного объекта анализа. Гроссман сближает фашизм и сталинизм как две тоталитарные системы, в которых самоопределение индивидуума сталкивается с мощной машиной власти, с развитой системой наказаний, человек «овнешняется», формируется, становится легко управляем. Сегодня в сближении двух систем критика видит в основном порицание тоталитаризма, сопоставление образов Советской России и гитлеровской Германии, приравнивание личности Сталина к личности Гитлера по степени жестокости, изощренности.

Для отечественной критической мысли признание сходства режимов Гитлера и Сталина достаточно болезненно, дискуссионно: советское прошлое не ассоциируется с ужасами немецкого нацизма. В отечественном опыте изучения лагерной прозы данная тема не является ведущей. Тем временем западное литературоведение напрямую говорит о тождестве двух исторических периодов как эпох тоталитаризма. В европейской гуманитарной науке Освенцим и Колыма давно стоят на одной ступени [6]. Зарубежные исследователи интересуются темой лагеря в творчестве А. Солженицына, в текстах Ю. Домбровского, В. Шаламова, Е. Гинзбург и др.

В. Гроссман же привлекает внимание западных интеллектуалов еще и потому, что связывает мощное влияние и быстрое распространение тоталитаризма в России XX века со спецификой национального менталитета. В поздней повести «Все течет» автор рассуждает на тему русской души, восклицая: «О, русская душа – тысячелетняя раба». Художник подчеркивает рабские отношения между властью и человеком, заложенные многолетней историей и присутствующие скорее на генетическом уровне. Д. Ранкур-Лаферьер в своем психоаналитическом исследовании русского менталитета через призму литературы открыто использует понятия «мазохизм» и «садомазохизм» в описании центральных персонажей русской литературы [7]. В качестве примера исследователь приводит и героев произведений В. Гроссмана. Из зарубежных литературоведов можно отметить английского ученого Ф. Эллина, чья работа «Vasily Grossman: The

Genesis and Evolution of a Russian Heretic» (1994) является первым крупным исследованием творчества Гроссмана, и американского профессора Джона Гаррарда, который выпустил несколько работ, посвященных писателю: «The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman, with Dr. Carol Garrard» (Simon & Schuster: NY, 1996).

Близко к теме лагеря в творчестве В. Гроссмана стоит и тема социального устройства. Данной проблематике посвящена интересная работа Б. Ланина «Идеи "открытого общества" в творчестве Василия Гроссмана» (1997). Исследователь накладывает концепцию Карла Поппера об открытом обществе на поздние тексты В. Гроссмана и выделяет сходные идеи: «В этом пункте перекличка между идеями Карла Поппера и Василия Гроссмана обретает удивительно точный характер. Создается впечатление, что два мыслителя не полемизируют, но в незримом соавторстве уточняют важнейшую для понимания открытого общества дефиницию» [8, с. 24]. Также в работе есть отсылки к концепциям Гераклита, Пифагора, которые становятся ключом к прозе писателя. Тем самым утверждается существование текстов Гроссмана в мировом философско-культурном пространстве. Соответственно изучение поэтики и проблематики творчества автора должно осуществляться с позиций более глубоких, учитывающих философский контекст, мировоззрение, выраженные через текст.

Особое место в творчестве Гроссмана занимают проблемы этнопоэтики, тема еврейства. Мать художника погибла на Украине в еврейском гетто, Василий Семенович тяжело переживал ее смерть, о чем не раз писал в своих произведениях. Авторы, затрагивающие тему еврейства, делают акцент на том, что В. Гроссман одним из первых осмелился высказать правду о массовых уничтожениях евреев, нередко упоминация «Черной книги» (1946), над которой Гроссман работал вместе с И. Эренбургом. Еврейская тема в творчестве В. Гроссмана затронута в статьях М. Липовецкого, Ш. Маркиша, Н. Елиной, М. Гензелевой.

В работах Ш. Маркиша подчеркнуто еврейство писателя: «...еврейская судьба русского писателя Василия Гроссмана перевернула его жизнь, заставила заново, по-новому взглянуть и на историю, частью которой он оказался, и на свои долги перед этой историей, перед народом, к которому он принадлежал» [9]. Исследователь настаивает на национальной специфике творчества художника. Некоторые, однако, критикуют В. Гроссмана за его сочувствие еврейскому народу. А. Казинцев, в статье «История – объединяющая или разобщающая» (1988) пишет: «Мне трудно принять жесткую, нет – жесткую избирательность писателя, видящего в переполненной трагедии народов историю первой половины XX века только трагедию евреев» [9, с. 145]. Анализ «еврейского вопроса» в существующих исследованиях, в основном, вращается вокруг проблем национальной принадлежности писателя и его русофобии. В то же самое время образы евреев – отдельная тема, заслуживающая пристального внимания.

Начиная с самого первого рассказа «В городе Бердичеве» (1934), художник вводит в повествование героев-евреев. Писатель не отдает им главное место в системе персонажей, но наделяет константными чертами, которые складываются в единый образ еврея, имеющий свою эволюцию. Здесь можно упомянуть образы Хаима Тутера из рассказа «В городе Бердичеве», который становится носителем вечных ценностей – семьи, очага, любви к детям, вере. В других ранних произведениях есть детали, указывающие на еврейство ключевых (хоть и не главных) положительных персонажей – комиссар Верхотурский из рассказа «Четыре дня» (1935), революционер Абрам Бахмутский из романа «Степан Кольчугин» (1937-1940). Некоторые наблюдения на этот счет есть в работе А. Бочарова «Жизнь. Творчество. Судьба» (1990), однако проблема до сих пор не получила всестороннего осмысления.

Таким образом, сегодня мы можем говорить о нескольких направлениях изучения творчества В. Гроссмана: это изучение его ранних произведений в контексте поэтики соцреализма, исследование тем войны, лагеря, «еврейского вопроса», прошедшие через всю прозу. Радикальным является взгляд западных исследователей на содержательную сторону текстов писателя. Зарубежная филология занимается изучением национального вопроса, представленного в произведениях Гроссмана, видит его разрешение через призму ведущих тем автора.

В настоящее время представляется актуальным анализ творчества художника в социокультурном аспекте. Необходимо учитывать историческую, социальную, идеологическую, философскую специфику мировоззрения писателя. Подобное исследование позволит глубже раскрыть авторскую модель мира Гроссмана, предложенную им в поздних текстах, заполнить существующие пробелы в опыте изучения наследия мастера.

Библиографический список

1. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал. — Екатеринбург, 2002.
2. Бочаров, А. Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. — М., 1989.
3. Симонов, К. Замечания и отзывы К.М. Симонова, А.А. Фадеева и др. о романе В.С. Гроссмана «За правое дело» (1948 – 1954) // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. 9.
4. Солженицын, А. Дилогия Василия Гроссмана: из «Литературной коллекции» // Новый мир. — 2003. — №8.
5. [Э/р]. — Р/д: <http://www.barnesandnoble.com/w/vasilij-grossman-frank-ellis/1000633280?ean=9780854968305>
6. Ковтун, Н. Тема отлучения от свободы в ранней новеллистике А. Солженицына // Сибирский филологический журнал. — 2012. — № 1.
7. Нива, Ж. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. — М., 1999.
8. Ланин, Б.А. Идеи «открытого общества» в творчестве Василия Гроссмана. — М., 1997.
9. Маркиш, Ш. Трагедия или триумф Василия Гроссмана, или об универсальности рабства и свободы в двадцатом веке // Иерусалимский журнал. — 2004. — №18.
10. Казинцев, А. История — объединяющая или разобщающая // Наш современник. — 1988. — № 11.

Bibliography

1. Klark, K. Sovetskij roman: istoriya kak ritual. — Ekaterinburg, 2002.
2. Bocharov, A. Vasilij Grossman. Zhiznj, tvorchestvo, sudjba. — M., 1989.
3. Simonov, K. Zamechaniya i otzivih K.M. Simonova, A.A. Fadeeva i dr. o romane V.S. Grossmana «Za pravoe delo» (1948 – 1954) // RGALI. F. 1710. Op. 2. Ed. 9.
4. Solzhenichin, A. Dilogiya Vasilija Grossmana: iz «Literaturnoy kolekcii» // Novij mir. — 2003. — №8.
5. [Eh/r]. — R/d: <http://www.barnesandnoble.com/w/vasilij-grossman-frank-ellis/1000633280?ean=9780854968305>
6. Kovtun, N. Tema otlučeniya ot svobodih v rannej novellistike A. Solzhenichina // Sibirskij filologičeskij zhurnal. — 2012. — № 1.
7. Niva, Zh. Vozvrashchenie v Evropu. Statji o russkoj literature. — M., 1999.
8. Lanin, B.A. Idei «otkrihtogo obthestva» v tvorchestve Vasilija Grossmana. — M., 1997.
9. Markish, Sh. Tragediya ili triumf Vasilija Grossmana, ili ob universalnosti rabstva i svobodih v dvadcatom veke // Ierusalimskij zhurnal. — 2004. — №18.
10. Kazincev, A. Istoriya — objhedinayuthaya ili razobhtayuthaya // Nash sovremennik. — 1988. — № 11.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 82.09

Dergachev V.V. TRAVEL GENRE TRADITIONS IN THE WORKS OF XIX CENTURY RUSSIAN TRAVELERS ON EXAMPLE OF WORKS OF A.S. NOROV. The author describes literary features of scantily explored works written by distinguished philologist and bibliophile A.S. Norov which refer to travel genre and also traces there travel genre traditions.

Key words: travel genre, literary text, semantic overtone, time, space.

В.В. Дергачев, аспирант ИМЛИ РАН, г. Москва, E-mail: vdergachoff@gmail.com

ТРАДИЦИИ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. НОРОВА

Автор описывает идейно-художественные особенности малоисследованных произведений выдающегося филолога и библиофила А.С. Норова, относящихся к жанру путешествий, а также прослеживает в них традиции жанра «хождение».

Ключевые слова: жанр путешествий, художественный текст, семантический обертон, время, пространство.

Жанр путешествий, как известно, появился на заре истории русской литературы — первым датированным «Хожением» является «Хождение игумена Даниила в святую Землю». Известно, что древнерусская литература, как и любая средневековая литература, была довольно строго ориентирована на образец, по которому следует составлять сочинения того или иного жанра, что отражает, прежде всего, особенности мировоззрения средневекового человека. Каноничность свойственна не только основным вероучительным сочинениям, но и традиционным жанрам средневековой христианской книжности: житиям, Словам, поучениям, а также и хожениям. Большинство дореволюционных ученых, рассматривавших оригинальные древнерусские произведения, указывали на наличие в них элементов прямого и косвенного текстологического заимствования из предшествовавшей византийской литературы. Представления отечественных медиевистов XIX века о «вторичности» древнерусской литературы вызваны, прежде всего, не учетом того, что для средневековых произведений характерна эстетика «подражания» или «поэтика уподоблений» [1]. В то же время очевидно, что при отсутствии специальных теоретических сочинений, трактовавших в Средние века правила составления тех или иных литературных жанров, книжники, хранившие в сознании так называемые «имитационные модели», заимствованные из предшествующих переводных и оригинальных текстов, воспроизводили их в своих сочинениях. Именно поэтому исследование традиции первых древнерусских хожений представляется важным

и актуальным: рассмотрение закономерностей сюжетно-композиционного строения текстов хождений позволяет выявить версии моделей, которые легли в основу произведений, по своему жанру принадлежащих к путешествию.

Игумен одного из южно-русских монастырей Даниил в начале XII века совершил паломничество в Святую землю, Палестину, о чем оставил первые в истории древнерусской письменности записи: «*Житие и хоженье Даниила Русьскихъ земли игумена*» [2]. По предположению исследователей, Даниил мог быть выходцем из Киево-Печерского монастыря, ставшим затем игуменом одного из Черниговских монастырей. Путешествие в Палестину, в землю библейских и евангельских событий, Даниил начинал и заканчивал в Константинополе, а продолжалось оно около двух лет. Интерес к Святым местам Даниил объяснил так: «*Похотехъ видети святыи град Иерусалимъ и Землю обетованную*», ту землю, «*куда же Христос Богъ нашъ походи своими ногами и велика чюдеса показа по местомъ темъ святымъ*» [3].

Главной заслугой Даниила можно считать очень подробное, подкрепленное библейскими и евангельскими сюжетами, описание (почти топографическое исследование!) христианских святынь Иерусалима и церковных обрядов в начале XII века. Рядом с Иерусалимом есть гора Елеонская, сообщает Даниил, «*на той горе ссѣдаютъ с конь вси людие и поставляютъ крестыци ту и поклоняются святому Въскресению на дозоре граду*. И бываетъ тогда радость велика всякому христианину, видевше святыи град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитые бываетъ от вер-

ных человек», потому что на этом месте «Христосъ Богъ нашъ претрѣпе страсти нас ради грѣшныхъ».

Даниил обнаруживает реальные географические пункты, казалось бы, ирреальных понятий: на месте избияния камнями Стефана Первомученика, где сохранился гроб его, «есть гора камена плоска проселася в распятие Христова; то зоветься Адъ; есть близъ стѣны градныя». Мертвое море описано как преисподняя: оно «не имать в себе никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии [устрицы — В. Д.]... изходит бо из дна моря того смола черемная веру воды тоя... и смрад исходит из моря того, яко от серы горяща; *ту бо есть мука под морем темъ*». Посещает Даниил Лавру Саввы Освященного и знаменитую пещеру, где находится церковь Богородицы. «И ту пещеру показа Богъ святому Саве столпом огненным». Об этом чуде, как мы знаем, упоминал Нестор в «Житии Феодосия Печерского». О сохранении нетленных мощей праведников Даниил сообщает, что в Лавре святого Саввы, рядом с гробом самого Саввы «лежат мнози святии отци, *телеса яко живи*... и благоухание от них исходит несказанно».

Даниилу довелось стать свидетелем возжигания Святого огня у Гроба Господня в праздник Воскресения Христова. Он был потрясен увиденным чудом. Внезапное исхождение огня подобно «обожению» человеческой плоти и ее посмертному воскресению: невидимо «сходит с небеси» «святой свет». Даниил не склонен, однако, к богословской метафизике, он стремится как можно точнее описать увиденное и передать свои ощущения. Вот люди в ожидании божественного огня собираются в церкви и кричат «Господи, помилуй!» так громко, что начинает «греметь всему месту тому от вопля людей тех». Затем они начинают проливать слезы очищения. Потом начинается праздничная служба на Великую субботу. Епископы, среди которых и православный, несколько раз заглядывают во время богослужебных чтений за двери Гроба Господня, «и не узре света». Но вот «внезапу прииде туча мала от востока лицъ и ста над верхом непокрытым» церкви Воскресения Христова, «и дождь малъ над Гробом Святымъ», и смочи ны добре стоящих на Гробе. И тогда внезапно восия светъ святой во Гробе Святемъ: изиде блистание страшно и светло из Гроба Господня Святого».

Но, как пишет Даниил, несмотря на все увиденные им чудеса, «и Богъ тому послух и Святой Гробъ Господень, яко во всех местехъ святыхъ *не забыхъ именъ* князь русскихъ, и княгинь, и детей ихъ, епископъ, игумень, и боярь, и детей моихъ духовныхъ, и всехъ христианъ николи же не забылъ есмь; но во всехъ святыхъ местехъ *поминалъ* есмь: первее поклонялся есмь за князей за всехъ, и потомъ о своихъ грѣсахъ помолился есмь». Здесь, без сомнения, указывается на существование ритуала церковного поминовения усопших. Труд Даниила, вслед за «Повестью временныхъ летъ», донес до нас самые ранние известия о существовании в русской церковной практике Помянников, предшественников Синодиков. Таким образом, память о предках, *поминание* ихъ, входят в «цивилизующий» круг, в норму жизни христианина, в его картину мира, составленную из единства прошлого и настоящего.

Рукописное собрание А.С. Норова, хранящееся в Отделе рукописей РГБ под № 201, насчитывает 57 рукописных памятников разных жанров, многие из которых имеют большую библиографическую ценность. Незаурядная личность собирателя коллекции, человека ученого, писателя, библиофила, героя войны 1812 года, министра народного просвещения, председателя Археологической комиссии, несомненно, повлияла на разнообразие и исключительный интерес экспонатов. Обладавший незаурядными лингвистическими способностями, знавший в совершенстве французский, английский, немецкий, итальянский, латинский, греческий и древнееврейский языки А.С. Норов много путешествовал и написал замечательные книги в жанре записок путешественника. После своего первого путешествия по Европе, когда он побывал в Германии, Франции и Италии, в 1822 г. А.С. Норов написал двухтомное описание Сицилии. Он много переводил, писал стихи, но излюбленным его жанром стал жанр путешествия [4; 5; 6; 7; 8]. Первой его книгой в жанре записок путешественника стало «Путешествие по Сицилии в 1822 г.», опубликованное в 1828 г. в популярной петербургской типографии Сытина.

«Путешествие по Сицилии» А.С. Норова полностью соответствует жанру, заявленному в названии. Этот жанр как некий канон строения определяет ожидания читателя и особенности формы текста. Индивидуальность рассматриваемого произведения состоит в том, что жанр путешествия, путевых записок, на который указывает сам автор во введении, на протяжении повествования имеет обширные элегические вкрапления, дополненные стихами, также принадлежащими перу А.С. Норова.

Художественный текст есть всегда адресованное сообщение: это форма коммуникации «автор-читатель». Ожидания читателя всегда связаны с жанром произведения, который определяется автором и обуславливает типизированные принципы построения текста: «Сицилия есть одно из тех мест земного шара, которые сильно действуют на воображение. Многие гении древности обязаны ей своим вдохновением... Я останусь довольным, если книга моя пробудит в читателях те мечты, кои родила во мне земля сия» [4, с. 5]. В.М. Гуминский выделил в произведениях, принадлежащих по жанру к путешествиям, очень важную составляющую: «Идея свободы пронизывает все уровни художественной структуры "путешествия" и закрепляется в его конструктивной основе как принцип свободного, бессюжетного повествования. С другой стороны, она подспудно разрушает замкнутость "путешествия" как автономного художественного текста и стремится вывести произведение за пределы литературного ряда как такового» [9, с. 173].

Изображенный в художественном тексте мир соотносится с действительностью лишь опосредованно, отображает, преломляет, преобразует ее в соответствии с интенциями автора: «Высокие красоты природы погружаютъ меня скоро въ задумчивость, и часто, вместо того, чтобы прилеплять къ здешнему миру, возносятся въ неизвѣстный, который. Будучи такъ непонятенъ разуму, близокъ сердцу и какъ будто бы знакомъ ему...» [4, с. 53]. Граница между художественным и нехудожественным текстом становится здесь зыбкой: «Окруженный неизъяснимыми красотами природы, которая ежеминутно теряется уже въ тумане отдаленности, я старался напечатлеть ихъ въ своей памяти; не примечалъ происходящаго вокругъ меня — и не могъ отвести отъ нихъ глазъ...» [4, с. 51]. Вымысел иногда присутствует в чистом виде, иногда он соотносится с реальностью.

Художественный текст не только разворачивается во времени, но и сам создает модель пространственно-временных отношений, порождает тот или иной образ времени и пространства. «Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [10, с. 406].

Взаимодействие реального и воображаемого, размытость их границ обуславливают своеобразие временных отношений в тексте: «Такимъ образомъ, не смотря на гнѣвъ Сциллы, вошли мы въ Мессинскій проливъ и приближились къ городу. Я не упоминаю еще здѣсь о Харибдѣ, ибо сие другое чудовище находится при выходе изъ канала въ Ионійское море» [4, с. 243]. Частично снимается характерное для этого жанра противопоставление «теперь-тогда»: для автора не существует жестких границ между прошлым, настоящим и будущим. «Предание, коего начало сокрыто в самых отдаленныхъ векахъ, повествуетъ, что гиганты были первыми обитателями Сицилии... Наконецъ, я скажу словами Фукидида: «Древнейшие обитатели некоторой части сей страны были Киклопы и Лестригоны»» [4, с. 1, 3]. Или: «Термины построен на развалинахъ *Гимерійскихъ термосъ* или *банъ*, при устьѣ реки того же имени. Горячая вода сего города, славившаяся въ древности, не потеряли своихъ целебныхъ свойствъ, и привлекаютъ туда болящихъ. Повествуютъ, что Геркулесъ, обтекая Сицилию и утомясь путемъ, остановился на этомъ месте, где услужливыя Нимфы источили изъ земли два теплые потока, для его бани» [4, с. 226].

Художественный текст — это часть культуры и поэтому он связан с другими текстами, которые преобразуются или частично используются в нем, служат для выражения его смыслов. А.С. Норов, человек энциклопедически образованный, буквально пронизывает свое повествование реминисценциями из мировой классики. Так, во введении к «Путешествию на Сицилию» он приводит отрывок из «Одиссеи», доказывая утверждения Фукидида о древних мифологических обитателях острова: «Удрученные печалию, мы приплыли к берегам грозных и своевольных киклопов». Сразу за ним следует диалог Улисса и Силена из Эврипида. Продолжают повествования отрывки из древнеримских мифов, отрывки из Энеиды, Силлы Италика и пр. Географические зарисовки сменяются стихотворениями, элегическими описаниями природы, вставными приключенческими новеллами. Автор воспринимает природу и памятники искусства Сицилии через многослойные культурные пласты: «Раскройте Фукидида, раскройте Цицерона, превозносящихъ сей самый Сегестъ (один из знатнейшихъ городовъ Греческихъ колоній), уррашенный роскошными храмами Дианы, Венеры, Цереры, Энея, — сравните ихъ описанія съ видимымъ вами зрелищемъ, и вы не скоро выйдете изъ задумчивости...» [4, с. 201–202].

Иногда он апеллирует к вполне реалистическим зарисовкам, оставленным путешественниками по Сицилии. Так, испытывая невыносимую жажду и лютый зной в местечке Алькамо, А.С. Норов обращается к весьма натуралистическим зарисов-

кам некоего географа: «Я невольно вспомнил тогда, и признать совершенно истинными, жалобы Клуверия, на понесенные им труды въ его путешествии по Сицилии. Сей ученый Географъ обошелъ пешкомъ весь островъ – и вотъ какъ онъ говоритъ, простосердечнымъ своимъ слогомъ: “Медленное путешествие мое было чрезвычайно затруднительно; но тягость онаго превышаетъ всякое вероятие; тело мое весьма часто подвержено было голоду и жажде, и не имело покровища даже по ночамъ. Дух мой смущался безпрестаннымъ опасениемъ, и даже жизнь моя подвергалась частымъ бедствиямъ; но все сие, съ помощью Всемогущаго Бога и по неизреченному его милосердию, я превозмогъ» [4, с. 202–203]. Такого рода реалистические и даже, порой, натуралистические описания увиденных мест и зарисовки нравов встречаются в «Путешествии по Сицилии» повсеместно. Это подтверждает вывод В.М. Гуминского: «Нельзя, например, сказать, что “путешествия” в какой-то момент целиком “превратились” из документального жанра в художественный – ведь и в XIX, и в XX вв., когда это предполагаемое превращение уже явно было позади, в литературе “путешествий” по-прежнему рядом с литературными соседствуют “ученые” путешествия, другие формы далекие от литературы как таковой» [9, с. 172].

В Путешествии по Сицилии приводится набор интереснейших исторических источников, таких как, например, грамота Роджера, графа Калабрии и Сицилии, данная Агригентскому епископу после окончательного истребления сарацинов. За описанием конкретного события А.С. Норов часто делает философские обобщения: «Все вышеозначенное писал я, Рогер, и все сие утверждено Папою Урбином 1099 г. октября 6-го в Бари». Это показывает всю силу Папского влияния на Сицилийских властителей, с той поры, как славный Роберт признал себя вассалом от Папы Николая II» [4, с. 122]. Или же: «Архитектура Палермских зданий не представлять особеннаго характера, но есть слитокъ вкуса Испанскаго съ Мавританскимъ; то же почти можно сказать и о характере нации, который, сверхъ природной своей оригинальности, носитъ отпечатокъ двухъ народовъ, долго владычествовавшихъ въ Сицилии» [4, с. 65].

Членение временного континуума у А.С. Норова носит субъективный характер и связано с воспоминаниями, сменяющими друг друга в определенной последовательности. «Высокие красоты природы погружают меня скоро в задумчивость, и часто, вместо того, чтобы приносить к здешнему миру, возносят в неизвестный, который, будучи так непонятен разуму, близок сердцу и как будто бы знаком ему» [4, с. 52–53]. На их основе повествователь переходит от «настоящего ныне существующих вещей» к «настоящему бывших вещей», хранящихся в памяти, но не утрачивающих своей реальности. Текст строится на взаимопереходах от форм прошедшего времени к формам настоящего, при этом значения последних усложняются, а функции обогащаются. А.С. Норов не столько повествует об истории загадочного острова, сколько моделирует прошлое. В тексте реализуется такой «семантический обертон», как отсутствие четких временных границ. В сочетании же с лексическими конкретизаторами со значением длительности или постоянства формы настоящего приобретают вневременное значение и утверждают победу памяти над временем. Употребление настоящего и регулярные переключения временных планов создают в тексте «Путешествия по Сицилии» эстетический эффект сосуществования событий и явлений, относящихся к разным темпоральным плоскостям; их характеристики в результате приобретают текучесть, подвижность, цикличность и накладываются друг на друга. «Вправо... стоит храм Согласия, в совершенной целостности – как памятник величия Агригента, который, высокими стенами своими (говорит Вергилий) далеко возвещал о себе, плывущим по Ливийскому морю» [4, с. 125]. Взаимодействие и взаимопроникновение разных временных планов характерны и для синтаксической организации текста.

Сопоставление и взаимодействие разных временных планов делают повествование А.С. Норова предельно объемным и усиливают многомерность художественных образов и языковую игру в тексте. Для А.С. Норова характерно после описания увиденных им мест или событий делать свое философское заключение. Иногда оно касается важных онтологических тем. Так, после описания монастыря капуцинов и подземных галерей, наполненных мумифицированными трупами монахов, он делает такой вывод: «Мне кажется, что сей обрядъ – обнаруживать мертвецовъ, оскорбляетъ законъ Природы. Смерть есть великое таинство, изъ благоговения къ коему, принадлежащее ей не должно видеть света; по крайней мере таковое жилище усопшихъ не должно быть зрелищемъ для любопытныхъ, но единственно для размышляющихъ надъ смертию» [4, с. 82–83]. Для русского дворянина XIX века такой интерес и сакральное уважение к эсхатологической тематике были совершенно естественны. Недаром А.С. Норов так поразило «одно здание смерти», встреченное им в Северной Италии: «Посещая недавно, въ северной Италии, берега Требии, прославленные Аннибаломъ и Суворовымъ, я виделъ, на равнине битвы, скромную церковь, подъ сводами коей устроена весьма замечательная часовня, въ память храбрыхъ, павшихъ на той земле. Тамъ все стены, все украшения и все принадлежности, составлены изъ череповъ и костей убиенныхъ... Головы французовъ, Россиянъ, Германцевъ и, можетъ быть, Римлянъ и Карфагенцевъ, составляютъ въ ужасномъ смещении, одно здание смерти! а у входа, кружка для сборовъ, съ надписью: Per gli animi del Purgatorio! т.е. для душъ находящихся въ чистилище!» [4, с. 83]. Такое обилие воскличительных предложений не характерно для манеры повествования А.С. Норова, из чего напрашивается вывод о том, что обилие материальных образов смерти потрясло путешественника.

В 1830-е гг. А.С. Норов путешествовал по Востоку. Он посетил Египет, Нубию, Палестину, Сирию, а также Малую Азию. Путешествия, совершенные в 30-е гг. по Востоку, он описал в своих выдающихся трудах [6]. В 1861 г. он вновь ездил в Палестину и описал путешествие в очерке «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А.С. Норова» [7]. Все его труды в жанре путешествия выдержали по несколько изданий и переводились на иностранные языки.

Как правило, в произведениях А.С. Норова, написанных в жанре путешествия, описание временной последовательности носит субъективный характер и связано с воспоминаниями, сменяющими друг друга в определенной последовательности. Автор не столько описывает историю, сколько моделирует прошлое. В тексте отсутствуют четкие временные границы. Автор как бы утверждает победу памяти над временем. Характерной чертой повествования А.С. Норова является также наличие философских заключений после описания увиденных им мест или событий. Исторические факты оказываются нерелевантными для повествования, а вымысел и воображение побеждают реальность. Линейность времени сменяется последовательностью картин прошлого. Живое и подробное описание природы, памятников архитектуры, жизни и взаимоотношения людей, документальность наблюдений писателя сочетается с мифологемами.

Такие принципы построения текста и его временная организация, преобразующие исходную жанровую форму, характерны уже для первого русского датированного путешествия – «Хожения игумена Даниила», что говорит о преемственности традиций произведения А.С. Норова и сближает его с лучшими мировыми образцами «духовного путешествия». Следует упомянуть, что в рукописной коллекции А.С. Норова, дарованной им Румянцевскому музею, находятся несколько ранних списков «Хожения игумена Даниила», а один из них он перевел на французский язык, дополнил подробными комментариями и издал.

Библиографический список

1. Панченко, О.В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН России (Пушкинский Дом). – СПб., 2003. – Т. 54.
2. Творогов, О.В. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1: XI – первая половина XIV в.
3. Хожение игумена Даниила / подгот. текста, перевод и коммент. Г.М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 2000. – Т. 4: XII век.
4. Норов, А.С. Путешествие по Сицилии в 1822 г. – СПб., 1828. – Ч. 1.
5. Норов, А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 г. – СПб., 1838.
6. Норов, А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. – СПб., 1840. Переизд.: М., 2008.
7. Норов, А.С. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. – СПб., 1847.
8. Норов, А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А.С. Норова. – СПб., 1878.
9. Гуминский, В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979.
10. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.

Bibliography

1. Panchenko, O.V. Poehtika upodobleniy (k voprosu o «tipologicheskom» metode v drevnerusskoy agiografii, ehpi-deyktike i gimnografii // Trudih Otdela drevnerusskoy literaturih Instituta russkoy literaturih AN Rossii (Pushkinskiy Dom). – SPb., 2003. – T. 54.
2. Torogov, O.V. Daniil // Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. – L., 1987. – Vihp. 1: XI— pervaya polovina XIV v.
3. Khozhdenie igumena Daniila / podgot. teksta, perevod i komment. G.M. Prokhorova // Biblioteka literaturih Drevney Rusi. – SPb., 2000. – T. 4: XII vek.
4. Norov, A.S. Puteshestvie po Sicilii v 1822 g. – SPb., 1828. – Ch. 1.
5. Norov, A.S. Puteshestvie po Svyatoy zemle v 1835 g. – SPb., 1838.
6. Norov, A.S. Puteshestvie po Egiptu i Nubii v 1834–1835 gg. – SPb., 1840. Pereizd.: M., 2008.
7. Norov, A.S. Puteshestvie k semi cerkvam, upominaemih v Apokalipsise. – SPb., 1847.
8. Norov, A.S. Ierusalim i Sinaj. Zapiski vtorogo puteshestiya na vostok A.S. Norova. – SPb., 1878.
9. Guminskiy, V.M. Problema genezisa i razvitiya zhanra puteshestviy v russkoy literature: dis. ... kand. filol. Nauk. – M., 1979.
10. Bakhtin, M.M. Voprosih literaturih i ehstetiki. – M., 1975.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 811.111'37

Eltanskaya E.A. DISCURSIVE PRACTICE IMPACT ON NOTIONAL TRANSFORMATIONS IN NOTION SEMANTIC STRUCTURE OF SPATIODYNAMIC PREPOSITIONS. The work analyzes representation of spatial relations including lexical level, theoretical problems of specification of preposition semantics are touched upon, the work also presents notional instrument basing on spatial notions defined within the research, determines basic semantic transformations – modulation and derivation, gives examples of semantic analysis of prepositions.

Key words: semantic structure, spatiodynamic prepositions, discourse, modulation transformations, derivation transformations, categorial seme, integral seme.

Е.А. Елтанская, канд. филол. наук, доц., зав. каф. английского языка Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: yeltanskaya@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ СРЕДЫ НА СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИНАМИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ

В работе анализируется представленность в языке пространственных отношений, в том числе на лексическом уровне, затрагиваются теоретические проблемы описания семантики предлогов, представлен понятийный аппарат, опирающийся на пространственные понятия, которые были определены в ходе исследования, определены основные семантические трансформации – модуляция и деривация, даны примеры семантического анализа исследуемых предлогов.

Ключевые слова: семантическая структура, пространственно-динамические предлоги, дискурс, модуляционные изменения, деривационные изменения, категориальная сема, интегральная сема.

Проблема репрезентации пространственных отношений давно интересует ученых в рамках представления языковой картины мира. Очевидно, что категории времени и пространства являются неотъемлемой составляющей языковой картины мира.

В данной статье мы рассматриваем пространственно-динамические предлоги с точки зрения выражения ими пространственных отношений. Пространственные отношения в самом общем виде – соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого ориентира – локума.

Изучению локативных отношений в языке посвящено много работ, охватывающих как современное состояние языка, так и его историю. Но до сих пор остается много спорных вопросов, нет полной классификации языковых средств, отражающих категорию пространства.

В отечественной лингвистике характеристика пространственных предлогов представлена фрагментарно. В центре внимания исследователей находится описание их синтаксических функций и условий употребления [1; 2; 3; 4]; рассматриваются семантические особенности английских и русских пространственных предлогов и наречий [5]; дается подробная характеристика отдельных предлогов, выражающих пространственные отношения [6]; на материале немецкого языка подробно анализируются различные предлоги в сочетании с глаголами, обозначающими основные способы перемещения в пространстве [7]. В зарубежной лингвистике последних десятилетий семантическому описанию пространственных предлогов посвящено значительное количество работ [8; 9; 10; 11; 12; 13], в которых представлены различные подходы к описанию процессов перемещения в пространстве и языковые средства, выражающие пространственные отношения.

Рассмотрев работы, посвященные анализу семантики пространственных предлогов, в которых представлено разнообразие теоретических подходов, мы пришли к выводу о том, что используемый в них метаязык описания нельзя считать полностью

адекватным из-за недостаточности ячеек классификационной сетки семантических компонентов, составляющих значения исследуемых предлогов. В своем исследовании мы использовали понятийный аппарат, разработанный с учетом достижений современной лингвистики в области пространственной семантики и установления сетевых отношений. Наш понятийный аппарат опирается на выделенные в предшествующих работах по данной проблематике понятия, а также на пространственные понятия, которые были определены в ходе данного исследования.

Впервые мы рассмотрим семантическую структуру пространственно-динамических предлогов как комплекс разноуровневых признаков; установим закономерности модуляционных и/или деривационных изменений в семантической структуре данных предлогов; определим механизмы выявления сходства и различия в функционировании синонимически близких предлогов.

С теоретической точки зрения значимость исследования заключается в развитии основных положений лексической семантики, в разработке вопросов, касающихся проблемы формирования переносных значений предлогов. Сведения об изменениях в семантической структуре английских пространственных-динамических предлогов могут оказаться полезными в лексикографической практике.

Описание движения из исходного пункта предполагает минимум два понятия: одно понятие соотносится с движущимся объектом, другое понятие соотносится с исходным пунктом движения. Первое понятие нами было обозначено символом *У*. *У* – это движущийся или локализуемый объект, занимающий определенную позицию в пространстве. *А* – исходный пункт движения, *В* – конечный пункт движения. Кроме того, мы обозначили пространство, в котором движется *У*, символом *С*.

Для описания семантики анализируемых предлогов в случае, когда *У* движется не сам, а удаляется кем-то из исходного пункта, нами было введено понятие субъекта, осуществляюще-

го изменение пространственного нахождения Y -ка путем его перемещения. Это понятие было обозначено символом X . Были приняты также дополнительные символы P и R , где P – это цель, с которой происходит движение объекта, а R – это результат, полученный от движения объекта Y [14, с. 87].

Для анализа семантической структуры были выбраны следующие единицы – английские пространственно-динамические предлоги «across», «over», «through», «from», «out of», «off», так как они наиболее часто употребляемы в юридическом и экономическом дискурсах (типах институционального дискурса), которые объединены общей категориальной семьей (КС) «перемещение в пространстве», реализуемой в интегральных семах (ИС), которые в свою очередь конкретизируются в ряде дифференциальных признаков (ДП).

Так, в случае исследуемых нами предлогов интегральными компонентами данных предлогов является информация о характере пространства, цели перемещения, характере объекта, характере траектории перемещения. Выявление дифференциальных компонентов значения этих предлогов является целью проводимого нами исследования.

Лексическое значение предлогов представляет собой структуру, компоненты которой находятся в иерархических отношениях друг с другом. Тип структуры значения предлогов «across», «over», «through», «from», «out of» и «off» можно представить в виде пространственной сетки. Отдельные элементы пространственной сетки представляют собой компоненты значения пространственных предлогов. Интегральные семы и дифференциальные признаки семантической структуры данных предлогов, показывая, из чего складываются значения пространственных предлогов. Системность лексического значения пространственных предлогов заключается в повторяемости семантических компонентов [14, с. 88].

Анализ лексикографических источников привел нас к выводу о том, что словарные статьи не дают всей необходимой информации о различиях в значениях исследуемых предлогов и четкого представления об условиях их употребления. В статьях недостаточно точно показаны особенности денотативной ситуации, требующие своего обозначения конкретным предлогом. Значение одного предлога определяется через другой синонимический предлог без установления условий его употребления. Так, в словаре Macmillan Essential Dictionary значения предлогов формулируются следующим образом: «**through**» – «1. entering something at the one end or side and leaving it at the other; 2. going into an area and moving across it or within it», «**across**» – «from one side of a space, area, or line to the other side of it», «**over**» – «a word meaning across, used especially when saying that someone goes across something and also above something at the same time», «**from**» – «starting at a particular place, position or condition», «**out of**» – «something or someone is removed from inside something, leaves somewhere», «**off**» – «away from a particular person or thing» [15].

Мы использовали процедуру вертикального анализа значений для исследования семантической структуры предлогов, так как система предлогов английского языка образует иерархию, и у предлогов, являющихся предметом нашего изучения, интегральные и дифференциальные компоненты семантической структуры находятся как в отношениях подчинения, так и связаны друг с другом другими, не пересекающимися отношениями.

Безусловно, можно сравнить предлоги в горизонтальном измерении, то есть сравнить предлоги друг с другом. Мы считаем, что процедура горизонтального анализа значений предлогов с опорой на метод компонентного анализа позволяет наиболее адекватно описывать семантику предлогов. Применение данной методики для анализа семантики пространственных предлогов позволяет получить информацию о дифференциальных компонентах значения анализируемых предлогов, и, следовательно, установить условия контекстного употребления предлогов, и, в свою очередь, сформулировать словарные статьи исследуемых предлогов. И хотя пространство, цель, характер объекта, характер траектории перемещения в каждом конкретном случае различны, нам представляется возможным говорить о пересечении значений данных предлогов. Предлоги отличаются друг от друга по характеру выражаемых ими отношений, в нашем случае пространственных.

Исследуемые нами предлоги часто употребляются в современном английском языке, однако их семантическая структура все же недостаточно ясна. Проанализировав словарные статьи данных предлогов, мы пришли к выводу о том, что толкования предлогов через называние других предлогов является типичным для лексикографической практики.

Однако нас интересовало прежде всего употребление данных пространственно-динамических предлогов в юридическом и экономическом дискурсе. И здесь уместно затронуть проблему многозначности слова.

Семантика слова, закономерности и механизм развития у него переносных значений, модификация смысла слова в речи (тексте) неизменно привлекают внимание лингвистов и исследуются с применением разнообразных методов и приемов в зависимости от целей исследования, от приверженности ученого тому или иному научному направлению.

Сам факт существования семантической структуры многозначного слова не является общепризнанным; в лингвистике имеют место концепции, отрицающие полисемию как таковую. Различные подходы к явлению многозначности укладываются в два направления.

Первое из них, не признающее полисемию, неоднородно, так как явление многозначности отрицается либо с позиций общего значения, либо с позиций полной самостоятельности, суть которого заключается в теории, что сколько значений, столько и слов.

Второе направление, представители которого признают полисемию как один из важнейших факторов функционирования и развития языка, является преобладающим. Существование полисемантического слова как явления системного характера оканчивается признанным большинством лингвистов.

Вопрос же о том, каким образом отдельные значения объединяются в границах многозначного слова, оказывается во многом дискуссионным. В современной лексикологии можно отметить два подхода к решению вопроса об обеспечении целостности семантической структуры полисеманта, ее семантического единства.

Сторонники первого из указанных подходов видят единство семантической структуры многозначного слова, прежде всего, в наличии определенного инварианта, общего значения [16; 17]. Сторонники второго подхода, решая вопрос о семантическом единстве многозначного слова, видят целостность семантической структуры не в наличии общего значения, а в существовании внутренней связи между отдельными значениями [Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.]. И.В. Арнольд, А.А. Уфимцева, С.В. Кацнельсон, Д.Н. Шмелев и др. считают, что значения отдельных ЛСВ многозначного слова не сводимы к единому инварианту. Такой инвариант просто отсутствует. Наличие общего семантического признака «запрещается» структурой каждого отдельного значения многозначного слова, представляющего собой сложную структуру, включающую интенционал значения, импликационал и т.д. [18, с. 25-30]. Практически любой семантический признак, входящий в одну из этих частей, может стать источником семантического варьирования.

Отмеченные точки зрения, по сути, не противоречат друг другу, так как при наличии общих элементов у всех значений слова, то есть при наличии основной стержневой линии организации внутрисловного содержания полисемантов, большинство из них имеет дополнительные, не проходящие через всю структуру линии связи, что и позволяет некоторым исследователям сделать вывод о том, что многозначные слова образуют содержательные связи попарно.

Проблема иерархии значений в составе внутрисловной парадигмы не раз затрагивалась языковедами. Само признание иерархичности семантической структуры многозначного слова требует постановки вопроса о различиях в статусе значений составляющих его лексико-семантических вариантов.

Лексико-семантическая парадигма многозначного слова представляет собой совокупность его лексико-семантических вариантов во взаимосвязях и взаимоотношениях их значений. Значения многозначного слова имеют различный статус.

Центральное положение в семантической структуре многозначного слова занимает исходное (основное, главное) значение. Все производные (неосновные, вторичные) значения, так или иначе, зависят от главного.

В подавляющем большинстве работ по лексикологии существуют указания именно на лингвистические критерии выделения основного и неосновного значений.

По-видимому, проблема реальности выявления общих закономерностей, согласно которым происходит изменение значения слова, непосредственно связана со спецификой понимания лексикой как системы, с признанием системной организованности лексико-семантического уровня языка. Следует заметить, что в работах при анализе лексических единиц исследователи часто отождествляют понятия «семантическая структура» и «смысловая структура», а иногда даже рассматривают дан-

ные понятия как равнозначные [19, с. 23]. В нашей работе при рассмотрении семантической структуры конкретного предложения вслед за Н.Л. Шамне, используется подход, в соответствии с которым разграничивается структура слова, сложившаяся в системе языка, – семантическая структура и структура словоформы, функционирующая в контексте, – смысловую структуру [20]. В соответствии с этим подходом мы разграничиваем прямое и переносное значение слова. В отличие от прямого значения, переносное значение обнаруживает вторичную соотносительность с действительностью.

Многочисленное слово характеризует особая связь между значениями, в которых наличие общего компонента напоминает отношения между производящим и производным словом при словообразовании. Иными словами, значения слов обусловлены деривационными отношениями, отражающими их связь с другими значениями в сложной иерархической структуре полисемантического слова.

В рамках семантического словообразования, которое характеризуется как деривационные изменения семантической структуры производящей основы без участия деривационных аффиксов, происходит, как правило, включение производной основы в другой лексический разряд в результате обособления одного из ЛСВ производящей основы. По мнению некоторых исследователей, изменения, имеющие место в семантической структуре слова, могут носить не только деривационный характер. Выделяются два типа семантических изменений, когда говорят о словообразовательных процессах. Во-первых, это изменения в мотивационных связях, во-вторых, это процессы, которые выходят за границы мотивационных отношений. Однако в подобных случаях не указываются точные критерии, на основании которых можно установить, что данные процессы «выходят» за рамки мотивационных отношений, поэтому мы считаем подобный подход не совсем продуктивным.

Деривацией в широком смысле в лингвистике именуются «... моделируемые процессы образования языковых единиц» [21, с. 171]. В настоящее время более актуальным стал тезис о семантическом характере всех деривационных процессов. Еще Г. Колшанский говорил о необходимости вместо терминов «лексическая деривация», «синтаксическая деривация» вести речь о семантической деривации [22]. Подобный подход коррелирует с новейшими представлениями о семантике как о глобальном явлении языка, нечленимом на уровни, а выделяемом в качестве самостоятельного яруса, который пронизывает номинативно-грамматическое языковое пространство. Деривационные отношения в наиболее широком понимании этого термина обнаруживаются на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях языка, связывая их единицы в качестве начальных и конечных звеньев деривационных процессов; в них вовлечены также элементы фонетического уровня языка, которые являются базой разнообразных переосмыслений слова как в речи, так и в языке.

Термин «семантическая деривация» также широко используется в работах представителей Московской семантической школы [23; 24; 25]. Особое внимание обращается на тот факт, что «... в основе регулярной многозначности лежит семантическая деривация» [26, с. 3]. Данный термин отражает не столько процесс, сколько результат, т.е. конкретный факт семантических переходов (изменений).

Рассмотренные выше подходы к определению термина «семантическая деривация» и ее составляющих, тем не менее, не представляется нам полным. При таком подходе как можно более полно фиксируются разнообразные изменения значения на разных уровнях в зависимости от изменения составляющих каждого конкретного высказывания, однако не рассматривается или рассматривается в недостаточной степени вопрос о причинах порождения данного явления, а также точного разграничения каждого из типов семантических изменений в семантической структуре слова.

Вслед за Н.Л. Шамне, под семантической структурой слова нами понимается «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [27]. Семантическая структура слова не остается неизменной, она постоянно видоизменяется, что часто связано с функционированием словоформы в различных контекстах. Понятие семантической структуры слова тесно связано с понятием многозначности. Исследователи приводят различные определения многозначности, однако всеми признается, что значение многозначности слова представляет собой совокупность ЛСВ, которые объединяются общностью семантических признаков. ЛСВ находятся между собой в определенных отношениях.

Именно для разграничения изменений недеривационного и деривационного характера, рассматривающихся в рамках семантического словообразования, С.П. Лопушанской был предложен термин «семантическая модуляция», в результате чего появилась возможность выделения и описания отдельно двух типов изменений, происходящих в семантической структуре слова – изменений в рамках семантической модуляции и изменений в рамках семантической деривации.

Термин «семантическая модуляция» трактуется как такое изменение в семантической структуре слова, при котором сохраняется категориальная лексическая сема, реализуются синонимические отношения данного слова, сложившиеся в рамках исходной ЛСГ [28, с. 80-81]. Семантическая деривация – это процесс, приводящий к полному разрушению категориальной семы и образованию новых лексических единиц, входящих в другие ЛСГ.

Семантическая модуляция отличается от семантической деривации тем, что она «не затрагивает ядерных признаков функционально-семантического поля, ..., устанавливает синонимические отношения в пределах одной ЛСГ на основе какой-либо потенциальной семы, изменившей функцию дифференциального признака, который становится интегральным» [29, с. 8]. Причем порогом для семантической модуляции можно считать изменения в смысловой структуре функционирующей словоформы, при которых интегральная лексическая сема реализуется хотя бы в одном дифференциальном признаке [29, 17].

С понятиями «семантическая модуляция» и «семантическая деривация» тесно связаны критерии разграничения частичного и полного переноса в значении слова. Если имеет место нейтрализация одной из интегральных сем, то предлог остается в составе данной ЛСГ, и это позволяет говорить о наличии процесса семантической модуляции, а если фиксируется разрушение категориальной семы, то наблюдаемый процесс обозначается как семантическая деривация. В рамках данного подхода становится возможным детальное и комплексное исследование значений пространственно-динамических предлогов английского языка.

В семантической структуре английских предлогов перемещения, функционирующих в прямом и переносном значениях, выделяется общая категориальная сема «перемещение в пространстве» (КСпп), которая на лексическом уровне реализуется в интегральных семах (ИС) «характер пространства», «цель перемещения», «характер траектории перемещения»; на грамматическом уровне – в интегральной семе «характер объекта». В свою очередь, интегральные семы конкретизируются в ряде дифференциальных признаков (ДП) (см. таблицу 1) [30, с. 104].

В проводимом исследовании мы рассматриваем пространственно-динамические предлоги в художественном дискурсе, где данные предлоги употребляются в прямом значении, а также обнаруживают модуляционные изменения в своей смысловой структуре; и в подтипах институционального дискурса – юридическом и экономическом, где представлены деривационные изменения смысловой структуры пространственно-динамических предлогов.

Рассмотрим следующие примеры анализа пространственно-динамических предлогов: *I hadn't told anyone everything that was running through my mind about what might happen in London* – Я никому не стал рассказывать всего того, что вертелось у меня в голове по поводу возможного развития событий в Лондоне и *An interesting thought flashed through my mind* – Интересная мысль промелькнула у меня в голове (lingvo.ru). На грамматическом уровне интегральная сема «характер объекта» выражена дифференциальными признаками «неодушевленный объект» и «абстрактный объект», так как Y – это «everything» «все то, что вертелось в голове» в предложении *I hadn't told anyone everything that was running through my mind about what might happen in London* и «thought» «мысль» в предложении *An interesting thought flashed through my mind*. На лексическом уровне дифференциальные признаки «замкнутость пространства», «заполненность пространства» и «абстрактное пространство» реализуют интегральную сему «характер пространства», так как мы имеем в виду в обоих случаях голову человека, которую представляем как вместительницу мыслей, идей и т.п. Дифференциальный признак «абстрактное пространство» актуален, потому что в английском языке слово «mind» отличается от «head» именно наличием коннотативного элемента абстрактности в своем значении. Интегральная сема «цель перемещения» выражена дифференциальным признаком «невыход за пределы пространства», так как выражения «вертеться в голове» и «промелькнуть в голове» не дают нам дополнительной информации о выходе объекта Y за пределы пространства S. Направленная семантика

Таблица 1

Семантическая структура пространственно-динамических предлогов с категориальной семой «перемещение в пространстве» на лексическом и грамматическом уровнях

Категориально-лексическая сема «перемещение в пространстве»				
Лексический уровень				Грамматический уровень
Интегральные семы	Характер пространства	Цель перемещения	Характер траектории перемещения	Характер объекта
Дифференциальные признаки	1) замкнутость-незамкнутость пространства, 2) заполненность-незаполненность пространства, 3) объемное-необъемное (плоское) пространство, 4) физическое-абстрактное пространство	1) наличие-отсутствие информации о достижении конечного результата. 2) выход-выход за пределы пространства (сферы деятельности), 3) средство достижения цели, 4) получение прибыли, 5) сопоставление-различие, 6) более высокое положение, 7) предмет мысли-спора	1) движение по дугообразной траектории, 2) движение по прямолинейной траектории, 3) движение внутри пространства, 4) движение от релятума S, 5) движение из внутреннего пространства релятума S, 6) движение от релятума S, ведущее к потере контакта m/y Y и S, 7) источник/причина движения, 8) способ передачи движения, 9) в, через (в переносном значении), 10) выделение части из целого	1) одушевленный, 2) неодушевленный, 3) конкретный, 4) абстрактный

у предлога «through» присутствует в проанализированных примерах, и мы говорим о наличии модуляционных изменений в семантической структуре данного предлога.

Таким образом, анализ примеров с пространственным предлогом «through» демонстрирует, что интегральная сема «характер пространства» является релевантной для данного предлога, так как в ряде случаев существуют ограничения на употребление предлога «through», например, когда пространство представляет собой нечто очень твердое, точку или линию в пространстве, т.е. такое пространство S, движение внутри которого невозможно: «through the rock» или «through the border». Важными дифференциальными компонентами семантической структуры предлога «through» является информация о движении внутри пространства S, которое геометрически не характеризуется как нечто твердое, не представляет собой точку или линию; и информация о том, что движущийся объект Y стремится выйти за пределы пространства S. «Физический контакт» (невозможно пробиться сквозь толпу, не вступая в соприкосновение с людьми, составля-

ющими толпу) мы также считаем принадлежностью денотативной ситуации, а не лексического значения предлогов, и поэтому не выделяем в отдельный дифференциальный признак.

Итак, интегральная сема «характер пространства» выделена нами в качестве релевантной для предлога «through», так как она актуализируется в двух проанализированных выше примерах (и во всех примерах, проанализированных в ходе исследования). А реализация интегральной семы «характер объекта» дифференциальными признаками «неодушевленный объект» и «абстрактный объект» влияет на изменения модуляционного характера в семантической структуре предлога «through», что в свою очередь, отличает представленность семантической структуры данного предлога от других предлогов.

Анализируя подобным образом предложения с исследуемыми предлогами, мы приходим к выводу о наличии или отсутствии модуляционных и/или деривационных изменений в семантической структуре пространственно-динамических предлогов в зависимости от дискурсивной среды.

Библиографический список

1. Астафьева, Н.И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления. – Пермь, 1974.
2. Борковская, И.Б. Предлоги в английском языке. Выражение объектных отношений / И.Б. Борковская, Е.А. Рейнман, Н.В. Успенская. – Л., 1973.
3. Гззян, Д.М. Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
4. Рейнман, Е.А. Английские предлоги. Значения и функции. – Л., 1982.
5. Маляр, Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т.Н. Маляр, О.Н. Селиверстова. – Munchen, 1998.
6. Плунгян, В.А. Полисемия служебных слов: предлоги «через» и «сквозь» / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Русистика сегодня. – М., 1996. – Вып. 1.
7. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
8. Bennett, D.C. Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics / D.C. Bennett. – London, 1975. – V. XII.
9. Miller, G. Language and Perception / G. Miller, P.N. Johnson-Laird. – Cambridge, 1976.
10. Lindkvist, K.G. A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur. – Stockholm, 1976.
11. Talmy, L. How Language Structures Space. Spatial Orientation. Theory, Research and Application. – N.Y., L., 1983.
12. Herskovits, A. Language and spatial cognition. – Cambridge, 1986.
13. Jakendoff, R. Spatial Language and Spatial Cognition / R. Jakendoff, B. Landau // Napoli D. Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman. – New Jersey, 1991.
14. Шамне, Н.Л. Дискурсивная среда пространственной динамики / Н.Л. Шамне, Е.А. Елтанская. – Волгоград, 2011.
15. Macmillan Essential Dictionary. For Advanced Learners. International Student edition. – London, 2006.
16. Левковская, К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М., 1962.
17. Новиков, Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.
18. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М., 1982.
19. Стернин, И.А. О выявлении национально-культурной специфики семантики слова. – Иваново, 1984.
20. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
21. Косова, В.А. Деривация и ее место в языковой системе // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1988. – Т. 135. Языковая семантика и образ мира.
22. Колшанский, Г.В. Общетеоретические проблемы исследования языкового значения // Принципы и методы семантических исследований: сб. ст. – М., 1976.
23. Падучева, Е.В. К структуре семантического поля «Восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4.
24. Зализняк, А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2.
25. Розина, Р.И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2.
26. Падучева, Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5.

27. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
28. Лопушанская, С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. – Волгоград, 1990.
29. Лопушанская, С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 1996. – Сер. 2: Филология. Вып. 1.
30. Шамне, Н.Л. Дискурсивная среда пространственной динамики / Н.Л. Шамне, Е.А. Елтанская. – Волгоград, 2011.

Bibliography

1. Astafjeva, N.I. Predlogi v russkom yazihke i osobennosti ikh upotrebleniya. – Perm, 1974.
2. Borkovskaya, I.B. Predlogi v anglijskom yazihke. Vihrazhenie objektivnykh otnoshenij / I.B. Borkovskaya, E.A. Reyjn-man, N.V. Uspenskaya. – L., 1973.
3. Gzgyan, D.M. Funkciya predloga v sostave semanticheskoy struktury vihskazivaniya: avtoref. Dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1989.
4. Reyjnman, E.A. Anglijskie predlogi. Znacheniya i funkci. – L., 1982.
5. Malyar, T.N. Prostranstvenno-distancionnye predlogi i narechiya v russkom i anglijskom yazihkakh / T.N. Malyar, O.N. Seliverstova. – Munchen, 1998.
6. Plungyan, V.A. Polisemiya sluzhebnykh slov: predlogi «cherez» i «skvoz» / V.A. Plungyan, E.V. Rakhilina // Rusistika segodnya. – M., 1996. – Vihp. 1.
7. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokulturologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
8. Bennett, D.C. Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics / D.C. Bennett. – London, 1975. – V. XII.
9. Miller, G. Language and Perception / G. Miller, P.N. Johnson-Laird. – Cambridge, 1976.
10. Lindkvist, K.G. A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur. – Stockholm, 1976.
11. Talmy, L. How Language Structures Space. Spatial Orientation. Theory, Research and Application. – N.Y., L., 1983.
12. Herskovits, A. Language and spatial cognition. – Cambridge, 1986.
13. Jakendoff, R. Spatial Language and Spatial Cognition / R. Jakendoff, B. Landau // Napoli D. Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman. – New Jersey, 1991.
14. Shamne, N.L. Diskursivnaya sreda prostranstvennoy dinamiki / N.L. Shamne, E.A. Eltanskaya. – Volgograd, 2011.
15. Macmillan Essential Dictionary. For Advanced Learners. International Student edition. – London, 2006.
16. Levkovskaya, K.A. Teoriya slova, principii ee postroyeniya i aspektih izucheniya leksicheskogo materiala. – M., 1962.
17. Novikov, L.A. Semantika russkogo yazihka. – M., 1982.
18. Nikitin, M.V. Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika). – M., 1982.
19. Sternin, I.A. O vyjavlenii nacionaljno-kulturnoy specifiky semantiki slova. – Ivanovo, 1984.
20. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokulturologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
21. Kosova, V.A. Derivatsiya i ee mesto v yazhkovoy sisteme // Ucheniye zapiski Kazanskogo universiteta. – Kazan, 1988. – T. 135. Yazhkovaya semantika i obraz mira.
22. Kolshanskiy, G.V. Obteoreticheskie problemih issledovaniya yazhkovogo znacheniya // Principih i metodih semanticheskikh issledovaniy: sb. st. – M., 1976.
23. Paducheva, E.V. K strukture semanticheskogo polya «Vospriyatie» (na materiale glagolov vospriyatiya v russkom yazihke) // Voprosih yazhkoznaniya. – 2001. – № 4.
24. Zaliznyak, A.A. Fenomen mnogoznachnosti i sposobih ego opisaniya // Voprosih yazhkoznaniya. – 2004. – № 2.
25. Rozina, R.I. Kategorialniy sdvig aktantov v semanticheskoy derivatsii // Voprosih yazhkoznaniya. – 2002. – № 2.
26. Paducheva, E.V. Paradigma regularnoy mnogoznachnosti glagolov zvuka // Voprosih yazhkoznaniya. – 1998. – № 5.
27. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokulturologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
28. Lopushanskaya, S.P. Razvitie i funkcionirovanie drevnerusskogo glagola. – Volgograd, 1990.
29. Lopushanskaya, S.P. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitelnyy process // Vestnik VolGU. – Volgograd, 1996. – Ser. 2: Filologiya. Vihp. 1.
30. Shamne, N.L. Diskursivnaya sreda prostranstvennoy dinamiki / N.L. Shamne, E.A. Eltanskaya. – Volgograd, 2011.

Статья поступила в редакцию 13.07.12

УДК 801.6:7.031

Efimova L.S., Mainagaheva N.S., Haptikova Y.I. KHAKASS FOLKLORE IN KATANOV'S MATERIALS: STUDYING AND PRESERVATION PROBLEMS. The article considers the problem of study of Khakas folklore on the basis of the first Khakas scholar N.F. Katanov's (1862-1922) records during his expeditions in 1888-1892, 1896-1899. The Authors stress that bulinas, legends, folk songs, tales, oath, ceremony and shaman poetry are insufficiently studied. The authors of the article raise the questions of re-edition of the works and publication of unpublished manuscripts of the scholar, also the problems of study, preservation of folklore not only by Khakas but other Turkic peoples.

Key words: genres of folklore, Khakas folklore, folkloristics, folklore of Turkic peoples.

Л.С. Ефимова, канд. филол. наук, доц. СВФУ, г. Якутск, E-mail: Ludmilaxoso@mail.ru;

Н.С. Майнагашева, канд. филол. наук, с.н.с. ХакНИИЯЛИ, г. Абакан, E-mail: Nina_71@inbox.ru;

Ю.И. Чаптыкова, н.с. ХакНИИЯЛИ, г. Абакан, E-mail: yuliya-hakasia@mail.ru

ХАКАССКИЙ ФОЛЬКЛОР В МАТЕРИАЛАХ Н.Ф. КАТАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

В работе рассмотрены проблемы изучения хакасского фольклора на основе записей первого хакасского учёного Н.Ф. Катанова (1862–1922) во время его экспедиций в 1888-1892, 1896 и 1899 гг. Авторы подчёркивают недостаточную изученность быличек, легенд, преданий, народных песен, рассказов, клятв, обрядовой и шаманской поэзии. В статье актуализируются вопросы переиздания трудов и публикации неизданных рукописей учёного, также проблемы изучения, сохранения фольклора не только хакасов, но и других тюркских народов.

Ключевые слова: жанры фольклора, хакасский фольклор, фольклористика, фольклор тюрко-язычных народов.

В этом году научная общечеловечность Российской Федерации отметила 150-летний юбилей со дня рождения ведущего в свое время тюрколога-лингвиста, магистра турецко-татарской словесности, доктора сравнительного языкознания, великого сына хакасского народа Николая Федоровича Катанова.

По воспоминаниям современников, коллег, друзей, родных и близких, это был великолепный знаток почти всех европейских и азиатских языков, а в своих сравнительных материалах он приводил 114 языков, наречий и диалектов. Николай Федорович был исследователем удивительной работоспособности. Например, в период «с февраля 1891 года по май 1892 года собрал 120 сказок, 90 рассказов, свыше 500 четверостиший, 153 песни, свыше 600 пословиц, около 70 поверий, 38 загадок, свыше 900 толкований снов и других материалов». Сразу обрабатывал свои полевые материалы. «В 1889 и 1890 годы сдавал по 3 рукописи» [1, с. 27]. Направлениями его научно-исследовательской деятельности были:

- 1) язык тюркских народов;
- 2) фольклор, его жанры;
- 3) религия, философские взгляды;
- 4) материальная культура, быт, культурные предметы и вещи;
- 5) социально-культурные, товарно-денежные отношения племен;
- 6) социальная структура племен, управление, их родственные и родоплеменные отношения;
- 7) элементы психологии народов, межличностные, межэтнические отношения;
- 8) педагогические взгляды отдельных племен [2, с. 45].

При его жизни в период с 1885 по 1921 г. опубликована 181 работа [3, с. 25]. По общей сложности, он является автором 382 научных трудов в области археологии, истории, этнографии, языкознания, литературы, статистики восточных народов, более всего турецко-татарского корня. Кроме того, рукописных (неизданных) работ у него осталось до 15000 страниц, написанных во вторую долю листа писчей бумаги [4, с. 22].

На современном этапе все больше возрастает интерес к феномену его научной деятельности и общественной жизни, хотя в некоторое время его имя было в забвении. В данной статье авторы предпочитают остановиться лишь на проблемах изучения и сохранения жанров хакасского фольклора на основе материалов, собранных Н.Ф. Катановым во время своих экспедиций в 1889-1892, 1896, 1899 гг. на родине – в Минусинском округе Енисейской губернии.

Одним из первых на фольклорные записи Н.Ф. Катанова обратил внимание его не менее талантливый земляк этнограф С.Д. Майнагашев, который по ложному обвинению был арестован и расстрелян в 1920 году, когда ему было всего 34 года. Будучи студентом общественно-юридического факультета Московского городского народного университета Шаняевского, С.Д. Майнагашев в 1913 году написал статью, которая так и осталась не опубликованной. Позднее рукопись была обнаружена А.Н. Гладышевским и опубликована в 2004 году в газете «Хакасия». В своей рукописи совсем еще молодой Степан Дмитриевич высказал ряд замечаний по поводу публикации фольклорных материалов Катанова, опубликованных в IX части «Образцов народной литературы тюркских племен». Он писал, что Н.Ф. Катанов «в литературных вещах не всегда бережно обращается с содержанием. Записывать надо, как говорит рассказчик, а не так, как сказал бы собиратель». Его второе замечание касается проблемы перевода хакасских текстов. Он пишет, что «не безупречен и перевод Катанова собранных им вещей на русский язык». Далее приводит пример из молитвенных слов во время нагорного жертвоприношения, где отмечает, что «в переводе представляется, как будто люди обращаются с молитвой к самой березе, однако в тексте такой мысли совершенно нет, березе люди не поклоняются, а водрузивши березу, поклоняются богам. Насколько важно это различие для изучения религии народа само собою очевидно» [5]. С.Д. Майнагашев при этом высоко оценил вклад первого хакасского ученого в изучение культуры народа.

В 1951 году Н.А. Баскаков, отмечая вклад Н.Ф. Катанова в изучение хакасского языка и устного народного творчества, признавал, что у него «значительная часть работ посвящена хакасскому фольклору» [6, с. 93-94]. По изучению жизни, деятельности и наследия Н.Ф. Катанова, по нашим данным, издано три монографии [1; 2; 7]. Вышли в свет сборники статей, в том числе, материалы и сообщения, составленные Н.Г. Доможаковым [8], сборник «Катановских чтений» [9], материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Н.Ф. Катанова на родину» [10], Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова [11], Между-

народного семинара [12]. В этом году изданы материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию ученого [13]. В советское и постсоветское времена были переизданы тексты отдельных глав из IX части «Образцов народной литературы тюркских племен» [14; 15; 16; 17; 18].

Н.Ф. Катанова как фольклориста первым охарактеризовал П.А. Трояков [19]. Он признал его собирателем, научным пропагандистом фольклора тюркских народов и ценил максимальную точность записей. Автор статьи уловил два аспекта в изучении фольклорных произведений у Катанова: «во-первых, устное народное творчество является самобытным искусством народа, уходящим в его древнюю историю. Следовательно, фольклор, в частности, генезис путей развития сюжетов следует изучать, исходя из древних истоков воззрений народа». В размышлениях Катанова он рассмотрел и второй аспект изучения устного народного творчества о том, что «в процессе исторического развития и взаимных общений народов в фольклоре может иметь место заимствованный пласт, более или менее органически вошедший в основной арсенал» [19; с. 146-147]. В.Е. Майногашева, оценивая научное наследие Николая Федоровича, пишет, что он «собрал и оставил потомкам богатый шаманский фольклор». Она высоко оценивает изданные и переведенные Катановым на русский язык богатырские поэмы хакасов, помимо этого признает добротные образцы паспортизации информаторов, данные исследователем. Далее автор замечает, что «богатырским поэмам родного народа он посвятил, еще, будучи студентом, обзорную статью «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», где отстаивает их самобытность, «не подвергнувшуюся еще влиянию чужого элемента (татарского, русского, монгольского)». Этот замечательный труд был первый раз издан в Санкт-Петербурге в 1885 году, тогда, как в то время в фольклористике России господствовала теория компаративистов...» [20, с. 173-175]. В.В. Миндибекова охарактеризовала Н.Ф. Катанова как исследователя фольклора тюрко-язычных народов Сибири. Она отмечает, что в научный оборот им были введены все жанры хакасского фольклора: богатырские сказания, образцы различных видов сказок, мифы – былички, легенды и предания, множество песен, тахпахов, пословицы, загадки, заклинания, толкования снов, фразы из разговорной речи [21, с. 58], хотя толкования снов, фразы из разговорной речи не являются жанрами фольклора. В свое время С.Н. Иванов достаточно точно указал все жанры хакасского фольклора, собранные Катановым: песни, сказки, загадки, шаманские молитвы, рассказы, пословицы, сказания, клятвы и предания [1, с. 26]. Фольклористы ХакНИИ-ЯЛИ в коллективной работе рассматривают «зафиксированные Н.Ф. Катановым фрагменты свадебного обряда сагайцев, песни, пожелания (*алгаастар*), речитативы свата или же свахи, относящиеся к свадебному обряду», также малые жанры фольклора (пословицы и поговорки, загадки). В свое время он зафиксировал около 400 загадок» [22, с. 171-173]. Проблему жанровой сущности материалов Катанова поднимает литературовед А.Л. Кошелева. Она, рассмотрев самые различные архетипы, делает вывод, что «в обрядовой народной литературе наиболее полно, системно проявляется генетика национального менталитета» [22, с. 177]. А.Н. Гладышевский, оценивая вклад исследователя в изучение шаманизма хакасов, пишет: «Первая научная работа Катанова-гимназиста была посвящена проблеме шаманизма, «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени», опубликована в книге Г.Н. Потанина «Очерки северо-западной Монголии». Материалы по хакасскому фольклору Николай Федорович изложил в ряде своих работ и отчетов: «Бубен и колотушка по описанию минусинских татар» (Томск, 1890), «Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 01 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии» (Казань, 1897), «Шаманское нагорное жертвоприношение» (журнал «Православный Благовестник», № 24 1897), «Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии летом 1897 года» (Казань, 1900)» [23, с. 70]. Таким образом, на основе записей Н.Ф. Катанова хакасскими фольклористами были рассмотрены героические сказания [24], малые жанры – пословицы, поговорки, загадки [25], свадебный обряд, свадебные благопожелания [26] и сказочный фольклор [27]. К сожалению, до сих пор без внимания исследователей все еще остаются мифы, былички, легенды, предания, народные песни, рассказы, клятвы, обрядовая и шаманская поэзия, широко представленная в материалах исследователя.

Проблема изучения жанров фольклора на основе столь богатого и широкого материала Н.Ф. Катанова, порой представляется весьма трудной и в силу малодоступности первоисточника. Собранные им тексты, опубликованные В.В. Радловым во II части «Образцов народной литературы тюркских племен»

в 1907 году так и не переиздавались. Из переизданий отдельных глав в 1963, 1996, 1997, 2000, 2004 гг. хочется выделить более качественное издание 2000 года на хакасском, русском, турецком языках при финансовой поддержке Международной организации ТЮРКСОЙ Турецкой Республики. Попытки переизданий только отдельных глав работы можно объяснить не только финансовыми проблемами, также и трудностями чтения текстовых материалов в транскрипции О.Н. Бетлингга и В.В. Радлова, которой затрудняются пользоваться современные исследователи. Здесь следует упомянуть опыт переиздания с помощью современных информационных технологий «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского в 2008 году. Данным словарем, изданным в свое время в транскрипции О.Н. Бетлингга, успешно пользуются до сих пор тюркологи всего мира. Также можем привести пример репринтного издания алтайских текстов из «Образцов народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» В.В. Радлова в 2006 году в Республике Алтай. Отрадно, что в последнее время Правительство Республики Хакасия (Глава Правительства – В.М. Зимин) вместе с сотрудниками ХакНИИЯЛИ (директор – В.Н. Тугужекова) и Хакасского государственного университета, носящего имя Н.Ф. Катанова (ректор – О.Н. Штыгашева), ведут работу по переизданию II части «Образцов народной литературы тюркских племен» и поиска других материалов фольклорного наследия тюркских народов, собранных своим великим земляком. В будущем следовало бы и рассмотреть вопрос о публикации неизданных рукописей Н.Ф. Катанова, где имеются не менее интересные и значимые материалы по языку, истории, этнографии, фольклору, мифологии, религии многих тюркоязычных народов не только России, но и Евразии. Вопросы по переизданию ранее изданных и изданию неопубликованных трудов исследователя представляются нам не только интересами одной Республики Хакасия, в этом должны быть заинтересованы и те республики и регионы, материалы которых были собраны

этим удивительным и поистине увлеченным исследователем тюркского мира.

Из фольклорных материалов хакасов, записанных Н.Ф. Катановым, на сегодня исследована лишь малая их часть. Недостаточно изученными остаются мифы, былички, легенды, предания, народные песни, рассказы, клятвы, обрядовая и шаманская поэзия. П.А. Трояков в свое время совершенно справедливо уловил мысль исследователя о сравнительном изучении фольклора тюркских народов Сибири, Восточного Туркестана и северной Монголии [19, с. 144], которая остается актуальной и поныне. Записи Катанова на современном этапе приобретают наибольшую ценность и в силу того, что некоторые народы – носители тех фольклорных традиций, из уст которых он зафиксировал материалы, давно уже ассимилировались или исчезают (например, карагасы или тофалары). Исчезают и когда-то активно бытовавшие жанры хакасского фольклора. По тонкому замечанию В.Е. Майногашевой, он «проявил прозорливость этнографа и фольклориста, записав многие тексты шаманов. Не будь его записей, мы бы остались без этого фольклора. Уже через 10-20 лет после его записей наступили годы жестоких гонений на шаманов и репрессий против них, в результате чего почти не осталось классических служителей древнего культа, а ведь их заклинивание своей высокой поэтичностью сродни древним индийским гимнам огню» [20, с. 174]. С каждым годом уходят, редут носители эпических и фольклорных традиций, забываются специфические особенности исполнения богатых сказаний, народных песен не только хакасов, но и тюркских народов.

Таким образом, проблема изучения, сохранения устного народного творчества в контексте фольклорного наследия тюркоязычных народов России, также народов, живущих за её пределами, записанного и оставленного грядущим поколениям в конце XIX – начале XX века великим сыном хакасского народа – Н.Ф. Катановым – представляется весьма актуальной и на заре XXI века.

Библиографический список

1. Иванов, С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерки жизни и деятельности). – М., 1973.
2. Султанбаева, К.И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель. – Абакан, 2009.
3. Катанов, Н.Ф. Автобиография и библиография. – М.; Абакан, 1997.
4. Через тернии к звездам / сост. Иптышев А.В. – Аскиз, 2012.
5. Гладышевский, А.Н. Почему рукопись не была опубликована? Из наследия первого хакасского этнографа С.Д. Майногашева // Хакасия. – 2004. – 20 октября.
6. Баскаков, Н.А. К истории изучения хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1951. – Вып. 2.
7. Валеев, Р.М. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии / Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова [и др.]. – Казань; Абакан, 2008-2009.
8. Н.Ф. Катанов: материалы и сообщения. – Абакан, 1958.
9. Катановские чтения: сб. ст. – Казань, 1998.
10. Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Н.Ф. Катанова на родину»: сб. ст. – М., 2003.
11. Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф., посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2003.
12. Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения Международного научного семинара. – Казань, 2006.
13. Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: материалы Международной конф. 2012: в 2 т. – Абакан, 2012.
14. Катанов, Н.Ф. Хакасский фольклор. – Абакан, 1963.
15. Катанов, Н.Ф. Золотая книга. Алтын пікір. Благословительные гимны – алгасы. – Абакан, 1996.
16. Катанов, Н.Ф. Свадебный обряд. – Абакан, 1997.
17. Катанов, Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии. На хакасском, турецком и русском языках. – Анкара, 2000.
18. Катанов, Н.Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004.
19. Трояков, П.А. Н.Ф. Катанов – фольклорист // Ученые записки. – Абакан. – 1964. – X (серия филологическая).
20. Майногашева, В.Е. К вопросу о Н.Ф. Катанове – фольклористе // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.
21. Миндибекова, В.В. Н.Ф. Катанов как исследователь фольклора тюрко-язычных народов Сибири // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения Международного науч. семинара. – Казань: Алма-Лит, 2006.
22. Ачитаева, Л.К. Изучение хакасского фольклора / Л.К. Ачитаева, С.К. Кулумаева, В.Е. Майногашева [и др.] // Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань; Абакан, 2008-2009.
23. Кошелева, А.Л. Содержательная и эстетическая специфика жанровых циклов в книге Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен» / Р.М. Валеев, А.Л. Кошелева, В.Н. Тугужекова [и др.] // Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань; Абакан, 2008-2009.
24. Гладышевский, А.Н. О шаманизме в работах Н.Ф. Катанова // Возвращение наследия Н.Ф. Катанова на родину: материалы научно-практич. конф.: сборник статей. – М., 2003.
25. Майногашева, В.Е. Хакасское героическое сказание «Алтын Арыг»: автореф. Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1967.
26. Ачитаева, Л.К. Малые жанры хакасского фольклора, собранные Н.Ф. Катановым // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.
27. Кулумаева, С.К. Материалы Н.Ф. Катанова по свадебному обряду хакасов // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.
28. Торокова, Е.С. «Образцы народной литературы тюркских племен», собранные Н.Ф. Катановым как источник изучения сказочного фольклора хакасов // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной науч. конф. – Абакан, 2003.

Bibliography

1. Ivanov, S.N. Nikolay Fedorovich Katanov (Ocherki zhizni i deyatel'nosti). – M., 1973.
2. Sultanbaeva, K.I. Nikolay Fedorovich Katanov – vihdayuthiyisya uchenihy-vostokoved, tyurkolog, prosvetitel'. – Abakan, 2009.
3. Katanov, N.F. Avtobiografiya i bibliografiya. – M.; Abakan, 1997.
4. Cherez terni k zvezdam / sost. Iptishev A.V. – Askiz, 2012.
5. Gladihshevskiy, A.N. Pochemu rukopisj ne bihla opubl'kovana? Iz naslediya pervogo khakasskogo ehtnografa S.D. Mayjnagasheva // Khakasiya. – 2004. – 20 oktyabrya.
6. Baskakov, N.A. K istorii izucheniya khakasskogo yazihka // Ucheniye zapiski KhakNIIYaLI. – Abakan, 1951. – Vihp. 2.
7. Valeev, R.M. N.F. Katanov i gumanitarniye nauki na rubezhe vekov. Ocherki istorii rossijskoj tyurkologii / R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova [i dr.]. – Kazanj; Abakan, 2008-2009.
8. N.F. Katanov: materialih i soobtheniya. – Abakan, 1958.
9. Katanovskie chteniya: sb. st. – Kazanj, 1998.
10. Materialih nauchno-prakticheskoy konferencii «Vozvrathenie naslediya N.F. Katanova na rodinu»: sb. st. – M., 2003.
11. Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf., posvyathennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya N.F. Katanova. – Abakan, 2003.
12. Nasledie N.F. Katanova: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: Dokladih i soobtheniya Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. – Kazanj, 2006.
13. Nasledie khakasskogo uchenogo, tyurkologa, doktora sravnitel'nogo yazihkoznaniya, vostokoveda Nikolaya Fedorovicha Katanova: materialih Mezhdunarodnoj konf. 2012: v 2 t. – Abakan, 2012.
14. Katanov, N.F. Khakasskiy fol'klor. – Abakan, 1963.
15. Katanov, N.F. Zolotaya kniga. Al'tih pichik. Blagoslovitel'niye gimni – algasih. – Abakan, 1996.
16. Katanov, N.F. Svadebnihy obryad. – Abakan, 1997.
17. Katanov, N.F. Izbranniye nauchniye trudi. Teksti khakasskogo fol'klora i ehtnografii. Na khakasskom, tureckom i russkom yazihkakh. – Ankara, 2000.
18. Katanov, N.F. Izbranniye trudi o Khakasii i sopredel'nykh territoriyakh. – Abakan, 2004.
19. Troyakov, P.A. N.F. Katanov – fol'klorist // Ucheniye zapiski. – Abakan. – 1964. – X (seriya filologicheskaya).
20. Mayjnogasheva, V.E. K voprosu o N.F. Katanove – fol'kloriste // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.
21. Mindibekova, V.V. N.F. Katanov kak issledovatel' fol'klora tyurko-yazihchnikh narodov Sibiri // Nasledie N.F. Katanova: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: dokladih i soobtheniya Mezhdunarodnogo nauch. seminar. – Kazanj; Alma-Lit, 2006.
22. Achitaeva, L.K. Izuchenie khakasskogo fol'klora / L.K. Achitaeva, S.K. Kulumaeva, V.E. Mayjnogasheva [i dr.] // N.F. Katanov i gumanitarniye nauki na rubezhe vekov. Ocherki istorii rossijskoj tyurkologii. – Kazanj; Abakan, 2008-2009.
23. Kosheleva, A.L. Soderzhatelnaya i ehsteticheskaya specifiya zhanrovikh ciklov v knige N.F. Katanova «Obrazci narodnoj literatury tyurkskikh plemen» / R.M. Valeev, A.L. Kosheleva, V.N. Tuguzhekova [i dr.] // N.F. Katanov i gumanitarniye nauki na rubezhe vekov: ocherki istorii rossijskoj tyurkologii. – Kazanj; Abakan, 2008-2009.
24. Gladihshevskiy, A.N. O shamanizme v rabotakh N.F. Katanova // Vozvrathenie naslediya N.F. Katanova na rodinu: materialih nauchno-praktich. konf.: sbornik statej. – M., 2003.
25. Mayjnogasheva, V.E. Khakasskoe geroicheskoe skazanie «Al'tih Arihg»: avtoref. Diss. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1967.
26. Achitaeva, L.K. Maliye zhanri khakasskogo fol'klora, sobranniye N.F. Katanovim // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.
27. Kulumaeva, S.K. Materialih N.F. Katanova po svadebnomu obryadu khakasov // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.
28. Torokova, E.S. «Obrazci narodnoj literatury tyurkskikh plemen», sobranniye N.F. Katanovim kak istochnik izucheniya skazochnogo fol'klora khakasov // Nauchnoe nasledie N.F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialih Mezhdunarodnoj nauch. konf. – Abakan, 2003.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 417

Ivanenko G.S. THE NOTIONS OF VALUE, MEANING, UNDERSTANDING, PERCEPTION, INTERPRETATION OF THE TEXT IN CONCEPT OF THE TARGET LEGAL LANGUAGE RESEARCH. Value, meaning, understanding, perception, interpretation discussed in the text for the analysis of conflict in the text of the proceedings. Consideration of the applicability of these categories in the expert to form a conceptual unit, which underlies the concept of the target legal language research.

Key words: judicial linguistic research, text, discourse, encoding, decoding, meaning, understanding, perception, interpreting the text, the subjective and objective.

Г.С. Иваненко, канд. филол. наук, доц., докторант каф. русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского гос. педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: gala.april@mail.ru

ПОНЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ, СМЫСЛА, ПОНИМАНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В КОНЦЕПЦИИ ЦЕЛЕВОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе рассматриваются понятия: значение, смысл, понимание, восприятие, интерпретация – в аспекте декодировки текста, вызвавшего судебное разбирательство. Анализ взглядов на названные категории сквозь призму их применимости в конкретных экспертных целях приводит к формированию понятийного аппарата, положенного в основу концепции целевого лингвистического судебного исследования.

Ключевые слова: судебное лингвистическое исследование, текст, дискурс, кодировка, декодировка, значение, смысл, понимание, восприятие, интерпретация текста, субъективное, объективное.

Перечисленные в названии статьи понятия: **значение, смысл, понимание, восприятие, интерпретация** – далеко не однозначно рассматриваются современной наукой, несмотря на достаточно пристальное внимание к ним на протяжении последних трех десятилетий. Разнообразие взглядов на данные категории определяется не только спецификой использующей их научной дисциплины (лингвистики, шире – филологии, психолингвистики), но и ракурсом рассмотрения. Для произведений речи одной из основных коррелятивных категорий, обусловли-

вающих, несмотря на целостность объекта анализа, определенную противопоставленность подходов, является оппозиция: кодировка – декодировка. Процессы порождения и получения речевой информации являются звеньями одной цепи, но это далеко не означает, что анализ того и другого позволяет всегда подвести эти величины под общий знаменатель. Такая математическая точность возможна только в случае идеального речевого акта, то есть такого, при котором интенция отправителя информации стопроцентно декодирована получателем. Для этого не-

обходимо множество условий, среди которых на первом месте находятся общность используемого в общении кода двух сторон – тождественность языковой структуры, идентичность речевых систем, этико-стилистических культур, и, безусловно, общность затекстовых знаний в рамках предмета речи.

Вопросы, связанные с адекватностью декодировки текста, наиболее актуальны при осуществлении специфического лингвистического исследования – судебного. Остановимся на конкретном виде судебной лингвистической экспертизы – семантическом исследовании, включаемом в доказательную базу по процессам различных типов. Целевое лингвистическое исследование будет состоятельным только в том случае, если будет базироваться на принципах лингвистического анализа, составляющих в совокупности концепцию. Для создания такой концепции необходимо определиться с пониманием определяющих в рассматриваемом аспекте категорий.

Значение [1] – это то, что открывается в предмете и является объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Человек живет в мире значений, которые открыты для него в каждом слове другими людьми. Но сам он не в состоянии усвоить все значения всех слов или даже некоторые значения в их полном объеме.

Значение предшествует наиболее развитой его форме – понятию – и выступает в единстве с личностным смыслом и чувственной тканью, образуя структуру индивидуального сознания.

Личностный смысл – это переживание субъективной значимости предмета, действия или события, оказавшегося в поле действия ведущего мотива. По словам В.П. Белянина, «это одна из главных образующих сознания, осознаваемая как «значение для меня» [2, с. 104].

Некоторые лингвисты считают это противопоставление упрощенным, поскольку значения также подвержены широкому варьированию – «по линии коллективного и индивидуального, языкового и окказионального, нормативного и аномального, языкового и речевого, внеконтекстуального и контекстуального» [3, с. 39]. Мы же согласимся со мнением В.И. Шаховского и В.И. Карасика: «соотношение значения и смысла не противоречит концепции диалектического единства стабильной и вариативной части значения» [4]. Однако в целом разрабатываемая М.В. Никитиным теория значения представляется логичной, целостной и практически ценной для решения задачи – создания концептуальной базы целевого лингвистического исследования. Автор обосновывает противопоставление двух типов значимых ситуаций и, соответственно, выделение двух типов значений – импликационного и знакового. Первый тип моделирует естественную связь между фактами, второй тип отражает условную, собственно знаковую связь. При этом естественная связь между сущностями может быть основана и на знаковой базе. Такая вторичная импликация выступает в качестве «значимой среды, в которую погружены собственно знаковые значения высказываний и текстов» [3, с. 18]. Наряду с импликационным и знаковым значениями автор выделяет в качестве основных типов когнитивные и прагматические значения, отражающие диалектику объективного и субъективного опыта. Отмечено, что «исходными являются прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и ощущаемого человеком» [3, с. 20]. Критике со стороны автора новой концепции значения подвергается теория Ч. Пирса относительно трех сторон знака: семантики, синтактики и прагматики, принятая во многих работах современных языковедов. М.В. Никитин считает недостатками пирсовской концепции отсутствие разграничения денотативного и сигнификативного значений, гетерогенность прагматики, формальную природу синтактики. Однако при всей противоречивости и сама теория Ч. Пирса, и вытекающее из нее разграничение значения и смысла имеют практическое значение для рассмотрения и научно обоснованного решения нашей проблемы.

Вопрос дифференциации значения и смысла рассматривали многие лингвисты. Так, классик отечественного языкознания В.А. Звегинцев в монографии «Предложение и его отношение к языку и речи», глубоко и многоаспектно размышляя о многих лингвистических понятиях, в том числе и о понятии «смысл», дает такое его определение: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл» [5, с.193]. Эти слова прямо соотносятся с требованием к лингвистической экспертизе рассматривать не только слова в контексте предложения, предложение в контексте текста, но и текст в контексте жизненных реалий, в ситуативном контексте, в контексте печатного издания, преподносимого видео- или аудио – ряда, то есть в дискурсе. Концептуаль-

но близко понимание *смысла* в работах родоначальника отечественной Н.И. Жинкина [6, с. 13]: «Смыслом мы будем называть такое информационное образование, которое направлено на определенный предмет действительности». Примечательно, что в этом определении *смысл* дефинируется через понятие *информация*.

Когда мы говорим об отдельной языковой единице, мы можем для разделения инвариантного и индивидуального употреблять соответственно дифференцирующие понятия *значение* и *смысл*. В отношении же текста как сложного единства вообще неприменимо, как нам представляется, понятие «значение», относимое к отдельной языковой единице и характеризующееся, при всей возможной многокомпонентности, одноплановостью, цельностью. Применительно к тексту можно говорить только о смысле, очевидно, не совсем о том «личностном смысле» Белянина, а о смысле как содержательной квинтэссенции, выводимой из взаимодействия множественных значений носителями языка.

А.К. Жолковский и И.А. Мельчук пытаются определить ключевые категории *текст* и *смысл*: «Понятие текста в разъяснении, видимо, не нуждается. Что же касается **смысла**, то здесь мы тоже будем исходить из некоторого достаточно тривиального представления, которое должно, на наш взгляд, лежать в основе современной лингвистической семантики. Бесспорно, что в первую очередь владение смыслом проявляется у говорящего в умении выразить одно и то же по-разному, а у слушающего – в умении отождествлять смысл разных по форме высказываний, понять, что они сообщают то же самое. Отсюда, **СМЫСЛ** есть то общее, что имеется у всех различных высказываний, признаваемых и используемых носителями языка в качестве равнозначных, или, короче, смысл есть инвариант синонимических преобразований (перифраз). Таким образом, смысл предстает как конструкт – пучок соответствий между реальными равнозначными высказываниями (фиксируемый, когда нужно, с помощью специальной символики – «семантической записи») [7, с. 7].

Разделяем мысль В.А. Звегинцева о том, что в конкретном дискурсе «предложение и его смысл настолько слитны, настолько связаны друг с другом внутрисистемными отношениями (которые... есть вместе с тем выражение ситуативной ориентированности), что не допускают отсоединения друг от друга и отдельных манипуляций над каждым из них» [5, с. 197]. Под манипуляциями понимаются в контексте различные синонимичные замены.

К тому же, даже принимая теоретический взгляд на проблему смысла Мельчука-Жолковского, следует понимать, что определение смысла дается с точки зрения кодировки речи, и его жизнеспособность определена этим ракурсом. С позиций же декодировки нельзя не признать практической неприменимости предложенного понимания. Мы не можем выявить инвариант в том случае, когда не имеем возможности сравнить синонимические преобразования. На практике при необходимости проанализировать текст на предмет выявления смысла исследователь лишен возможности теоретически идеального моделирования. Напротив, различными интерпретаторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки, претендующие на синонимичность с первичным текстом.

Соглашаясь в целом с критическими замечаниями В.А. Звегинцева, направленными на «действующую модель языка («смысл – текст» А.К. Жолковского и И.А. Мельчука, вычленим в их определении смысла то рациональное зерно, которое способствует решению поставленных задач. Важным в определении Мельчука и Жолковского для создания концепции лингвистического исследования в аспекте типовой декодировки является снятие с понятия *смысл* печати субъективизма. Слово «инвариант» представляется ценным, хотя мы использовали его в несколько ином аспекте при определении *смысла*.

В.А. Звегинцев, ставя в центр семантической системы предложение и рассматривая последнее как феномен языковой системы и речевой практики, определяет через его посредство *смысл*: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл. Если такого согласования нет, то у предложения (точнее, псевдопредложения), хотя оно организуется по всем правилам языка, наличествует только псевдосмысл» [5, с. 193].

Такое, казалось бы, очевидное представление о том, что дискурс привязывает предложение к ситуации, вне которой не существует смысла предложения, не является сегодня очевидным в практике лингвистических экспертиз. Сложившееся требование признать порочащими конкретные фразы, как и предложить для опровержения определенные цитаты из конфликтного текста, совершенно противоречит логике формирования смысла: «Изъятие предложения из дискурса и превращение его

в псевдопредложение означает переключение мира мысли в мир языка, что сопровождается процессом абстрактизации как самого смысла предложения, так и значения составляющих его единиц. С этого момента мысль теряет свою подвижность – фиксируется, как нечто отрешенное от человека, существующее независимо от него – в языке» [5, с. 200].

В связи с определением понятия «смысл» В.А. Звегинцев затрагивает еще два аспекта проблемы, вычленив нами из его концепции в силу связанности с целями осуществляемого исследования.

Первый аспект – непризнание «неграмматических» предложений и признание наличия смысла у всего, что реально было сказано: «Но верховным принципом для речи является не язык с его «нормами», а смысл, который в свою очередь есть представитель интересов главного руководителя всей этой деятельности – мысли» [5, с. 176]. Лингвисты – последователи Хомского и Карнапа признают достойным семантического анализа только материал, соответствующий нормам языка, забывая о том, что, во-первых, сами эти нормы не были первичны, а появились как результат анализа того же реального речевого материала, и нельзя исключать несовершенства выведенной системы; во-вторых, норма динамична, как динамичны сами закономерности речевой практики; в-третьих, даже предложение или текст, построенные с нарушением грамматических или стилистических норм, являются воплощением акта коммуникации, реализуют какую-либо стратегию и несут какой-либо смысл.

Поясним, с какой позицией мы дискутируем в настоящий момент. Рассматривая конфликтный текст, лингвист выявляет его «неграмматичность», несоответствие или неполное соответствие нормам языка, в результате чего ставит на нем клеймо «ущербного» текста, с чем объективно нет смысла спорить, но из этого делается вывод о невозможности проанализировать неграмотную конструкцию, что вызывает категорическое несогласие. Грамматически ненормативная конструкция может провоцировать неоднозначное понимание, но в таком случае лингвист может выявить возможные варианты смысла. Текст может быть нелогичным, плохо выстроенным, эклектичным, но, если это не искусственно сконструированный материал, он неизбежно реализует какую-либо интенцию и, следовательно, выражает какой-либо смысл, явно или неявно, при помощи пресуппозиций и импликаций, но выражает.

Наличие смысла – константная характеристика любого естественного текста, а необходимость и возможность выявить этот смысл – константная характеристика любого лингвистического анализа текста семантической направленности, в том числе судебной экспертизы соответствующего типа.

Второй аспект, связанный с проблемой смысла, выделенный нами в концепции В.А. Звегинцева, – вопрос о принципиальной постижимости смысла. В судебных заседаниях неоднократно возникал вопрос о способности анализируемого текста выразить законченный смысл. Сторонники «незаконченного смысла» апеллируют к понятию «восприятие», придавая ему исключительно индивидуально-психологический смысл и полностью отказывая в объективных закономерностях. Автор – говорит в таком случае – только задал тему разговора, – а читатель развивает ее в направлении, зависящем от его интеллектуального и культурного уровня, личных ассоциаций и других субъективных факторов.

Такая логика размышления была представлена в процессе о распространении экстремистских материалов (дело НБП в Челябинске). В текстах изображались многочисленные сцены насилия над представителями различных групп населения и прямым текстом говорилось о необходимости насилия как формы выражения социального протеста. Филологическая сущность защиты обвиняемых прежде всего основывалась на том, что натуралистичные жестокие сцены должны вызвать у читателя отвращение и побудить обратную реакцию.

Такая позиция по сути отрицает возможность определенной декодировки текста, а следовательно, объективный характер реализованного в речи языка как знаковой системы. В таком подходе неоправданно смешиваются категории совершенно различной природы.

Реакция на текст, отношение к тексту, его оценка, отклик на него – явления индивидуальные, воплощающиеся во множественных субъективных реализациях, хотя и в этой сфере можно наблюдать определенную типизированность.

Смысл же текста – категория объективного порядка, основанная на закономерностях реализации значений языковых единиц. Отрицание объективной природы смысла по сути означает отрицание коммуникативной функции языка. Невозможно отрицать, что понимание смысла различными реципиентами не бу-

дет абсолютно идентичным, что зависит от множества факторов, однако диапазон этих различий у носителей одного языка, одной культуры не может быть бесконечным и ограничен рамками допустимых толкований, обусловленных значениями языковых единиц всех уровней и пресуппозициями, на которые указывает знаковая система текста. А вот диапазон реакций на текст, типов отношений, оценок и личностных ассоциаций действительно неограничен.

Наличие возможных интерпретаций текста, обусловленное неидеальной кодировкой автором смысла или намеренно созданной двусмысленностью, не отрицает выдвинутого тезиса об объективном характере смысла и о его принципиальной постижимости. Два, редко три, только гипотетически возможно – более – принципиально выражаемых смысла – это как раз показатель выявляемости смысла. Обозначенные варианты возможного по законам языка понимания очерчивают определенный круг, отвергая находящиеся за его пределами смыслы. Возможны случаи абсолютной неадекватности декодировки смысла текста, отражающие патологию в усвоении языковой системы и интересные лингвисту, психологу и психиатру в совершенно ином аспекте.

Вторым филологическим доводом в упомянутом деле о распространении экстремистских материалов был тезис о «незаконченности смысла» конфликтных статей, об открытом финале и перспективе домывливания. По сути этот довод перекликается с первым. Ответом на это положение может послужить достаточно категоричное высказывание В.А. Звегинцева: «Нет никакой надобности отдельно говорить о законченности смысла: если он существует, он всегда закончен. Незаконченного же смысла или какого-нибудь «полусмысла» не может быть» [5, с. 177]. Полностью солидаризируясь с автором высказывания, добавим, что смысл – вполне материальная сущность, прямо названная или логически выводимая из приведенных языковых знаков. Повторяем, смысл текста не есть отношение к тексту или размышления по поводу высказанных в нем идей. Реакция на текст, оценка текста, отношение к идеям, высказанным в тексте, – совершенно иные субстанции. Смысл текста – категория объективная, а реакция на текст – субъективная.

Смысл текста можно представить как ответ в алгебраической задаче, которая может иметь различную степень сложности. Но если читатель текста при помощи универсального компьютера – сознания постигает смысл интуитивно, то лингвист-эксперт вскрывает все те шаги, этапы осмысления, которые лежат в основе итогового результата – содержательной сущности (включая все ее компоненты) полученной информации.

Смысл текста и отдельного его фрагмента обусловлен рядом экстралингвистических факторов: временем его получения реципиентом, социальными, экономическими и политическими процессами на территории распространения информации. Так, любое известное классическое высказывание может приобрести новый смысл в конкретных обстоятельствах. В каждом регионе происходят какие-то события, которые широко освещаются местными СМИ и известны всем жителям этой территории. Каждое СМИ создает свою информационную ткань, в которой так или иначе, в большей или меньшей степени все сообщения взаимосвязаны и день за днем цепляются друг за друга подобно звеньям одной цепи. Впрочем, связь эта гораздо более сложная, нелинейная. Переклички между информационными блоками могут осуществляться и на значительных временных расстояниях. Интертекстуальные ссылки на ранее рассмотренные события обогащают новыми компонентами смыслы новых сюжетов, но восприняты они будут в полной мере только носителями тождественного информационного поля. На практике общность информационного поля, как правило, формируется стихийно по административно-территориальному (региональному) принципу.

Подобна территориальной и социальная обусловленность смысловой декодировки текста. Признан факт профессионально-социальной дифференциации нашего общества. Значительная часть информации распространяется в специфических средах: артистической, коммерческой, научной, уголовной, др. Известный любому коммерсанту в городе скандал может остаться незамеченным педагогами, сообщение о скандальном увольнении в государственной структуре не войдет в фоновые знания городской богемы. Следовательно, всяческие намеки не это событие, косвенные указания, метафоры, перифразы, сравнения и другие металогические средства не помогут изначально абсолютно неосведомленному реципиенту в полной мере декодировать смысл имплицитного высказывания.

Не противоречит ли тезис о детерминированности воспринимаемого реципиентом смысла информации рядом названных факторов тезису о принципиальной объективности и постижи-

мости смысла? Как нам представляется, названные тезисы следуют рассматривать в соответствии с одним из общих принципов анализа текста в ракурсе координации общего и частного. Действительно, не каждый реципиент в силу ряда обстоятельств: уровня образованности, осведомленности в каких-либо вопросах – способен адекватно декодировать смысл распространенной информации. Однако это не означает самой невозможности такой декодировки. Лингвист же, анализирующий представленный для анализа конфликтный текст, должен учитывать в процессе экспликации смысла специфику исследуемого информационного поля в его территориальном и социально-профессиональном аспекте. Иными словами, качественная лингвистическая декодировка текста возможна только при учете всех возможных пресуппозиций. Анализ, основанный исключительно на словарных значениях и узуальных употреблениях, рискует оказаться поверхностным.

Таким образом, определяя понятие **смысл** для использования в юрислингвистической практике при осуществлении семантических экспертиз, мы опираемся на несколько постулатов:

1. Смысл объективен, а потому постигаем, выводим из языковой структуры текста.
2. Смысл текста представляет собой инвариант возможных по законам языка пониманий.
3. Смысл рассматриваемого речевого произведения характеризуется целостностью и законченностью.
4. Смысл отдельного предложения или фрагмента необходимо рассматривать в дискурсе, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.
5. Смысл текста далеко не всегда представлен конкретным предложением или фрагментом и в целях экспликации требует дополнительного оформления средствами естественного языка.
6. Смысл текста исторически, территориально и социально обусловлен.

Смысл текста (в аспекте судебного лингвистического исследования) мы определяем как основанное на языковых законах и на пресуппозициях типовое, инвариантное понимание носителями языка информации, заложенной в тексте.

Конечный итог анализа языковых элементов – выявление их **значений**, в комплексе с пресуппозитивными знаниями и выявленными импликациями формирующих **смысл** информации.

Прежде всего эти теоретические положения являются основой чрезвычайно важного для процессов по защите чести и достоинства постулата о допустимости несовпадения интенции говорящего и понимания объекта высказывания. При возникновении такого несовпадения, вернее, при заявлении (отражающем или не отражающем истинное намерение) ответчиком о несовпадении сообщенного и воспринятого («Это Вы так поняли, а мы имели в виду другое»), допускаются две крайности.

Обозначенная нами проблема по сути есть проблема соотношения **смысла** как личностной категории (смысл для меня) и **смысла** как категории объективного порядка (как текст понят большинством). Значение – постоянная часть содержания знаков – реализуется в различных смыслах – достояниях индивидов, в личностных категориях (в первом значении). Так что же должен выявлять лингвист в своем анализе: инвариантное значение или личностный смысл?

Одна крайность – прочтение и интерпретация текста, основанные исключительно на субъективном восприятии истца, абсолютизация личностного смысла без учета каких-либо объективных приемов декодировки текста, позволяющих выявить и его значение, и, соответственно, константную часть воспринимаемой основной массой реципиентов информации. В этом случае происходит абсолютизация субъективно выявленного смысла, личностного восприятия, последствия чего в полной мере ощущает на себе ответчик.

Другая крайность – непризнание правовой системой возможности неоднозначного восприятия текста, обусловленного его объективной амфиболией (двузначностью) – результатом случайного или намеренного со стороны авторов текста отсутствия необходимых конкретизаторов. При возможности (вероятной или преобладающей) восприятия реципиентами речи смысла, порочащего чью-либо репутацию, нематериальные права, интересы этого лица должны быть защищены либо опровержением, либо разъяснением.

В связи с понятием «**смысл**» нельзя не обратиться к понятию «**восприятие**», вызывающему активную дискуссию и в лингвистике, и в праве, в частности в судебном процессе по защите чести, достоинства и деловой репутации. Прочитаем высказывание, отражающее довольно типичный взгляд на эту семантико-коммуникативную категорию: «Восприятие направленности текста – понимание текста (передачи) читателями (зритель-

ми). Восприятие не может быть предметом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как спорным в таких разбирательствах является текст, а не его восприятие. Для определения хотя бы «усредненного» восприятия необходимы специальные социологические, психологические, культурологические и другие исследования. Восприятие как вкусы, а о вкусах не спорят» [8].

Анализ функционирования понятия «восприятие» позволяет выявить диаметрально противоположные его трактовки.

1. Во-первых, как индивидуальная и неповторимая, обусловленная личностными качествами, опытом жизни, уровнем образованности, психологическим состоянием и другими факторами система вызываемых текстом ассоциаций и реакций.

2. Во-вторых, как типовое и закономерное выведение из текста определенного смысла. В данном случае уместно вспомнить о восхождении в генезисе слов *восприятие*, *приятие*, *понимание* к одному корню со значением собственности. То знание, что было у предающего информацию, *перенято*, *принято*, *воспринято* реципиентами.

Два приведенных значения, только что названные нами противоположными, противопоставлены только на основании критерия объективности/субъективности. В практике реализации реального процесса получения читателями, слушателями, зрителями информации осуществляется восприятие в обоих этих значениях в комплексе. Безусловно, в какой-то части понимание, то есть восприятие, будет индивидуальным, но нельзя отрицать и константной части восприятия, основанной на закономерной реализующей себя в речи языковых значениях единиц различных уровней. Более того, существуют закономерности в экспликации подтекста при восприятии, вполне выводимые логически и лингвистически. Фоновые знания реципиентов также имеют достаточную площадь пересечения, что позволяет сделать вывод о типовом понимании текста. Например, жители области знают, как правило, в лицо губернатора, и его фотография или карикатурное изображение с очевидностью будут связаны с его личностью.

Приведенное утверждение о том, что восприятие текста как понимание текста не может быть предметом лингвистической экспертизы, представляется неубедительным. Полагаем, что спорным в делах о защите чести и достоинства является не текст, как данность, факт, а именно восприятие текста и всего конфликтного дискурса той аудиторией, на которую он был направлен, которой был адресован. Аналогичное мнение высказывает Н.В. Обелюнас, говоря о конфликте интерпретаций как основе правового конфликта. [9, с. 9]. Конфликтный дискурс является **объектом** экспертизы, **предметом** же ее, на наш взгляд, должно быть именно типовое понимание, массовое восприятие текста, основанное на законах декодировки.

Не будем забывать, что в рассматриваемой ситуации судебное разбирательство вызвано не замыслом автора, не неким «объективным» комплексом значений, содержащихся в материале, а реальным пониманием смысла текста окружающими. Сами слова «понимание» и «восприятие» объединены характеристикой процесса декодировки текста, а различаются ее аспектами: понимание ориентировано на рациональный аспект, а восприятие – на эмоциональный. Ни то, ни другое слово не исключают субъективного компонента в структуре своей семантики, однако ни то, ни другое в то же время не исключают сочетаемости: «объективное понимание», «объективное восприятие», «адекватное понимание», «адекватное восприятие». В этих точках пересекается представление об инвариантном компоненте информации, заложенном в текст автором и извлеченном из него реципиентом. Это и есть смысл текста.

Как нам представляется, в контексте наших изысканий понятия «понимания» и «восприятия», при всех своих различиях, характеризуют объем и качество реально транслированной читателем (слушателем, зрителем) информации. Именно этот параметр – объем, качество, конкретные составляющие (рациональные, эмоциональные, прагматические) полученной информации – и должен выявлять в ходе лингвистического исследования лингвист. Однако в силу многозначности слов «понимание» и «восприятие», а также по причине их явной принадлежности сфере декодировки избираем для словесного обозначения той сущности, которую в ходе своего анализа стремится извлечь из текста филолог, термин «смысл». Он аккумулирует позицию декодировки и декодировки текста. Смысл закладывается и извлекается, смысл программируется и понимается, выражается и воспринимается. Инвариантный смысл не включает случайного, возможного, вероятно-личностного и субъективного, но аккумулирует все закономерное.

Семантическое лингвистическое исследование востребовано в тех случаях, когда имеет место конфликт интерпретаций.

Какая из интерпретаций отражает тот смысл, то понимание и восприятие, которые в массе своей должны иметь место в среде определенного круга реципиентов конкретного издания в определенном месте, если осуществлять декодировку по законам языка с учетом ситуативного контекста? На этот вопрос должна отвечать лингвистическая экспертиза. Безусловно, для идеального точного ответа действительно «необходимы специальные социологические, психологические, культурологические и другие исследования». Однако именно разработкой методик декодирования текста, выведением обобщенных законов восприятия и занимаются все коммуникативные направления лингвистики: стилистика, лингвопрагматика, лингвокогнитология, коммуникативный синтаксис, семантический синтаксис.

Текст же не может быть спорным, он объективно существует как данность. Спорным является именно его восприятие, понимание, представленное в ходе судебного разбирательства как минимум двумя вариантами. Стороны в суде оспаривают значение каких-либо языковых единиц, а как следствие – заложенный в тексте смысл и, соответственно, содержание воспринятой массовой читателем (слушателем, зрителем) информации.

Поэтому именно **смысл текста**, отражающий типовое восприятие, понимание текста реципиентами, и является **предметом любой лингвистической экспертизы семантического типа**, в том числе судебной лингвистической экспертизы при рассмотрении вызвавшего конфликт текста.

Говоря о значении и смысле, понимании и восприятии, нельзя обойти вниманием и понятие «**интерпретация**», которое, как и все вышеперечисленные, имеет не одно значение и употребляется в речи, в том числе в судебном дискурсе, в совершенно различных значениях, в ряде случаев диаметрально противоположных.

Библиографический список

1. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.
2. Белянин, В.П. Психолингвистика. – М., 2003.
3. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988.
4. Шаховский, В.И. Критика и библиография / В.И. Шаховский, В.И. Карасик // Филологические науки. – 1990. – № 2.
5. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976.
6. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
7. Жолковский, А.К. К построению действующей модели языка смысл – текст / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1969. – Вып. 11.
8. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2004.
9. Обелюнас, Н.В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2012.
10. Рикер, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М., 1995.

Bibliographi

1. Leontjev, A.A. Osnovih psikholingvistiki. – M., 1997.
2. Belyanin, V.P. Psikholingvistika. – M., 2003.
3. Nikitin, M.V. Osnovih lingvisticheskoy teorii znacheniya. – M., 1988.
4. Shakhovskiy, V.I. Kritika i bibliografiya / V.I. Shakhovskiy, V.I. Karasik // Filologicheskie nauki. – 1990. – № 2.
5. Zvegincev, V.A. Predlozhenie i ego otnoshenie k yazhku i rechi. – M., 1976.
6. Zhinkin, N.I. Rechj kak provodnik informacii. – M., 1982.
7. Zholkovskiy, A.K. K postroeniyu deystvuyuthey modeli yazihka smihsl – tekst / A.K. Zholkovskiy, I.A. Meljchuk // Ma-shinnihy perevod i prikladnaya lingvistika. – M., 1969. – Vihp. 11.
8. Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ehkspertizh / pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. – M., 2004.
9. Obelyunas, N.V. Konflikt interpretacij tekstov v aspekte oppozicii sobitiynoy i ocenochnoy informacii (na materiale tekstov rossiyskikh SMI): avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Barnaul, 2012.
10. Riker, P. Konflikt interpretacij: ocherki o germenevtike. – M., 1995.

Статья поступила в редакцию 06.06.12

УДК 81'373.612.2

Kireeva D.M. THE ORIGIN OF THE BLENDING THEORY. The aim of this paper is to offer a brief overview of the origin of the Blending Theory and to explain how this approach can be applied to the understanding of the metaphorical expressions. The general frame of the reference used is that of cognitive semantics.

Key words: mental spaces, many-space model, generic space, input spaces, blended space or blend.

Д.М. Киреева, канд. филол. наук, ст. преп. каф. английского языка ГАГУ, г. Горно-Алтайск,
E-mail: DaryaMKireeva@gmail.com

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Целью настоящей статьи является краткое рассмотрение происхождения теории концептуальной интеграции и объяснение того, как данный подход может быть использован для понимания метафорических выражений. Статья выполнена в русле когнитивной семантики.

Ключевые слова: ментальные пространства, многопространственная модель, родовое пространство (РП), входные пространства (ВП), выходное смешанное пространство (ВСП) или бленд.

Концептуальная интеграция (conceptual integration or conceptual blending) – это теоретический подход, разработанный Ж. Фоконье и М. Тернером и созданный для объяснения того, как происходит интеграция информации, накопленной человеческим опытом.

Теория ментальных пространств локализует значение в ментальных репрезентациях говорящих и выстраивает (в сознании) лингвистические структуры как сигналы, которые побуждают говорящих устанавливать элементы в референциальной структуре. Элементы в ментальных пространствах только опосредованно относятся к объектам в реальном мире. Теория ментальных пространств не только рассматривает значение в лингвистике, но и может быть применена для объяснения значения в других доменах, включающих математику, жесты, музыку и др. [1, с. 176].

Ментальные пространства содержат частичные репрезентации сущностей и отношений любого сценария как воспринимаемого, воображаемого, хранящегося в памяти или как-то иначе понимаемого говорящим. Вследствие того, что один и тот же сценарий можно по-разному выстроить в сознании, ментальные пространства часто используются для разделения поступающей информации об элементах в референциальной репрезентации [1, с. 176-177].

Ж. Фоконье (цит. по [2, с. 172]) отмечает, что ментальное пространство представляет собой среду концептуализации и мышления. Тем самым любой конкретной ситуации, находящейся в процессе становления, в нашей концептуализации соответствует ментальное пространство. К ментальным пространствам относятся, например, непосредственно данная нам реальность – так, как мы ее понимаем; вымышленные ситуации, ситуации, изображенные на картинах, представленные в фильмах, и т.д.; прошлое или будущее ситуаций; гипотетические ситуации; сфера абстрактных категорий, например, область общих понятий (экономика, политика, физика), область математических концептов и т.д.

Дж. Лакофф [2, с. 172-173] отмечает, что ментальные пространства обладают следующими основными свойствами: они могут включать ментальные сущности; могут структурироваться когнитивными моделями; могут быть связаны с другими пространствами теми структурами, которые Ж. Фоконье называет коннекторами (connectors); способны расширяться т.к. в процессе когнитивной деятельности к ним могут присоединяться другие сущности и другие ИКМы (Идеализированные Когнитивные Модели).

Дж. Лакофф далее замечает, что согласно Ж. Фоконье, в когнитивных процессах, основанных на ментальных пространствах, используются следующие стратегии: устранение имеющихся в пространстве противоречий; максимально возможное увеличение общих базовых предпосылок (background assumptions) смежных пространств; перемещение элементов, находящихся в центре внимания данного пространства, на задний план в будущих пространствах.

На основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона была разработана теория, получившая название «Теория концептуальной интеграции» (Conceptual Integration Theory или Blending Theory). Важно отметить, что не все метафоры можно анализировать исходя из теоретических принципов теории концептуальной интеграции. К блендам нельзя относить базовые или первичные метафоры (primary metaphors), которые, как отмечает Дж. Грейди [3, с. 84-85], напрямую связаны с универсальным человеческим опытом, независимым от особенностей культуры.

Обратим внимание на элементы концептуальной интеграции. Основатели рассматриваемого подхода М. Тернер и Ж. Фоконье предложили многопространственную модель (many-space model) метафоры, которая явилась альтернативой двухдоменной модели (two-domain model). В рамках последней метафора основывается на взаимодействии двух концептуальных пространств – области цель и области источник. Важно отметить, что реальная структура знаний о мире, которая задействуется в метафоре, необязательно открывает возможность конструирования и интерпретации метафоры на основе только этих двух пространств. Например, случается, что определенное знание более низкого уровня является общим для каждого пространства и действует в качестве посредника между концептуальными сферами. Зачастую продуктом метафоры становится новое концептуальное пространство, которое структурно выводится из взаимодействия пространств источника и цели, но при этом обладает своим собственным концептуальным существованием. Схема концептуальной интеграции, предложенная Ж. Фоконье и М. Тернером, предоставляет теоретический аппарат для описания всех этих возможностей. В рамках данной схемы два традиционных входных пространства (input spaces) дополняются двумя дополнительными: *родовым пространством* (generic space) и выходным *смешанным пространством* (blended space). Взаимодействие содержательных пространств, приводящее к концептуальному смешению, показано на рис. 1.

Два **входных пространства** (ВП 1, ВП 2) содержат прототипические черты концептов, которые участвуют в процессе интеграции. В. Крофт и Д.А. Круз [4, с. 207] отмечают, что входные пространства соотносятся с областью источник и областью цель в теории концептуальной метафоры.

Родовое пространство (РП) служит медиатором между содержанием входных пространств и содержит в себе атрибуты концептов, которые присутствуют в обоих входных пространствах. Родовое пространство устанавливает аналоговые коннекторы между входными пространствами, которые представлены жирными линиями в схеме интеграции. Коннекторы производятся посредством подстраивания (matching), т.е. такой концептуальной операции, которая ответственна за идентификацию межпространственных аналогов во входных пространствах. Коннекторы устанавливаются между подходящими элементами на основе тождества, роли, а также на базе метафоры [5, с. 409].

В модели Ж. Фоконье и М. Тернера [6 с. 47] эти пространства комбинируются посредством образно-схематического выстраивания концепта и производят еще одно, независимое **выходное смешанное пространство** (ВСП) или **бленд**, несущее результирующую интегрированную структуру. *Важно отметить, что не все элементы и отношения проецируются из входных пространств в бленд, иначе говоря, происходит выборочная проекция (selective projection)*. В смешанном пространстве формируется новая или эмерджентная структура посредством смешения концептуального материала входных пространств.

Эмерджентная структура генерируется через композицию (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration). Когда происходит композиция, осуществляется проекция содержаний из каждого входного пространства в выходное смешанное пространство. Необходимо обратить внимание на то, что в этот процесс вовлечены личностное понима-

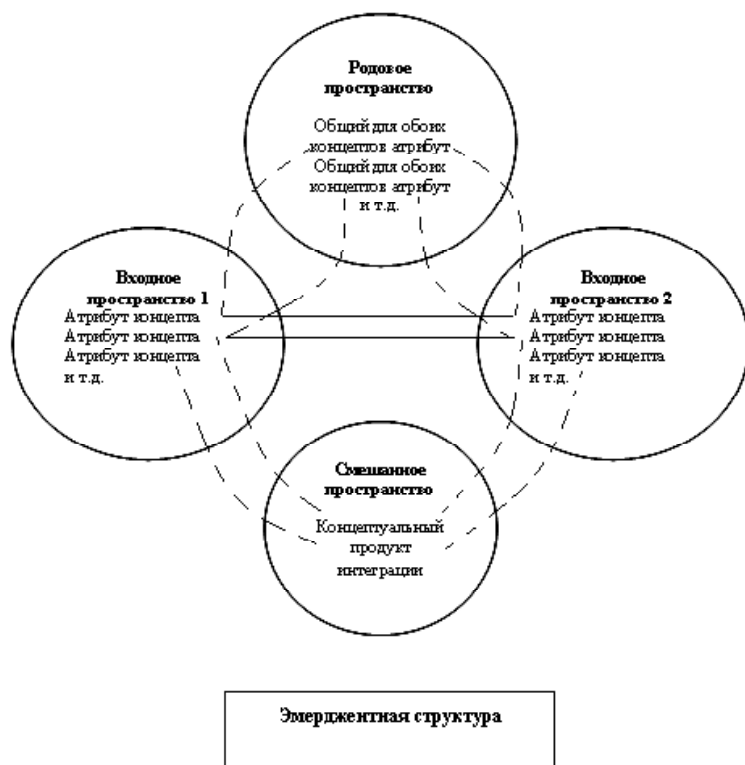

Рис. 1. Схема модели смешанных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера

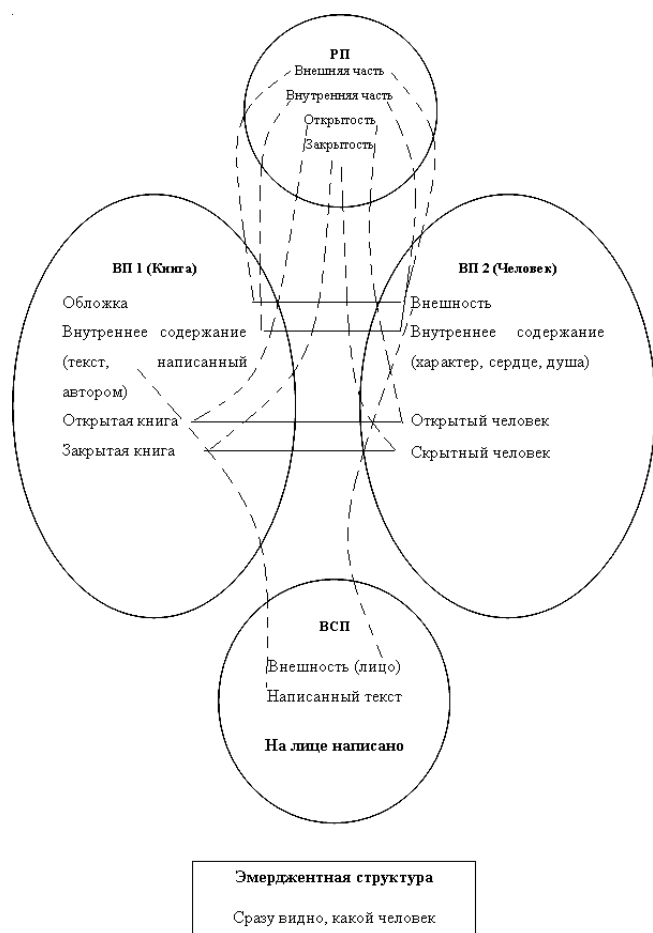

Рис. 2. Схема «На лице написано»

ние и ассоциации, которыми владеет субъект. Завершение – процесс, в результате которого полученное смешанное выходное пространство, а именно структура, спроецированная от ВП 1 и ВП 2, соотносится с информацией в долгосрочной памяти. Развитие – последующее мысленное моделирование и формирование смешанного концепта [3, с. 107]. После того как устанавливаются связи с долгосрочным знанием о данном смешении, мы можем развивать и строить дальнейшие возможные пространственные модели по различным траекториям, основываясь на условиях оптимальности, отмеченных Ж. Фоконье и М. Тернером [7, с. 477-478].

Для иллюстрации вышесказанного проанализируем метафорическое выражение *It's written all over somebody's face/На лице написано*. Данное выражение является блендом, основанным на такой концептуальной метафоре как *MAN IS A BOOK/ЧЕЛОВЕК – ЭТО КНИГА*. Атрибуты ВП 1 (книга) соотносятся с атрибутами ВП 2 (человек) следующим образом: обложка книги соответствует внешности человека; внутреннее содержание книги (текст, написанный автором) – внутреннему содержанию человека (характер, сердце, душа); открытая книга – открытому человеку; закрытая книга – скрытому человеку. В бленд проецируется такой атрибут из ВП 1, как внутреннее содержание, т. е. текст, написанный автором, а из ВП 2 внешность человека, а именно лицо как часть головы, привлекающая внимание (salient), и по которой судят о внешности. Таким образом, каждый из организующих фреймов вносит свой вклад в бленд и, благодаря этой проекции, получаем *It's written all over somebody's face/На лице написано*. Эмерджентное значение ('сразу видно, какой человек') представляет собой дополнительную структуру, обеспеченную блендом (рис. 2).

Итак, концептуальная интеграция – это основная умственная способность, которая приводит к глобальному проникновению в суть концепта. Концептуальная интеграция играет основополагающую роль в процессе конструирования значения. Цель данной мыслительной операции состоит в выстраивании частичных соответствий между входными ментальными пространствами и в выборочной проекции атрибутов каждого из ВП в новое смешанное пространство (бленд), где происходит возникновение эмерджентной структуры. Следовательно, теория концептуальной интеграции – это шаг вперед как в разработке интерпретации концептуальных метафор, так и в рассмотрении отдельных метафорических выражений.

Библиографический список

1. Coulson, S. Blending Basics / S. Coulson, T. Oakley // *Cognitive Linguistics* 11 – 3/4, 2000.
2. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М., 2004.
3. Grady, J. Blending and Metaphor / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in cognitive linguistics* / G. Steen and R. Gibbs (eds.). – Philadelphia: John Benjamins, 1999.
4. Croft, W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D.A. Cruse – Cambridge University Press, 2004.
5. Evans, V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green – Edinburgh University Press, 2006.
6. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002.
7. Fauconnier, G. *Metaphor, Metonymy, and Binding* / G. Fauconnier, M. Turner // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. By Reni Dirven; Ralf Pürings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Bibliography

1. Coulson, S. Blending Basics / S. Coulson, T. Oakley // *Cognitive Linguistics* 11 – 3/4, 2000.
2. Lakoff, Dzh. *Zhenthinih, ogonj i opasnihe vethi: Chto kategorii yazihka govoryat nam o mihshlenii* / per. s angl. I.B. Shatunovskogo. – M., 2004.
3. Grady, J. Blending and Metaphor / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in cognitive linguistics* / G. Steen and R. Gibbs (eds.). – Philadelphia: John Benjamins, 1999.
4. Croft, W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D.A. Cruse – Cambridge University Press, 2004.
5. Evans, V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green – Edinburgh University Press, 2006.
6. Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002.
7. Fauconnier, G. *Metaphor, Metonymy, and Binding* / G. Fauconnier, M. Turner // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. By Rene Dirven; Ralf Porings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Статья поступила в редакцию 09.07.12

УДК 81

Kosolapova T.V. GENDER PECULIARITIES OF INDIVIDUAL PERSONALITY REALIZATION IN THE TEXTS OF ENGLISH RĚSUMĚS. In the article lexical peculiarities of the not-template meaningful blocks, which are specific for men and women are analyzed, individual author's characteristics of rĚsumĚ texts are defined.

Key words: resume, meaningful block, style individualization, employment (career) objective, summary of qualifications, core strengths, work experience.

T.B. Косолапова, преп. каф. лингвистики и МКК Самарской гос. академии культуры и искусств, г. Самара, E-mail: kosolapova.tatyana.valeryevna@yandex.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются лексические особенности нешаблонных смысловых блоков резюме, характерные для мужчин и женщин, определяются индивидуальные авторские особенности текста резюме.

Ключевые слова: резюме, смысловой блок, индивидуализация стиля, цель резюме, квалификации, сильные стороны, опыт работы.

В настоящее время развитие документной лингвистики неизменно происходит в сопряжении с изменяющимися социокультурными условиями развития общества. Комплекс новых современных условий существования англоязычного документооборота, особенно в секторе частной деловой документации, порождает необходимость в привлечении новых методов и подходов к изучению текстов деловых документов. Резюме является ярким примером частной деловой документации, совмещающее в себе традиционное шаблонное оформление и новые тенденции в структурно-композиционной организации и лексических особенностях текстов. Несмотря на наличие определенного рода шаблона в оформлении резюме, их тексты содержат индивидуальные особенности, посредством которых проявляется авторское своеобразие лексического материала. В этом случае несомненно актуальным является привлечение методов гендерного исследования к текстам англоязычных резюме. Для современной документной лингвистики становится уже недостаточным описание типологических и компонентных характеристик частных документов, она требует нового лингвистического подхода к описанию их личностно-ориентированных коммуникативных особенностей, который и предлагается в настоящей статье. Разработанный нами структурно-личностный подход для анализа текстов частной деловой документации на английском языке представляет собой научную новизну исследования. Подход основан на изучении лингвистических признаков индивидуализации стиля и личностной ориентации информации в текстах англоязычной частной деловой документации на уровнях имплицитной и эксплицитной. Научная проблема состоит в том, что резюме как деловой документ частного характера нуждается в комплексном лингвистическом описании не только его типологических и структурно-композиционных, но и прагматико-речевых характеристик. Более того, тексты резюме необходимо анализировать с позиции их гендерной ориентированности. Результаты гендерного лингвистического исследования текстов англоязычных резюме представляются возможными для применения в практике преподавания иностранного языка в языковом вузе, в теоретических курсах документной лингвистики, стилистики, в спецкурсах по деловому общению и гендерному анализу, автороверческой лингвистической экспертизе текста, планированию речевого взаимодействия для гармонизации деловых межкультурных контактов.

В последнее 10-15 лет наблюдается интенсивный прирост трудов по изучению гендерных особенностей, реализуемых в профессиональной сфере. Одной из первых работ, которая внесла неоспоримый вклад в исследование проявления гендера на рабочем месте, является работа Д. Таннен «Talking from 9 to 5: Women and Men at Work». Автор анализирует речь мужчин и женщин в различных профессиональных ситуациях – при решении проблем, в отношениях, когда женщина является руководителем, пытается дать объяснение, почему мужчины и женщины обращаются к разным стратегиям коммуникативного взаимодействия на работе. В своей книге Таннен придерживается мнения, что гендер не является основным фактором выбора того или иного коммуникативного поведения, а представлен элементом комплекса личностных факторов (территориальных, классовых, этнических, религиозных, возрастных и духовных). Таннен отмечает, что стратегии общения у мужчин и женщин на рабочем месте представляют собой коммуникативные ритуалы (conversational rituals), которые реализуются как коммуникативные тенденции и не являются абсолютными нормами речевого поведения. Женщинам труднее находить подходящие коммуникативные тенденции, поскольку они исторически позже вошли в группу работающих являются по мнению Таннен «исторически не типичными работниками» [1, с. 21-132].

О гендерных особенностях проявления власти и дискриминации женщин на рабочем месте говорит Г. Брэдли в книге «Gender and power in the workplace». Используя оригинальный лингвистический материал, собранный на основе интервью мужчин и женщин из пяти общественных организаций, автор рассматривает, как гендерные процессы проявляются в различных

профессиональных сферах. Автор разрабатывает новый подход в изучении стратегий получения власти и подавление мужского доминирования у женщин и гендерные стратегии мужчин, пытающихся сдерживать женские «посягательства» на власть. Сейчас этот подход активно используется в западных исследованиях комплексного проявления властных отношений на работе между мужчинами и женщинами [2, с. 45-128].

Стратегии успешности мужчин и женщин – одно из наиболее популярных направлений как в западной, так и в отечественной науках. Основной сферой интересов исследований является анализ мужских поведенческих установок, лингвистическое осмысление речи руководителей-мужчин и создание на базе маскулинных стратегий успешности их женские варианты, помогающие женщинам продвигаться по карьерной лестнице. По мнению М. Брезински, высокостатусная работа всегда оценивается обществом как мужская. Женщины, желающие иметь равные шансы на борьбу за лидерство и добиться успеха в карьере, интуитивно подстраивают свое профессиональное поведение и речь под мужские установки [3, с. 118-149].

Интересны исследования мужчин, направленные на помощь женщинам в получении желаемой руководящей должности. Так, Л. Франкел в двух книгах под общим названием «Nice girls don't get it» изучает наиболее распространенные ошибки, мешающие женщинам добиться успеха. Автор считает, что для женщины создать благоприятное впечатление и быть милой гораздо важнее, чем добиться успеха [4; 5].

Все вышеперечисленные исследования касаются, по большей части, гендерных аспектов устной деловой коммуникации, а также исследованию профессионального тезауруса и социокультурных особенностей, проявляемых в профессиональной сфере. Степень изученности проявления гендера в письменной деловой коммуникации на наш взгляд представляется крайне малой и практически не исследованной. Однако несомненный интерес представляют не только нормы функционирования устной речи в профессиональной сфере мужчин и женщин, стратегии успешности, но и особенности письменной речи мужчин и женщин в профессиональной сфере.

Настоящее исследование текстов англоязычных резюме на предмет проявления в них гендерных особенностей вносит вклад в изучение письменной профессиональной коммуникации. Для исследования нами были отобраны 536 резюме на английском языке, выбранных методом сплошной выборки с англоязычных электронных бирж труда, где они были размещены в период с 2006 по 2011 гг.

Нами определено, что тексты резюме обладают достаточной стандартизированной шаблонной структурой, однако степень шаблонности содержащихся в них компонентов различна. Так, установлено, что такие смысловые блоки резюме как EDUCATION AND / OR TRAINING, AWARDS AND HONORS, MILITARY SERVICE, RELATED OR EXTRACURRICULAR ACTIVITIES, SPECIAL SKILLS, PERSONAL DATA, REFERENCES, TECHNICAL SKILLS, CAREER ACHIEVEMENTS, PROFESSIONAL DEVELOPMENT, INTERNSHIPS, MEMBERSHIPS, PORTFOLIO, ABILITIES, TRAINING COURSES стандартизированы и составляются мужчинами и женщинами по единому шаблону, а блоки EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS, WORK EXPERIENCE не стандартизированы и не являются шаблонами по написанию. Выделенные четыре блока несут индивидуальную информацию о соискателе, которая варьируется в зависимости от выбранной должности, условий работы, полученных знаний и умений. Это некий взгляд на себя и свой профессиональный опыт со стороны. В блоках EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS соискатель характеризует себя как высококвалифицированного сотрудника, выделяет свои личностные и профессиональные качества, в блоке WORK EXPERIENCE описывает подробности опыта работы и перечисляет достигнутые успехи. В настоящей статье рассматриваются гендерные особенности лексических единиц, используемых в блоках EMPLOYMENT (OR CAREER)

OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS, т.к. в текстах именно этих блоков наиболее ярко выражается репрезентация гендерных факторов проявления индивидуально-личностного автора резюме. Слова и выражения из этих блоков несут в себе помимо основных значений «дополнительные оттенки», присутствующие в той или иной степени соискателям-мужчинам или соискателям-женщинам и характеризующие их.

Для исследования гендерных языковых особенностей, реализуемых в нешаблонных смысловых блоках EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS нами отобрано 727 единиц, включающих в себя отдельные слова, словосочетания и синтаксические конструкции. Слова и выражения из этих частей мы условно разделяем в исследовании на четыре смысловые группы: «Профессиональный опыт и образование» (176 единиц), «Коммуникативные навыки» (75 единиц), «Профессиональные навыки и умения» (192 единицы) и «Личностные качества и предпочтения» (284 единицы). Все выражения мы разделяем на два больших блока – слова и выражения, отобранные из мужских резюме, и слова и выражения, отобранные из женских резюме.

В группе «Профессиональный опыт и образование» собраны лексические единицы, связанные с описанием полученного образования, основного опыта работы, дополнительных аспектов учебы и работы. Опыт работы традиционно обозначается словами *track record, background, experience, career track, record, career*. Они представляют собой группу контекстуальных синонимов, поскольку синонимичны и взаимозаменяемы только в рамках текста документа. В равной степени мужчинами и женщинами используются только слова *experience* и *career*. Среди прочих вариантов обозначения опыта работы в женских резюме преимущественно встречаются слова *track record* и *background*, а в мужских – выражение *career track* или слово *record*. При описании опыта работы женщины используют прилагательные *broad, diversified, comprehensive, diverse, proven, significant, successful, comprehensive, impressive, solid, strong, growing professional, progressively responsible, skilled professional*, а мужчины – *early, IT, pioneering, significant, specialized, versatile, progressively leadership, cross-platform, broad, extensive, well-rounded, impressive, outstanding, accomplished, exemplary*.

Женщины, составляя резюме, уделяют больше внимания описанию полученного образования, чем мужчины. Для обозначения академического опыта в резюме обычно используются лексические единицы *knowledge, foundation, training, expertise, academic background, qualifications*. Первые четыре слова используются мужчинами и женщинами равнозначно, выражение *academic background* используется преимущественно в женских резюме, а слово *qualifications* чаще встречается в мужских резюме. Помимо них в резюме мужчин и женщин для описания образования используются глагольные конструкции *be qualified, be educated in, be strong in, be experienced in, be expert in, be practiced in, be professionally trained*. Мужчины стремятся дать комплексное описание своего профессионального опыта и образования, поэтому в их резюме частотны случаи употребления выражений типа *a unique combination of, rich mix of, unique blend of skills and experience, unique mix of experience and knowledge*.

Анализ языкового материала данной группы показал, что женщины имеют тенденцию к более детальному перечислению своих успехов, уделяя равное внимание как полученному образованию, так и профессиональному опыту. Мужчины же склонны к описанию больше опыта, чем образования. Однако при выборе слов и выражений для описания своих заслуг мужчины проявляют большую изобретательность и разнообразие в использовании языковых единиц, чем женщины.

Группа «Коммуникативные навыки» является самой малочисленной из всех представленных групп. На наш взгляд, это связано с тем, что описание коммуникативных способностей соискателя является второстепенной задачей и связано исключительно с характером профессиональной сферы и занимаемой должности. При перечислении основных коммуникативных навыков в резюме мужчин и женщин наблюдается сходство в использовании основных слов и выражений.

Мужчины и женщины среди основных навыков этой группы в равной степени указывают замечательные коммуникативные способности (*excellent / outstanding communication skills, proven ability to communicate effectively, superior telephone and customer service skills, excellent reporting skills*), навыки межличностного общения (*strong / excellent / solid / well-developed interpersonal skills, strong negotiating skills, excellent client relations skills, strong people skills*), умение владеть письменной и устной речью (*oral and written communication skills, be praised for written and verbal communication skills, superior written skills, written and oral fluency*),

владение иностранным языком (*bilingual, multilingual, fluent / semi-fluent in, basic understanding of (languages)*) и прочие навыки общения с людьми (*open communication, consultative sales style, caring and diplomatic communication manner, ability to break down cross-cultural communication barriers, comfortable communication, intercommunication skills, adept at communicating effectively, communicate warmly and diplomatically*).

Женщины в большей степени склонны выражать свою готовность к активному сотрудничеству в коллективе, находить общий язык с коллегами, чем мужчины. В своих резюме они зачастую указывают, что не только способны строить позитивные отношения, но и общаться с людьми, принадлежащими к разным социальным классам, имеющим разное происхождение и находящимся с соискателем в различных должностных отношениях. Для этого женщины используют подобные указанным синтаксические конструкции: *ability to establish and maintain solid relationships with co-workers, effectively collaborate with all levels of staff members, effectively communicate with people of all ages and cultural origin, inherent ability to manage all types of personalities*. При составлении резюме мужчины также уделяют особое внимание построению отношений, однако при описании навыков общения в коллективе указывают в основном умение находить общий язык с «ключевыми людьми», важными, например, для будущей компании или производства. Примером могут послужить синтаксические конструкции типа *cultivate and maintain relationships with key-industry people, talent for forging strong relationships with key decision-makers*.

В целом лингвистический анализ этой группы выявил, что женщины уделяют больше внимания описанию своих коммуникативных способностей, чем мужчины. Большое число лексических единиц и синтаксических конструкций для описания навыков общения в коллективе в резюме женщин свидетельствует о том, что они в большей степени нацелены на кооперативные отношения с коллегами «на равных», не проявляя признаков доминирования в коллективе. Мужчины описывают свои коммуникативные навыки более обобщенными фразами, отмечая, что готовы на активное сотрудничество с коллегами, которые потенциально могли бы оказаться полезными для реализации поставленных производственных задач.

В группе «Профессиональные навыки и умения» мужчины и женщины используют лексические единицы, обозначающие навыки организационной работы, решение производственных проблем, реализацию поставленных целей, навыки работы в коллективе. Среди навыков организационной работы женщины чаще отмечают умение адаптироваться к новым изменяющимся производственным условиям, сохранять спокойствие в рабочей обстановке, строить доверительные отношения с коллегами и клиентами, проявлять лидерские качества, эффективно работать, решать одновременно несколько задач. Мужчины в своих резюме уделяют особое внимание умению работать самостоятельно и руководить коллегами, поддерживать позитивные отношения с клиентами, активно работать над рядом задач одновременно, быть настроенным на эффективную работу. Особое внимание в резюме как мужчин, так и женщин занимает перечень профессиональных способностей соискателя. Для этого в мужских и женских резюме используются синтаксические конструкции с компонентами «*skills*», «*ability*», «*be able to*» и «*adapt*». Женщинами чаще используются фразы с компонентом «*skills*», а мужчинами с компонентом «*ability*», остальные компоненты используются мужчинами и женщинами в равной степени.

Исследованный лексический материал этой группы показал различие в употреблении слов и выражений в группе профессиональных навыков и умений, которое наблюдается в мужских и женских резюме. Мужчины в большей степени, чем женщины, внимательны и детальны при перечислении своих профессиональных качеств. В мужских резюме также проявляется большее разнообразие в использовании синтаксических конструкций для перечисления профессиональных навыков.

Самой многочисленной по количеству слов и выражений из всех четырех выделенных групп является группа «Личностные качества и предпочтения». При описании личностных качеств и характеристики своих предпочтений соискателями используются преимущественно прилагательные, существительные и простые синтаксические конструкции. В абсолютном большинстве женских резюме выявлены простые прилагательные, выражающие такие качества, как энергичность, надежность, умение сотрудничать, например: *accomplished, caring, collaborative, dynamic, energetic, enthusiastic, positive, reliable, trustworthy, well-versed, hands-on, sensitive to needs, versatile*. Несколько реже можно встретить прилагательные, определяющие соискателя-женщину как умного, исполнительного работника, например: *enterprising, executive, diligent, empathetic, innovative, proactive,*

savvy. Небольшое количество женских резюме в графе описания личностных качеств содержат прилагательные, которые определяют точность, тщательность работы женщины, ее физические или личностные качества.

Среди простых прилагательных, встречающихся в мужских резюме, самыми распространенными являются прилагательные, выражающие в своем большинстве профессиональные качества – ум, работоспособность, эффективность, предприимчивость, талант, например: *analytical, direct, dynamic, energetic, entrepreneurial, intelligent, meticulous, motivated, numerate, poised, productive, professional, progressive, resourceful, successful, talented, visionary*. На втором месте по частотности употребления стоят прилагательные, характеризующие гибкость, надежность, дружелюбие, общительность, например: *capable, competent, diplomatic, friendly, accountable, innovative, knowledgeable, outgoing, participate, tactful, thorough, trustworthy*. В ограниченном количестве отмечены случаи употребления прилагательных, относящихся к сфере общественных отношений и сотрудничества, например: *courteous, conversant, devoted, drug-free, encouraging, fast, firm, organized, patient, personable, selfless, physically fit*.

Мужчины и женщины активно используют не только разнобразные прилагательные, но и существительные. К примеру, описывая себя, женщины часто позиционируются как профессионалы, члены групп, специалисты по решению задач, организаторы в коллективе, волонтеры, инициативные работники, быстро обучающиеся всему новому. Мужчины видят себя в качестве членов команды, лидеров, готовых к переездам, разработчиков, экспертов, исследователей рынка, стратегов, тактиков, инвесторов, исполнителей, презентаторов, специалистов по решению проблем, инициативных работников, тактичных помощников, первоклассных специалистов, способных улаживать конфликты.

В целом женщины при описании своих личностных характеристик более детальные, чем мужчины. Главной целью женского резюме является установление позитивных, доверительных отношений с коллегами и клиентами. Согласно резюме, для женщины желания и предпочтения клиентов важнее, чем собственные. Например, в резюме медсестры мы встречаем фразу «*commit to clinical excellence and a philosophy of "the patient comes*

first"», которая свидетельствует о том, что интересы пациента для этой медсестры стоят на первом месте. Такой «философией работы», определяющей, что клиент всегда главнее, пронизано большинство женских резюме. Мужчины также уделяют большое внимание интересам клиентов, однако главной целью работы ставят решение трудных задач, повышение коэффициента работоспособности, улучшение показателей прибыли и т.д. В одном из мужских резюме мы встречаем фразу: «*I disprove the words "It can't be done!"*», таким образом выражающую, что на работе нет неразрешимых задач. Подобные элементы «завышенной самооценки» встречаются в абсолютном большинстве мужских резюме.

Стилистический анализ текстов блоков EMPLOYMENT (OR CAREER) OBJECTIVE, SUMMARY OF QUALIFICATIONS, CORE STRENGTHS позволил выявить некоторые специфические гендерные особенности. Женщины при составлении резюме используют более нормированный язык, чем мужчины. Нейтральный стиль изложения с элементами деловой лексики является преобладающим в женских резюме. В ходе исследования текстов женских резюме слов, представляющих разговорную речь, не выявлено. Однако мужчины при описании опыта работы наряду с нейтральной лексикой используют разговорные слова и выражения. Используя разговорную лексику, мужчины стараются «приблизиться» к работодателю, вступить в равноправный диалог, показать, что они готовы к двухстороннему, взаимовыгодному профессиональному сотрудничеству. Доказательством этого служат не только разговорные слова, но и общая стилистика изложения материала. Женщины, наоборот, строгим стилем изложения материала стараются сделать резюме еще более профессиональным, отражающим большой опыт работы, при этом сохраняя профессиональную субординацию работодателя и подчиненного.

Специфика выделенных гендерных особенностей, реализуемых в средствах и способах организации текстов резюме, дают возможность говорить об индивидуально-авторском своеобразии, проявляемое при написании данных деловых документов частного характера. Помимо шаблонной формы построения материала, резюме обладают индивидуальными гендерными особенностями, которые необходимо учитывать при написании этих деловых документов.

Библиографический список

1. Tannen, D. Talking from 9 to 5: Women and Men in the Workplace // Language, Sex, and Power. – N.Y., Avon, 1994.
2. Bradley, H. Gender and Power in the Workplace: Analysing the Impact of Economic Change. – England: Palgrave Macmillan, 1998.
3. Brzezinski, M. Knowing your value: women, money, and getting what you're worth. – N.Y., Weinstein Books Publishing, 2011.
4. Frankel, L.P. Nice Girls don't get the corner office: 101 Unconscious mistakes women make that sabotage their careers. – N.Y., Time Warner Book Group, 2004.
5. Frankel, L.P. Nice girls don't get it: 99 ways to win the respect you deserve, the success you've earned, and the life you want / L.P. Frankel. – N.Y., Time Warner Book Group, 2007.

Bibliography

1. Tannen, D. Talking from 9 to 5: Women and Men in the Workplace // Language, Sex, and Power. – N.Y., Avon, 1994.
2. Bradley, H. Gender and Power in the Workplace: Analysing the Impact of Economic Change. – England: Palgrave Macmillan, 1998.
3. Brzezinski, M. Knowing your value: women, money, and getting what you're worth. – N.Y., Weinstein Books Publishing, 2011.
4. Frankel, L.P. Nice Girls don't get the corner office: 101 Unconscious mistakes women make that sabotage their careers. – N.Y., Time Warner Book Group, 2004.
5. Frankel, L.P. Nice girls don't get it: 99 ways to win the respect you deserve, the success you've earned, and the life you want / L.P. Frankel. – N.Y., Time Warner Book Group, 2007.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 811.111

Kuppa N.S. COMPOUND VERBAL PREDICATE AS A FORM OF INDICATION THE INTENTIONAL MEANINGS.

The article aims at researching the grammatical and lexical means of expression intentionality in the English language. The semantics of the intentional verbs as the first part of a compound verbal predicate and all the factors of their distribution are being thoroughly discussed.

Key words: intention, intentionality, compound verbal predicate, grammatical and lexical means, verbs of intention, attempt, preparation, desire.

Н.С. Куппа, аспирант Лингвистического института АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: knaties@mail.ru

СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

В статье представлены грамматические и лексические средства выражения интенциональности в современном английском языке. Автор анализирует семантику интенциональных глаголов в составе составного глагольного сказуемого и выделяет основные условия их функционирования.

Ключевые слова: намерение, интенциональность, составное глагольное сказуемое, грамматические и лексические средства, глаголы намерения, попытки, подготовки, желания.

Интенциональность является неотъемлемым признаком человеческой деятельности, так как все действия индивида, в том числе и речевая деятельность, осуществляется с определенной целью – идеальным или реальным предметом сознательного или бессознательного стремления субъекта, с помощью которого говорящий может получить желаемый результат.

Понятие интенциональности возникло впервые в рамках философии сознания, где оно рассматривается как важнейшее свойство сознания, благодаря которому его состояние характеризуется как имеющее содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающее определенный вид установки по отношению к этому содержанию [1, с. 7]. Под понятие интенциональности подводится все многообразие форм, в которых сознание может быть направлено на объекты объективной (или вымышленной) реальности. Поскольку намерение рассматривается как ингерентная составляющая выражения того или иного значения, в ходе философского анализа была сформулирована проблема выражения значения, в силу многоаспектности которой ее рамки расширились и естественным образом охватили область лингвистики. Объект исследования в этом случае позиционируется как пограничный, или переходный сегмент, а основные вопросы группируются в двух направлениях: вокруг языковой экспликации интенциональности как ментального состояния и в ракурсе уяснения интенциональности собственно речевого выражения.

В современных определениях термина интенциональности учеными акцентируются различные аспекты данного понятия. По определению логика Г. Грайса, интенциональность, характеризующая речевой акт, представляет собой намерение говорящего сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение. Естественно, что условием успеха распознавания намерения индивида является его включенность в языковое сообщество [2]. Дж. Серль, следуя философской традиции, отмечает наличие множественности форм интенциональности, под которой понимается широкий спектр ментальных состояний, связанных с обращенностью сознания вовне, а не на самого себя. Он разграничивает понятия Интенциональности и интенции, отмечая, что намерение совершить какое-либо действие является лишь одной из форм интенциональности наряду с верой, желанием и т.п. [3, с. 18].

Понятие интенции является вектором активности человека, направленной на удовлетворение той или иной потребности, и носит сознательно-волевой характер побуждения к деятельности, в том числе и речевой, сохраняясь в течение длительного времени. Такое понимание интенции приравнивает его к понятию мотива – потребности выразить в речевом высказывании определенное содержание. Являясь исходным моментом суждения, мотив отражает направленность сознания, воли, чувства индивида на предмет речевой деятельности, причинами возникновения которой могут выступать потребности личности, мировоззрения, убеждения, идеалы и интересы индивида, социальные роли и установки. Таким образом, мотив – это внутреннее осознанное побуждение, отражающее готовность человека к речевому действию или поступку.

Отмечается, что мотив представляет собой результат степени осознания причин возникновения деятельности, а также намерения достижения цели, поскольку и то и другое может быть разной степени выраженности. В роли своеобразного стержня выступает вектор «мотив-намерение», организующий всю систему психических процессов и состояний, которые включаются в деятельность посредством мотивационной установки. Мотивационная установка является запланированным, но отсроченным намерением, которое будет осуществлено при появлении нужной ситуации, повода. По сути – это скрытое состояние доминанты, готовность к реализации намерения [4, с. 87].

В языковой репрезентации намерение может быть эксплицированным или имплицитным, то есть формально не представленным, но содержательно выводимым из контекста на основании присутствия в нем определенных маркеров. Используя непрямой, завуалированный способ выражения своего намерения, говорящий рассчитывает как на коммуникативный опыт адресата, так и на действие коммуникативной имплицитности – пресуппозиции, ситуативных и фоновых знаний собеседника. Пример: *I'm supposed to call him in four hours, to be exact* [Grisham, p. 304].

Под эксплицитностью понимается выраженность элементов языка и связей между ними. Эксплицитное намерение мо-

жет иметь специальные средства выражения: прямую или косвенную номинацию, фразеологизм или стилистические приемы: *He wants to cut a deal, and rather quickly* [Grisham, p. 292].

Впервые намерение говорящего с выбором грамматической формы, несущей определенную семантико-прагматическую функцию, связал А.В. Бондарко. Согласно разрабатываемой им теории, намерение характеризуется двумя признаками:

- 1) аспект актуальной связи данного значения с намерением говорящего в акте речи;
- 2) аспект смысловой информативности.

Так, намерение говорящего лежит в основе выражаемого в процессе речи и «готового» содержания, обладающего информативной значимостью. С другой стороны, смысловая информативность данного значения является необходимым условием использования в речи для реализации намерений говорящего [5, с. 29-36].

Являясь осознанным состоянием, предвосхищающим действие, намерение может быть определено, как значение, которое не является облигаторным в актуализации, как, например, время или характер протекания действия.

Известно, что состояния намерения могут быть эксплицированы следующими языковыми единицами: полнозначными и служебными словами, синтаксическими и лексико-синтаксическими конструкциями, глаголами речи, местоимениями, междометиями, модальными словами и частицами, побудительными, вопросительными и оптативными предложениями и синтаксическими структурами [6, с. 2]. В английском языке интенциональность включает разноуровневые единицы (грамматические и лексические), которые взаимодействуют на основе общности функции. К таким средствам можно отнести:

- грамматические обороты *“to be going to + V inf”*, *“to be willing to + V inf”*;
- временные формы Present Indefinite и Future Indefinite;
- собственно интенциональные глаголы в структуре составного глагольного сказуемого.

Наиболее близкими к интенциональным глаголам в передаче намерения являются грамматические конструкции *“to be going to + V inf”* и реже *“to be willing to + V inf”*. Например: *It was interesting – most interesting – and then Soames was so clever that they were sure he would do something with those pictures if anybody could; but what was his plan now that he had won his case: was he going to leave London at once and live in the country, or what was he going to do?* [Galsworthy, p. 347].

Так, конструкция *“to be going to”* согласно толковому словарю в своем первоначальном значении *“to intend to do something”*, *“to be about to do something”* [7, с. 606] выражает уже не действие, а намерение совершения действия в ближайшем будущем.

Временные формы Present Indefinite и Future Indefinite также являются средствами выражения интенциональности в английском языке, в связи с их способностью выражать действие в будущем времени. Значение намерения совершить действие, в данном случае, имплицитно благодаря переосмыслению, т. к. в запланированном будущем действии субъекта, импликационалом выступает желание и намерение деятеля совершить данное, конкретное действие: *“I'd go straight up to the rector and tell him about it after dinner”* [Joyce, p. 57].

В представленном примере форма Present Indefinite выражает готовность субъекта выполнить конкретное действие *“to go and tell”* в будущем. Принятое говорящим твердое решение его совершить, как установленный план действия отображает запланированность, и как следствие намерение и желание его осуществить.

Репрезентация значения намерения в английском языке более всего связана с лексическим значением глагола, определяющим степень готовности произвести действие. В дистрибутивном плане глаголы намерения не являются самодостаточными, поскольку они обозначают «признак признака». Актуализационная комбинаторика глаголов намерения определяется моделью *V int + V inf* (глагол намерения + инфинитив). Таким образом, в структуре составного глагольного сказуемого, глаголы намерения являются ядерными, а инфинитивные группы – адьюнктивными или зависимыми. Например: *... while little Publius – who James delighted to say was not a bit like his father – skipping along under his lee, would try to get him to bet another penny that it never would, having found that it always did* [Galsworthy, p. 301].

Наличие семы [намерения] в интенциональном глаголе "to try" может быть выявлено, в первую очередь, с помощью дефиниционного анализа глагола. Первоочередным значением глагола "to try" является значение попытки совершения действия "to attempt", включающее значение приложения усилий к выполнению конкретной задачи "to effort", которое может рассматриваться как действие с положительным "to achieve" или отрицательным "to fail" результатами. Если действие ориентировано на успешный исход действия, то в семантику глагола "to achieve" включается значение тщательного планирования совершения действия "to plan", желание и намерение выполнения поставленной задачи "to intent". Таким образом, попытка осуществить конкретное действие "try to get him to bet another penny" включает в себя намерение и желание субъекта как необходимое условие его успешного выполнения. Схематично данная цепочка может быть представлена следующим образом:

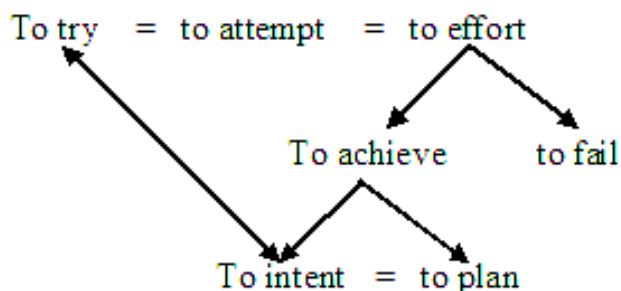

Рис. 1. Модель 1

Ситуация принятия решения осуществить действие, выраженная с помощью соответствующих глаголов (decide, resolve, determine, rule, settle), позволяет судить о том, какой логикой руководствовался субъект при принятии решения осуществить замысел, а также дает представление о планах субъекта на будущее: *For some minutes she could decide to make use of it, at last she let herself in and left the door open that anyone who came might see she was there on business* [Galsworthy, p. 360].

Глагол "to decide" в контексте данной ситуации обозначает результат анализа субъектом ситуации, и, как следствие, формирование окончательного решения о претворении в жизнь задуманного.

Семантика глаголов, обозначающих предварительную подготовку к осуществлению действия (arrange, plan, plot, prepare, project, design, meditate), имплицитно формирует в сознании субъекта самого намерения, его формы, метода реализации намерения, и также порядка достижения желаемого: *And then she plan to go first to Phil's aunt, Mrs. Baynes, and failing information there, to Irene herself* [Galsworthy, p. 259].

Интенциональный глагол "to plan" служит для демонстрации запланированности действия "to go first to Mrs. Baynes, and to Irene herself", что указывает на направленность осуществления четко продуманного намерения.

Глаголы подгруппы желания совершить действие (desire, want, yearn, wish, covet, crave, long, pine) включают в себе общее значение желательности задуманного и употребляются в таких ситуациях, где нет необходимости передавать степень интенсивности стремлений: *I want to go home. Please come and take me home* [Joyce, p. 17].

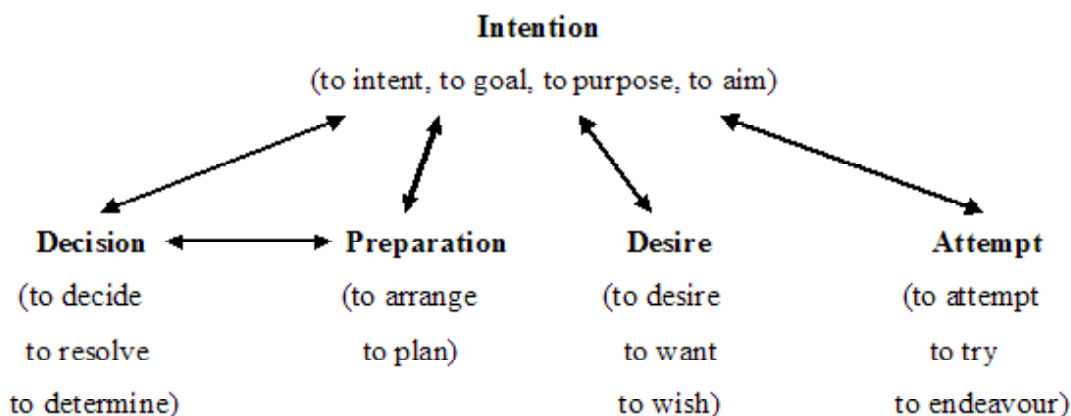

Рис. 2. Модель 2

Корпус глаголов намерения, которые встречаются в структуре двусоставного глагольного сказуемого, неоднороден. По критерию «стадии намерения» субклассификация включает собственно интенциональные глаголы (intend, mean, aim), глаголы, обозначающие сформированное решение осуществить действие (decide, resolve, determine), глаголы, обозначающие предварительную подготовку к осуществлению действия (arrange, plan, plot, prepare), глаголы желания совершить действие (desire, want, yearn, wish, long, pine), и глаголы попытки (attempt, endeavour, try) [8, с. 60].

Собственно интенциональные глаголы, обозначающие желание осуществить действие (intend, mean, aim), имеют широкое многообразие индивидуальных значений отдельных единиц, однако признак внутреннего проявления намерения совершить действие, объединяет их в единое целое. Особенностью глаголов представленной подгруппы являются их сочетаемостные возможности, выражающиеся в том, что, передавая идею намерения, они могут сочетаться только с теми действиями, которые действительно можно осуществить: *"Cheap or not, I mean to have it, he thought"* [Galsworthy, p. 70].

Являясь смысловым центром предложения, интенциональный глагол "to mean" в структуре составного глагольного сказуемого выражает внутреннюю направленность субъектом на осуществление действия, характеризующегося твердой решимостью, имплицитно открытое признание говорящим своего намерения, и осмысления субъектом возможностей его осуществления.

Выбор лексических единиц обусловлен эмоциональным состоянием говорящего: в данном примере глагол желания в совокупности с вежливой формой передачи просьбы и эпитетом передают потребность субъекта в его отъезде домой.

Последняя подгруппа, а именно глаголы попытки (attempt, endeavour, try, struggle, strive, exert), отображает различные аспекты ситуации, которые характеризуется материализацией принятой субъектом целеустановки в виде попытки осуществления задуманного им действия. Например: *We knew perfectly well or course that though it was bound to come to the light he would find considerable difficulty in endeavouring to try to endeavour to ascertain the spiritual plenipotentiary and so we knew of course perfectly well* [Joyce, p. 122].

Составное глагольное сказуемое "endeavouring to try to endeavour to ascertain" с гиперсемой [намерение] имплицитно наличие в ситуации усилий, прилагаемых конкретным лицом с целью реализации действия – покинуть церковь. В примере глагол "to try" выражает намерение совершения действия с учетом определенных препятствий, мешающих выполнению действия и, как следствие, отсутствие полной уверенности в успехе.

Графически все представленные группы глаголов намерения можно обозначить с помощью следующей модели:

Представленная модель четко демонстрирует, что ядром глаголов намерения являются собственно интенциональные глаголы, стрелки показывают зависимость компонентов от данной группы глаголов и взаимодействие глагольных элементов между собой.

Специфика интенциональных глаголов определяется тем, что значение намерения зависит от окружения. Окружение, в котором данные глаголы выражают значение интенциональности, состоит из имени, обозначающего одушевленное лицо, и второго компонента двусоставного глагольного сказуемого – неличной формы глагола (инфинитива), которое называет действие, на которое направлено намерение субъекта. Если данные условия окружения не соблюдены, структуры с данными глаголами не выражают значение интенциональности. Например: *He did not want to believe that she was really avoiding them – it would mean too much* [Galsworthy, 90]. *"I can't see what it is, said Bosinney, you want one of Littermaster's houses – one of the pretty and commodious sort ..."* [Galsworthy, p. 110].

Представленные примеры демонстрируют, что при несоблюдении условий окружения, т. е. в данном случае, вне структуры составного глагольного сказуемого, собственно интенциональный глагол "to mean" и глагол желания совершить действие "to want" теряют значение намерения.

Библиографический список

1. Шакирова, Э.Р. Интенция говорящего и аспект ее реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003.
2. Грейс, Г.П. Логика и речевое общение. – М., 1985.
3. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний. – М., 1987.
4. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2003.
5. Бондарко, А.В. К проблеме интенциональности в грамматике. – М., 1994.
6. Кобозева, И.М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания: теоретические предпосылки // Материалы конференции Диалог 2003 – Протвино, 2003.
7. Рунделл, М. Толковый словарь английского языка Макмиллан. – Л., 2002.
8. Казыдуб, Н.Н. Интенциональные глаголы (семантика, парадигматика, синтагматика). – Л., 1991.

Bibliography

1. Shakirova, E.R. Intenciya govoryatsego i aspekt ee realizacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2003.
2. Grayjs, G.P. Logika i rechevoe obshenie. – M., 1985.
3. Serlj, Dzh. Priroda intencionalnih sostoyaniy. – M., 1987.
4. Iljin, E.P. Motivaciya i motivy. – SPb., 2003.
5. Bondarko, A.V. K probleme intencionalnosti v grammatike. – M., 1994.
6. Kobozeva, I.M. K raspoznavaniyu intencionalnogo komponenta smysla vihskazivaniya: teoreticheskie predposylki // Materiali konferencii Dialog 2003 – Protvino, 2003.
7. Rundell, M. Tolkoviy slovarj angliyskogo yazihka Makmillan. – L., 2002.
8. Kazhdub, N.N. Intencionalnihe glagoli (semantika, paradigmatica, sintagmatika). – L., 1991.

Статья поступила в редакцию 13.06.12

УДК. 811.512.157

Levin G.G. TURKIC AND MONGOLIAN LEXICAL ELEMENTS IN NUMERALS OF THE ANCIENT TURKIC AND YAKUT LANGUAGES. Interconnection of the Yakut and ancient Turkic languages in some lexical semantic group is compared in this paper. The main aim of the paper is to determine the criteria of interactions between the Yakut and ancient Turkic languages. The eastern Turkic and Mongol languages were used as comparative material. Qualitative-statistical and structural semantic peculiarities of lexical parallels are described in detail. Stability and inconstancy of stem structures and character of inconstancy of lexical meanings of reflexes in concrete structural types are determined here.

Key words: lexical semantic group, turkic and Mongol languages, Yakut language, structural semantic peculiarities, numerals.

Г.Г. Левин, канд. филол. наук, доц., каф. якутского языка Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: Levgerger@yandex.ru

ТЮРКСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИМЕНАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассмотрена взаимосвязь якутского и древнетюркского языков в именах числительных. В качестве сравнительного материала привлечены материалы восточно-тюркских и монгольских языков. Проведено определение критериев взаимоотношения между якутским и древнетюркским языками. Сделан подробный анализ количественно-статистических и структурно-семантических особенностей имен числительных. Определена устойчивость и изменчивость структурных оформлений основ и характер изменчивости лексических значений имен числительных в конкретных структурных типах.

Ключевые слова: лексико-семантические группы, тюркские и монгольские языки, якутский язык, структурно-семантические особенности, имена числительные.

Как известно, имена числительные относятся к устойчивому пласту лексической системы любого языка. Количественные числительные якутского языка в основном совпадают с соот-

ветствующими числительными древнетюркского и современных тюркских языков. При сравнительном анализе выявляются лишь незначительные отклонения преимущественно фонетического

характера, например, як. **biir** // др. тюрк. **bir** «один», як. **bids** // др. тюрк. **bids** «пять». Определяется близость якутских и древнетюркских имен числительных также в названиях составных числительных: як. **a'is uon** // др. тюрк. **sdkiz on** «восемьдесят», як. **otut orduga biir** // др. тюрк. **otuz artuqi bir** «тридцать один». Счет с помощью слова **orduga** в якутском языке считается архаичным, типичным для ранней ступени освоения десятичной системы исчисления.

Вопросы сравнительного изучения имен числительных тюркских и якутского языков затрагивались в работах О.Н. Бетлинга, Л.Н. Харитоновой, Э.Р. Тенишевой, Г.Г. Левиной, Е.И. Избековой [1-5]. Однако вопросы общего количества параллелей в именах числительных, количества тюрко-монгольских репрезентаций (имен числительных); критерии устойчивости структурных оформлений и устойчивости структурно-семантической и структурно-фонетической канвы тюрко-монгольских имен числительных все еще остаются изученными слабо.

Количественно-статистическая характеристика. В древнетюркских письменных памятниках выявлено 17 имен числительных, из них 16(94,1%) имеют лексические параллели в якутском языке. Количественное соотношение лексических параллелей в письменных памятниках представляется так: в орхонских текстах из 17 имен числительных в якутском языке лексические рефлексy имеют 16(94,1%), в енисейских эпитафиях из 16 отмечается 15(93,7%), в восточно-туркестанских текстах из 15 выявляется 14(93,3%).

Односложные основы

VC: 1) орх., ен., уйг. (рун.) **üč** 'три' // як. **üs**, ср.: алт., хак., кирг., уйг. **üč**, тув. **üş** 'три'; 2) орх., ен., уйг.(рун.) **on** 'десять' // як. **uon** 'десять', ср.: алт., хак., тув., кирг., уйг. **on** 'десять';

CVC: 1) орх., ен. **biq**, уйг. (рун.) **miq** 'тысяча' // як. **muq** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.', ср.: алт., хак., тув. **muq**, кирг., уйг. **miq** 'тысяча', монг., бур. **mangan**, ср.-монг. **manqan**, **milan**, м.-п. **milEan** 'тысяча' 2) орх., ен., уйг. (рун.) **bir** 'один' // як. **biir** 'один', ср. алт., тув., кирг., уйг. **bir** 'один, единица', монг. **bür** 'каждый, всякий', бур., м.-п. **büri**, ср.-монг. **buri** 'каждый, все', п.-монг. **büri** 'каждый, все'; 3) орх. **bäs**, ен., уйг(рун.) **bäs** 'пять' // як. **biäs** 'пять', ср.: алт., тув., кирг. **beş**, хак. **pis**, уйг. **беш** 'пять'; 4) орх., ен., уйг(рун.) **jüz** 'сто' // як. **süüs** 'сто', ср.: алт. **d'üc**, хак., тув. **čüs**, кирг. **žüz**, уйг. **jüz** 'сто; сотня'.

CVCC: орх., ен., уйг. (рун.) **tört** 'четыре' // як. **tüört** 'четыре', ср.: алт., хак., кирг., уйг. **tört**, тув. **dört**, монг. **döröv**, бур. **dürbe**, ср.-монг. **dörben** 'четыре', п.-монг. **dörbe** 'четыре'.

Двухсложные основы

VCV: орх., ен. **äki** 'два', уйг(рун.) **iki** // як. **ikki** 'два', ср.: алт., кирг. **äki**, хак. **iki**, тув. **iji**, уйг. **ikki** 'два', монг. **ixer**, бур. **exir**, п.-монг. **ekeri** 'близнецы'.

VCVC: 1) орх., ен., уйг. (рун.) **otuz** 'тридцать' // як. **otut** 'тридцать', ср.: алт. **odus**, хак. **otıs**, кирг. **otuz**, уйг. **ottuz** 'тридцать'; 2) орх., ен. **älig** 'пятьдесят' // як. **ilii** 'рука', ср.: алт. **öliü**, хак. **ilig**, кирг. **äliü**, уйг. **ëlik** 'пятьдесят'.

CVCV: орх., ен., уйг. (рун.) **jiti** // як. **sättä** 'семь', ср.: алт. **d'eti**, хак. **čiti**, тув. **čedi** чеди, кирг. **žeti**, уйг. **jëttë** 'семь'.

VCCV: орх., ен., уйг. (рун.) **altı** 'шесть' // як. **alta** 'шесть', ср.: алт., хак., кирг. **altı**, тув. **aldı**, уйг. **altë** 'шесть'.

CVCVC: 1) орх., ен., уйг. (рун.) **säkiz** 'восемь' // як. **ağis** 'восемь', ср.: алт., кирг. **segis**, хак. **sigis**, тув. **ses**, уйг. **sëkkiz** 'восемь'; 2) орх., ен., уйг. (рун.) **tokuz** 'девять' // як. **toğus** 'девять', ср.: алт., кирг. **toğus**, хак. **toğis**, тув. **tos**, уйг. **toqquz** 'девять'; 3) орх., уйг. (рун.) **tümän** 'десять тысяч' // як. **ütümän** 'много, большой', ср.: алт. **tümän**, хак. **tüben**, кирг. **tümön** 'несметное количество, тьма, множество', тув. **tümen** 'десять тысяч; тьма, множество', уйг. **tümän** 'десять тысяч', монг. **tümen** 'десять тысяч; тьма, бесчисленное множество', бур., ср.-монг., п.-монг. **tümen** 'десять тысяч'.

Трехсложная основа

CVCVCCV: орх. ен. **jäğirmi**, уйг. (рун.) **jigirmi** 'двадцать' // як. **süürbä** 'двадцать', ср.: алт. черн. **jirme**, алт. **d'irmä**, хак. **čibirgi**, тув. **čäärbi**, кирг. **žijirma**, уйг. **jigirmä** 'двадцать', п.-монг. **žirin** 'две, обе (о женщинах)'.

Основы, не имеющие в якутском языке параллелей

CVCC: орх., ен. **qırq** 'сорок', ср.: алт., кирг. **qırq**, хак. **qırıq**, уйг. **qırıq** 'сорок', монг. **qoriul** 'все двадцать', бур., ср.-монг., м.-п. **xori(n)** 'двадцать'.

Количественный анализ якутских и тюрко-монгольских лексических параллелей дан в нижеследующих таблицах.

Таблица 1

Количественная характеристика якутских параллелей по отношению к тюркским и монгольским рефлексам

Языки	Количество соответствий (%)			Общая сумма (%)
	Якутский язык			
	ОС	ДС	ТС	
Алтайский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Хакасский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Тувинский	7(100,0)	6(75,0)	1(100,0)	16/14(87,5)
Киргизский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Уйгурский	7(100,0)	8(100,0)	1(100,0)	16/16(100,0)
Халха- монгольский	3(50,0)	2(25,0)	0	16/5(31,2)
Бурятский	3(50,0)	2(25,0)	0	16/5(31,2)
Средне- монгольский	3(50,0)	1(12,5)	0	16/4(25,0)
Письменно- монгольский	3(50,0)	2(25)	1(100,0)	16/6(37,5)

Некоторые исследователи отмечают, что в якутском языке отсутствуют параллели к тюркским числительным **miK** 'тысяча', **tymdn** 'десять тысяч', вместо них употребляются заимствованные из русского языка **ты·ыыныча** «тысяча», **уон ты·ыыныча** «десять тысяч» [2]. Мы считаем, что древнетюркские числительные **miK** 'тысяча', **tymdn** 'десять тысяч' в якутском языке имеют лексические аналоги: як. **muK** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.', як. **tymdn** 'много, большой'. В этой связи эти числительные были включены в общий список древнетюрко-якутских параллелей.

Как видно из таблицы 1, в памятниках древнетюркской письменности количество имен числительных не имеет существенных различий. По количеству выявленных лексических рефлексов к якутскому языку близко находятся все тюркские языки, кроме тувинского языка. В этом плане из группы монгольских языков к якутскому близко стоит письменно-монгольский язык. Абсолютное количество лексических параллелей во всех тюркских языках и большинство лексических рефлексов в монгольских языках отмечаются в односложных основах.

Таблица 2

Количественная характеристика тюркских рефлексов по отношению к древнетюркским параллелям

ДТЯ	Количество соответствий (%)					
	Всего ОС/ДС/ТС	Алтайский	Хакасский	Тувинский	Киргизский	Уйгурский
ДТП	8/8/1	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)	7/6/1 (82,3)	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)
ОП	8/8/1	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)	7/6/1 (82,3)	8/8/1 (100,0)	8/8/1 (100,0)
ЕП	8/7/1	8/7/1 (100,0)	8/7/1 (100,0)	7/5/1 (81,2)	8/7/1 (100,0)	8/7/1 (100,0)
ВТП	7/7/1	7/7/1 (100,0)	7/7/1 (100,0)	7/6/1 (93,3)	7/7/1 (100,0)	7/7/1 (100,0)

Таблица 3

Количественная характеристика монгольских рефлексов по отношению к древнетюркским параллелям

ДТЯ	Количество соответствий (%)				
	Всего ОС/ДС/ТС	Халха-монгольский язык	Бурятский язык	Средне-монгольский язык	Письменно-монгольский язык
ДТП	8/8/1	4/2/0 (35,2)	4/2/0 (35,2)	4/1/0 (29,4)	4/2/1 (41,1)
ОП	8/8/1	4/2/0 (35,2)	4/2/0 (35,2)	4/1/0 (29,4)	4/2/1 (41,1)
ЕП	8/7/1	4/1/0 (31,2)	4/1/0 (31,2)	4/0/0 (25,0)	4/1/1 (37,5)
ВТП	7/7/1	3/2/0 (33,3)	3/2/0 (33,3)	3/1/0 (26,6)	3/2/1 (40,0)

Из таблиц 2, 3 видно, что по количеству лексических рефлексов к древнетюркскому языку близко стоят все исследуемые тюркские языки, кроме тувинского языка. В тувинском языке отсутствуют параллели к древнетюркским числительным **отуз** 'тридцать', **длг** 'пятьдесят'. Из группы монгольских языков к древнетюркскому языку наиболее близко находится письменномонгольский язык.

Структурная и семантическая характеристика. Древнетюркские основы представлены структурными типами: ОС: VC – 2, CVC – 4, CVCC – 2; ДС: VCV – 1, VCV – 2, CVCV – 1, VCCV – 1, CVCVC – 3; ТС: CVCVCCV – 1. Распределение якутских параллелей по структурным типам выглядит следующим образом: в ОС: VC-2, CVC-4, CVCC-1; в ДС: VCV-1, VCV-2, CVCV-1, VCCV-1, CVCVC-3; ТС: CVCVCCV-1. Как видно, во всех структурах, кроме структурного типа CVCC, выявляется абсолютное количество лексических рефлексов.

Из выявленных 16[ОС – 7 / ДС – 8 / ТС – 1] древнетюркско-якутских параллелей совпадение структурного типа основы отмечается в 10(62,5%) случаях, в том числе в ОС–7(100%), в ДС–3(37,5%), ТС – 0. Сходство структуры древне-тюркских параллелей в тюркских и монгольских языках представляется так: в алтайском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 14 [ОС – 7 / ДС – 7/ТС – 0](82,3%), в хакаском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] (100%), в тувинском из 14 [ОС – 7/ДС – 6/ТС – 1] в 11 [ОС – 7/ДС – 4/ТС – 0] (78,5%), в киргизском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 16 [ОС – 8/ДС – 7/ТС – 1] (94,1%), в уйгурском из 17 [ОС – 8/ДС – 8/ТС – 1] в 11 [ОС – 8/ДС – 2/ТС – 1] (64,7%), в халха-монгольском из 6 [ОС – 4/ДС – 2] в 2[ОС – 1/ДС – 1/ТС – 0] (33,3%), в бурятском из 6 [ОС – 4/ДС – 2] в 1[ОС – 0/ДС – 1/ТС – 0] (16,6%), в средне-монгольском из 5 [ОС – 4/ДС – 1] в 1[ОС – 0/ДС – 1/ТС – 0] (25%), в письменномонгольском из 7 [ОС – 4/ДС – 2/ТС – 1] в 1[ОС – 0/ДС – 1/ТС – 0] (14,2%).

Итак, абсолютное число лексических рефлексов тождественных с древнетюркскими параллелями отмечается в хакаском языке, а наибольшее количество в киргизском языке. В этом плане из группы монгольских языков к текстам древнетюркских памятников более близкое расположение имеет халха-монгольский язык.

В якутском языке изменения структуры лексических параллелей отмечается в следующих основах: в ДС: VCV: др.тюрк. **äki** // як. **ikki**; VCV: др.тюрк. **älig** // як. **ilii**; CVCV: др.тюрк. **jiti** // як. **sättä**; CVCVC: др.тюрк. **säkiz** // як. **ağis**; CVCVC: др.тюрк. **tümän** // як. **ütümän**; в ТС: CVCVCCV: др.тюрк. **jägirmi** // як. **süürbä**. Структурные сдвиги в якутском языке произошли: а) при выпадении [g]: др.тюрк. **älig** // як. **ilii**; б) при выпадении начального [s]: др.тюрк. **säkiz** // як. **ağis**; в) при геминации согласных: др.тюрк. **jiti** // як. **sättä**, г) при появлении начального гласного [ü]: **ütümän**.

Рассмотрение устойчивости структурных типов якутских и тюрко-монгольских параллелей показывает, что большое количество лексических рефлексов, соразмерных с якутскими формами, выявляется в алтайском языке (81,2%). Меньшее количество обнаруживается в тувинском (64,2%) и уйгурском (62,5%) языках. В этом отношении из монгольской группы к якутскому языку наиболее близок халха-монгольский язык (20%). В остальных языках данный показатель таков: в киргизском — 75%, в хакаском — 68,7%, в бурятском, среднемонгольском, письменномонгольском — 0%.

Сравнительный анализ семантических особенностей имен числительных показывает, что по отношению к древнетюркским корреспонденциям высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается в тувинском, киргизском, уйгурском языках (по 100%), в алтайском, хакаском (по 91,4%). Якутский язык несколько отдален (81,2%). В этом отношении из монгольских языков более приближен среднемонгольский (60%), в остальных монгольских языках данный показатель равен 50%. Здесь наблюдаются оппозиционные к древнетюркским формам якутско-тюркские параллели: як. **ikki** // уйг. **ikki**; як. **sättä** // уйг. **jättä**; як. **süürbä** // алт. **d'irmä**, тув. **čäärbi**.

Сравнительный анализ семантических особенностей имен числительных показывает, что по отношению к древнетюркским корреспонденциям высокий показатель УЛЗ рефлексов отмечается в тувинском, киргизском, уйгурском языках (по 100%), в алтайском, хакаском (по 91,4%). Якутский язык несколько отдален (81,2%). В этом отношении из монгольских языков более приближен среднемонгольский (60%), в остальных монгольских языках данный показатель равен 50%.

В якутском языке семантические изменения выявляются в следующих единицах: ЗЛИ: ОС CVC — др.-тюрк. **biñ** 'тысяча' //

як. **muñ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.'; ДС VCV — др.-тюрк. **älig** 'пятьдесят' // як. **ilii** 'рука'; НЛИ: CVCVC — др.-тюрк. **tümän** 'десять тысяч' // як. **ütümän** 'много, большой'. В тюркских и монгольских языках семантические изменения обнаруживаются так: ЗЛИ: ОС CVC — др.-тюрк. **bir** 'один' // монг. **bür** 'каждый, всякий', бур., м.-п. **büri**, ср.-монг. **bur** 'каждый, все', м.-п. **büri** 'каждый, все'; CVCC — др.-тюрк. **qırq** 'сорок' // монг. хориул 'все двадцать', бур. хог(и) 'двадцать', монг. **qoriul** 'все двадцать', бур., ср.-монг., м.-п. **xori(n)** 'двадцать'; НЛИ: ДС VCV — др.-тюрк. **äki** 'два' монг. **ixer**, бур. **exir**, п.-монг. **ekeri** 'близнецы'; CVCVC — др.-тюрк. **tümän** 'десять тысяч' // алт. **tümän**, хак. **tüben**, кирг. **tümön** 'несметное количество, тьма, множество'; ТС CVCVCCV — др.-тюрк. **jägirmi** 'двадцать' // п.-монг. **žirin** 'две, обе (о женщинах)'.

Анализ устойчивости и изменчивости лексических значений тюрко-монгольских параллелей по отношению к якутским формам показывает, что высокий процент лексических единиц с УЛЗ выявляется в алтайском и хакаском языках (по 87,5%). Здесь более отдаленную позицию занимают уйгурский и киргизский (81,2%) языки. Из группы монгольских языков к якутскому довольно близким оказался среднемонгольский (25%). В алтайском и хакаском языках УЛЗ рефлексов наблюдается в двухсложных основах, а в остальных тюркских и монгольских языках — в односложных.

По отношению к якутским лексическим единицам семантические изменения имеют следующие тюрко-монгольские основы: а) в тюркских языках (якутские формы даны по структурным типам древнетюркских аналогов): ЗЛИ: CVC: як. **muñ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.' // алт., хак., тув. **muñ**, кирг., уйг. **min** 'тысяча'; VCV: як. **ilii** * 'рука' // алт. **ölü**, хак. **ilig**, кирг. **älüü**, уйг. **Ellik** 'пятьдесят'; в монгольских языках: ЗЛИ: CVC: як. **muñ** 'предел, граница; крайняя степень чего-л.' // монг. **mangan**, бур. **manga(n)**, ср.-монг. **manqan**, **milan**, м.-п. **milEan** 'тысяча'; як. **biir** 'один' // монг. **bür**, бур. **büri**, ср.-монг. **bur**, м.-п. **büri** 'каждый, все'; НЛИ: VCV: як. **ikki** * 'два' // монг. **ixer** 'близнецы', бур. **exir** 'близнецы', п.-монг. **ekeri** 'близнецы'; CVCVC: як. **ütümän** * 'много, большой' // монг. **tümen** 'десять тысяч; тьма, бесчисленное множество', бур., ср.-монг., м.-п. **tümen** 'десять тысяч'; CVCVCCV: як. **süürbä** * 'двадцать' // п.-монг. **žirin** 'две, обе (о женщинах)'.

Рассмотрение устойчивости структурно-семантической канвы (или, УССК) тюркских и монгольских рефлексов показал, что в отношении якутских параллелей большой процент УССК тюрко-монгольских рефлексов выявляется в текстах восточно-туркестанских памятников и в тувинском языке (по 64,2%). В монгольских языках подобные рефлексы не наблюдаются. Этот показатель в остальных тюркских языках несколько ниже: в орхонских текстах, в хакаском, киргизском языках — по 56,2%, в енисейских эпиграфках — 60%, в алтайском, уйгурском языках — по 62,5%.

Устойчивость фоно-семантической канвы (или, абсолютная идентичность рефлексов) параллелей по отношению к якутским репрезентациям наблюдается в уйгурской форме: як. **ikki** 'два' // уйг. **ikki** 'два'.

Таким образом, анализ количественно-структурных и структурно-семантических особенностей тюрко-монгольских имен числительных показывает, что к якутскому языку ближе всего из тюркской группы хакаский и алтайский языки, из монгольской группы — халха-монгольский. К текстам древнетюркских памятников близко находятся киргизский, хакаский и халха-монгольский и средне-монгольский языки. Определяется обособленность исторического развития якутских и тувинских имен числительных среди тюркских аналогов.

Список условных сокращений

Условные обозначения памятников и языков
орх. — орхонские памятники
ен. — енисейские памятники
уйг. (рун.) — восточно-туркестанские памятники
алт. — алтайский язык
бур. — бурятский язык
д.-тюрк. — древнетюркский язык
кирг. — киргизский язык
монг. — халха-монгольский язык
ср.-монг. — средне-монгольский язык
тув. — тувинский язык

п.-монг. — письменно-монгольский язык
уйг. — уйгурский язык
хак. — хакасский язык

Прочие сокращения
V — гласный

С — согласный
ОС — односложные
ДС — двусложные
ТС — трехсложные
ЗЛИ — заметные лексические изменения
НЛИ — незначительные лексические значения

Библиографический список

1. Бетлингк, О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1990.
2. Грамматика современного якутского литературного языка (Фонетика и морфология). — М., 1982.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Морфология). — М., 1988.
4. Левин, Г.Г. Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков (В сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками). — Новосибирск, 2001.
5. Избекова, Е.И. Числительные в олонхо. Структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2000.

Bibliography

1. Bettingk, O.N. O yazyhke yakutov. — Novosibirsk, 1990.
2. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazihka (Fonetika i morfologiya). — M., 1982.
3. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazihkov (Morfologiya). — M., 1988.
4. Levin, G.G. Leksiko-semanticheskie paralleli orkhonsko-tyurkskogo i yakutskogo yazihkov (V sravnitel'nom plane s altajskim, khakasskim, tuvinskim yazihkami). — Novosibirsk, 2001.
5. Izbekova, E.I. Chislitel'nihe v olonkho. Struktura i semantika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Yakutsk, 2000.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 82. 091

Nurgazina A.B., Akosheva M.K. THE CONCEPT «SOUL» IN THE AUTHOR'S WORLD THINKING BY ALEXANDER BLOCK. This article is devoted to the notion of the author's world thinking; there is analyzed the concept *soul* on the material of poetry by Alexander Block; there is revealed the structure of the concept features, there are emphasized cognitive models.

Key words: author's world thinking, concept, symbol, the real world, the mental world, predicates.

А.Б. Нургазина, ст. преп. каф. русской филологии ПГУ им. С. Торайгырова, г. Павлодар,
E-mail: v-taisova@mail.ru; **М.К. Акишева**, ассоциированный проф., ПГУ им. С. Торайгырова,
г. Павлодар, E-mail: akmar2809@mail.ru

КОНЦЕПТ «ДУША» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. БЛОКА

В статье рассматривается понятие авторской картины мира; на материале лирики А.Блока исследуется концепт внутреннего мира *душа*; выявляется структура признаков концепта, выделяются когнитивные модели.

Ключевые слова: авторская картина мира, концепт, символ, мир реальный, мир ментальный, предикаты.

Современное понимание индивидуально-авторского концепта определяется связью концепта как вида ментальной репрезентации с единицами универсального предметного кода. Единицы универсального предметного кода характеризуются И.А. Стерниным как «нейрофизиологический субстрат мышления, кодирующего концепты в сознании индивида, к которым относятся чувственные образы, схемы, картины, представления, эмоциональные состояния», что, по сути, является типологией художественных концептов [1, с. 70].

На наш взгляд, индивидуально авторским концептом является единица поэтического сознания и вариант национального концепта, результатом познавательной (когнитивной) деятельности художником окружающего мира и несет комплексную информацию об отраженном предмете. Выступая как компонент индивидуального сознания, индивидуально-авторский концепт является в то же время составляющей коллективного национального сознания, отражает особенности национальной картины мира.

Отличительной особенностью авторской картины мира А. Блока является особое восприятие души. Душа, по определению Ф.С. Капицы, есть мифологический двойник человека, олицетворяющий его жизненную силу. Душу обычно представляют в виде «маленького человечка с прозрачным телом или ребенка с крылышками» [2, с. 124]. Согласно христианским представлениям, Бог наделяет человека душой, и пока человек живет, душа находится в его теле: вместе с человеком она растет, питаясь паром пищи, после смерти же душа покидает тело и возносится к Богу.

По представлениям древних,местилищем души была птица, которая сама нередко выступала как символ души. Ср. и.-е. «утка», русск. Утка, но и.-е. «дышать; дух»; англ. «утка», но русск. Дух; англ. «галка», но нем. «дух»; брет. «дышать»; гот. «голубь», но гот. «дух, душа» (относительно второй части рассматриваемого

слова ср. др.-инд. «дух, разум»; др. англ. «дух, разум», др. англ. «дыхание»; русск. Удод, но осет. «душа») [3, с. 145].

В лирике поэта концепт души выступает как «внутренний человек», мир которого богат и разнообразен. Душа, как и сам человек, наделяется определенными признаками, правилами существования, особыми функциями.

В блоковском восприятии душа в некоторых контекстах сравнивается или отождествляется с птицей. Предикаты, используемые для описания «птичьих» свойств души, разнообразны:

- предикаты движения / полета:

Ко мне незримый дух слетел, Открывший полных звуков море... [4, Т.1., с. 47]; *Пусть разрушается тело — душа пролетит над пустыней, Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней* [4, Т.1, с. 49]; *Как ты можешь летать и кружиться Без любви, без души, без лица?* [4, Т.2., с. 163]; *И душа, летя на север Золотой пчелой, В алый сон, в медовый клевер Ляжет на покой* [4, Т.1, с. 321]; *Ум полон томного бессилья, Душа летит, летит* [4, Т.1, с. 102]; *И на розовом облаке грез В вышине чью-то душу пронес Молодой, народившийся бог* [4, Т.1, с. 78];

- умение трепетать: *В те дни, когда душа трепещет / Избытком жизненных тревог, / В каких-то дальних сферах блещет / Мне твой, далекая, чертог* [4, Т.1, с. 89];

- наличие крыльев, как символ свободы: *И отдых, милый отдых Легко прильнул ко мне. И воздох, вольный воздох Вздохнул на простыне. Прости, крылатый дух! Лети, бессмертный пух!* [4, Т.2, с. 110]; *А красотой без слов повелено: «Гори, гори. Живи, живи. Пускай крыло души прострелено — Кровь обгазит аптарь любви»* [4, Т.2, с. 178]; *Сомненья нет: мои печали, Моя тоска о прошлых днях Душе покой глубокий дали, Отняв крыла широкий взмах* [4, Т.1, с. 77]; *В душе — кружащийся танец Моих улетевших дней* [4, Т.1, с. 297]; *...На безысходные обманы Душа напрасно понеслась: И взоры дев, и рестораны Погаснут все — в урочный час* [4, Т.1, с. 421];

- душа поет, как птица: *Моя душа тогда лишь гимн поет...* [4, Т.1, с. 62]; *Ты как заря, невятно догорала В его душе – и пела обо мне* [4, Т.1, с. 207]; *Когда же мне пела она про любовь, То песня в душе отзывалась...* [4, Т.1, с. 50]; *Моя душа вся тает в песнях дальних, И я могу тогда прочесть в ночных звездах Мою судьбу и повесть дней печальных...* [4, Т.1, с. 74]; *И я, дичившийся доселе Очей пронзительных твоих, Взглянул... И наши души спели В те дни один и тот же стих* [4, Т.2, с. 179].

Мы наблюдаем сравнение души с музыкальным инструментом, возможно, это связано со способностью издавать звуки – гармоничные и напевные: *И напев заглушенный и юный В затонной затроне тиши Усыпленные жизнью струны Напряженной, как арфа, души* [4, Т.2, с. 182];

- душа замолкает: *Полна усталого томленья, Душа замолкла, не поет* [4, Т.1, с. 103]; *Душа молчит. В холодном небе Все те же звезды ей горят* [4, Т.1, с. 132]; *Душа смирилась и заглохла В убогом рубище земли* [4, Т.1, с. 118]. Особенность души проявляется в способности восприятия внешнего мира зрением, слухом, обонянием. Для выражения этого признака используются различные языковые средства.

Душа обладает зрением: *И те же явственные звуки Меня зовут из камыша. И те же матовые руки Провидит вещая душа* [4, Т.1, с. 371];

- у души есть глаза: *Как в годы юности, не знаю Бездонных чар твоей души* [4, Т.2, с. 179];

- душа может быть слепой: *И, может быть, в преданьях темных Его слепой души, впотьмах – Хранилась память глаз огромных И крыл, изломанных в горах...* [4, Т.2, с. 309]; *И вот – опять сияют свечи, Душа одна, душа слепа...* [4, Т.1, с. 424]; *Я привык, что над этой постелью Наклонялся лишь пристальный враг И душа для видений ослепла* [4, Т.2, с. 160];

- душа наделена слухом: *Но, вперяясь во мелу сиротливо, Надышаться блаженством спеша, Отдаленного шума прилива Уж не может не слышать душа* [4, Т.2, с. 268]; *Неустающим слухом ловит Далекий зов другой души...* [4, Т.1, с. 132];

- душа может быть глухой: *Миры летят. Года летят. Пустая Вселенная глядит в нас мраком глаз. А ты, душа, усталая, глухая, О счастья твердишь, – который раз?* [4, Т.2, с. 181]; *А ты, душа... душа глухая... Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...* [4, Т.2, с. 98];

- душа умеет отвечать: *Когда и ты душой ответишь ей, С тобой мы связаны любовью* [4, Т.1, с. 124]; *Черный Гундине не со мною... Голос друга... Клич души!* [4, Т.1, с. 126];

- у души есть вкус: *За верность старинному чину! За то, чтобы жить не спеша! Авось, и распарит кручину Хлебнувшая чаю душа!* [4, Т.2, с. 247].

Для исследуемого концепта устойчивым представляется когнитивная модель «эмоция-пространство-вместитель»: *Бездна – душа моя; сердце твоё Скроется в этой пустыне...* [4, Т.1, с. 82]; *В моей душе, как келья, душею Все эти песни родились* [4, Т.2, с. 260].

Наполнение души или содержимое, т.е., то, что находится в ней, душа – сосуд: *А душа моя – той же любовью полна...* [4, Т.2, с. 243]; *И полнитесь душа тревожно и напрасно Воспоминаньем дальним и прекрасным* [4, Т.1, с. 101]; *Хожу по камням старых плит, Душа опять полна терзаний...* [4, Т.1, с. 96]; *И, снова обонув их, мы глядим С молитвенной и полною душою На тихо уходящий силуэт Красавицы под всеми парусами...* [4, Т.2, с. 52]; *Пьяна от веселого шума, Душа небывалая полна... Со мною – весенняя дума, Я знаю, что Ты не одна...* [4, Т.1, с. 271]; *Так, одинокой, легкой тенью Перед душою, полной зла, Свои благие исцеленья Она однажды пронесла* [4, Т.1, с. 135]; *Когда-то полная тобою Душа тоскует о тебе* [4, Т.1, с. 120]; *Найдешь в душе опустошенной Вновь образ матери склоненный* [4, Т.2, с. 312]; *Но скорбью наполнилась в ответ Душа, истерзанная песней* [4, Т.1, с. 108]; *Но не боюсь смотреть в упор, В душе – бездумность и беспечность! Там – вихрем разметен костер, Но искры улетели в вечность...* [4, Т.1, с. 345]; *В моей душе лежит сокровище, И ключ поручен только мне!* [4, Т.1, с. 394]; *В тайник души проникла плесень* [4, Т.1, с. 416].

Всем живым существам свойственен возраст. *Пусть душа твоя мгновенна – Над тобою неизменна Гордость юная твоя, Верность женская моя* [4, Т.1, с. 364].

Широко представлены признаки «возраста» души (детство, юность, молодость, старость):

Было время надежды и веры большой – Был я прост и доверчив, как ты. Шел я к людям с открытой и детской душой, Не пугаясь людской клеветы... [4, Т.2, с. 251]; *Отец от первых лет сознанья В душе ребенка оставлял Тяжелые воспомина-*

нья – Отца он никогда не знал [4, Т.2, с. 306]; *Милый друг! Ты юною душою / Так чиста! Спи пока! Душа моя с тобою, Красота!* [4, Т.1, с. 65]; *Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, Молодеет душа. И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку. Не дыша* [4, Т.2, с. 180]; *Как будто в смутном сне душа Его застыла молодая...* [4, Т.2, с. 303]; *Душа больная, но молодая, Страшась себя (она права), Искала утешенья: чужды Ей становились все слова* [4, Т.2, с. 294]; *Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою... Дух молодой пролетит над пустыней бесплодных терзаний...* [4, Т.1, с. 63]; *Но все пошло неотвратимо Своим путем. Уж лист, шурша, Крутился. И не удержимо У дома старилась душа* [4, Т.2, с. 297]; *Душа не избегает невидимого тленья. Так, каждый день стареется она...* [4, Т.1, с. 88]; *О, сладко вспомнить безнадёжность: Мечтать и жить в твоей глуши; Уйти в твой древний зной и в нежность Своей стареющей души...* [4, Т.2, с. 123]; *Я стар душой. Какой-то жребий черный – Мой долгий путь* [4, Т.1, с. 71];

В следующем примере мы наблюдаем женские признаки души, подразделяющиеся по возрастному критерию, что выражается в когнитивной модели «душа – девочка»: *Так! Погибай-те! Что в вас толку? Пускай лишь раз, былым дыша, О вас поплачет втихомолку Шалуныя девочка – душа...* [4, Т.2, с. 147].

Когнитивная модель «душа – огонь» является одной из продуктивных.

Душа характеризуется через признаки

- «сгорания»: *Еще вернутся мысли, споры, Но будет скучно и темно; К чему спускаться на окнах шторы? День догорел в душе давно* [4, Т.2, с. 115]; *Он узнал, о чем душа сгорала, Заглянул в бледнеющую высь* [4, Т.1, с. 222]; *Позволь же мне сгорать душою И пламенеть онем мечты...* [4, Т.1, с. 115]; *И я горел душой, а ты была темна* [4, Т.1, с. 114]; *К чему спускаться на окнах шторы? День догорел в душе давно* [4, Т.2, с. 115]; *Если дух твой горит беспокойно, Отгоняй вдохновения прочь* [4, Т.1, с. 116]; *Душа горела, голос пел, В вечерний час звуча рассветом* [4, Т.1, с. 70]; *О, поверь моей молитве, В ней душа моя горит!* [4, Т.1, с. 134];

- «пламени»: *И сама та душа, что, пылая, ждала, Треволненьем отдаться спеша, – И враждой, и любовью она изошла, И сгорела она, та душа* [4, Т.2, с. 252];

- «опаленности»: *Горящий факел к снегу, к небу вознесла Моя душа, – Тобой, Тобой, Тобой распалена* [4, Т.1, с. 276]; *Порой мне холод душу леденит, И я молчу; порой же ветер знойный Мне душу бедную мою дыханием палит, И я зову – бесчастный, спокойный...* [4, Т.1, с. 75]; *И только звенящая снит-ся И душу палящая тень...* [4, Т.2, с. 65];

- «кипения»: *Души кипящий гнев смири, Как я проклятую отвагу. Остался красный зов зари И верность голубому* [4, Т.1, с. 289];

- «сожжения/выжигания»: *А шальной ветер, носясь над далью, – Хотел он выжечь душу мне...* [4, Т.2, с. 151].

Признаки «вещества» души выражены сравнениями и метафорами: душа сравнивается или отождествляется с воском, искрой, огнем, пламенем, костром, жаром, углем, снопом: *И кто поймет, и кто узнает, Что ты сказала мне: молчи...* [4, Т.2, с. 72]; *Но не боюсь смотреть в упор, В душе – бездумность и беспечность! Там – вихрем разметен костер, Но искры улетели в вечность...* [4, Т.1, с. 345]; *Но вечно пламень вечный и живой Дрожит в душе, на миг не угасая* [4, Т.1, с. 53]; *Легкий ветер повеял нам очи... Если можешь, костер потуши! Потуши в сумасшедшие ночи Распылавшийся уголь души!* [4, Т.2, с. 188]; *Пускай же все пройдет неспешно, Что в мире свято, что грешно, Сквозь жар души, сквозь хлад ума* [4, Т.2, с. 274]. *Так лежу три дня без движенья. И зываю к песку: «Задуши!» Но тело хранит от истленья Красноватый уголь души* [4, Т.1, с. 280]; *Из огня душа твоя скована И вселенской мечте предана* [4, Т.1, с. 293]; *Я знаю женщину. В ее душе Был сноп огня. В походке – ветер. В глазах – два моря скорби и страстей И вся она была из легкой персти – Дрожащая и гибкая* [4, Т.2, с. 43].

Структура концепта душа формируется также климатическими признаками природы:

- «погода»: *Долго ль песни заунывной Ты над берегом ждала. И какой реке разливной Душу-бурю предала?* [4, Т.2, с. 44]; *Углубись еще бесстрастней В сумрак духа своего...* [4, Т.1, с. 255]; *Не легли еще тени вечерние, А луна уж блестит на воде. Все туманнее, все суевернее На душе и на сердце – везде* [4, Т.1, с. 82]; *И в суете непобедимой Душа туманам предана...* [4, Т.1, с. 104]; «время года»: *Дух пряный марта был в лунном круге Под тальным снегом хрустел песок* [4, Т.2, с. 151]; *О, если бы хоть миг был светел Бесцельный май твоей души* [4, Т.1, с. 226]; *В моей душе любви весна Не сменит*

бурного ненастья [4, Т. 1, с. 45]; Дыханием живящей бури Дохни в удушливой глуши, На вечеряющей лазури, Для вечеряющей души [4, Т. 1, с. 104]; Твоя душа уже в целях; Ее коснулись вихрь и бури; Моя вольна: так тонкий прах По ветру носится в лазури [4, Т. 1, с. 47]; Вы не измучены душевною грозой [4, Т. 1, с. 54];

- звучание души: шелест, звон: В тенях траурной ольхи Сладко дышат мне духи, В листьях матовых шурша, Шелестит еще душа [4, Т. 2, с. 133]; Мой час молитвенный недолог – Заутра обуюет сон. Еще звенит в душе осколок Былых и будущих времен [4, Т. 1, с. 316].

- температурный режим: холодно, тепло – Пока душа еще согрета, И рок велит в себе беречь [4, Т. 1, с. 85]; О, скольких душ пустынный холод Своим ты холодом пронзил! [4, Т. 2, с. 179]; Но жизнь – проезжая дорога, Неладно, жутко на душе [4, Т. 2, с. 158]; И вновь душа любовью согрета, И мысли черные оставили мой ум [4, Т. 1, с. 58].

Душа – почва: Ты много жил. Негодование В своей душе взлелеял ты [4, Т. 1, с. 85]; О, неужели утро жизни внешней Когда-нибудь взойдет в душе моей? [4, Т. 1, с. 58].

Библиографический список

1. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999.
2. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. — М., 2001.
3. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. — М., 1997.
4. Блок, А.А. // Собр. соч.: в 8 т. — М.; Л., 1960-1963.

Bibliography

1. Popova, Z.D. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh / Z.D. Popova, I.A. Sternin. — Voronezh, 1999.
2. Kapitsa, F.S. Slavyanskie tradicionniye verovaniya, prazdniki i rituali: Spravochnik. — M., 2001.
3. Stepanov, Yu.S. Konstanti: slovarj russkoy kul'turi. — M., 1997.
4. Blok, A.A. // Sobr. soch.: v 8 t. — M.; L., 1960-1963.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81

Pirogova A.V. TOPONYMIC ASPECT IN CENSUS BOOKS OF MUSCOVY'S TOWNS IN THE FIRST THIRD OF XVII CENTURY. The present article dwells upon toponymic aspect in census books of Muscovy's towns in the first third of XVII century. The research outlined main principles of naming toponymic objects, showed productivity of locative and possessive toponyms, presented variants of church naming. It was proved that an affixal way of word-building, a semantic derivation and syntactic derivation are used in naming toponyms.

Key words: formal writing, formal speech, census book, toponymic nomination, naming principle, feature of motivation, type of toponym, locative toponym, possessive toponym, qualitative toponym, urbanonym, hodonym, urban khoronym.

А.В. Пирогова, соискатель каф. филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского гос. гуманитарного университета, г. Нижневартовск, E-mail: arina-pirogova@yandex.ru

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОЗОРНЫХ КНИГ ГОРОДОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

В настоящей работе рассматривается топонимическое пространство дозорных книг городов Московского государства первой трети XVII в. Определены принципы номинации топообъектов; выявлена продуктивность локативных и посессивных топонимов, вариантность храмоименований; среди способов номинации топонимов употребительны аффиксальный способ, семантическая деривация, синтаксическая деривация.

Ключевые слова: деловая письменность, деловая речь, дозорная книга, топонимическая номинация, принцип номинации, способ номинации, мотивирующий признак, тип топонима, локативный топоним, посессивный топоним, квалитативный топоним, урбаноним, годоним, городской хороним, экклезионим.

В XVI – XVII вв. деловая речь претерпевает значительные изменения: XVI – XVII вв. – время становления и развития языка великорусской народности, образования русского национального языка и начала складывания норм литературного русского языка нового времени. В эволюции языка в этот период значительную роль играли стилистические традиции, складывавшиеся внутри одной из важнейших функциональных разновидностей языка – в деловой речи. Это было следствием отражения в деловой письменности всех сторон социально-экономической жизни народа, ее демократичности, следствием бурного развития центрального и местного делопроизводства в Московском государстве XVI – XVII вв. [1].

Дозорные книги (далее ДК) появились в приказном делопроизводстве в 70-е годы XVI века. ДК – финансовый документ, в котором фиксировалось состояние тягла городского населения, определялись реальные и потенциальные лица для налогообложения по данным дозора [2]. Языковеды данные документы относят к регистрационной документации, к фиксирующим деловым текстам, придающим юридический статус какому-либо событию. Количество лингвистических работ, в которых используются материалы ДК, невелико, в основном, в последнее время – в работах по исторической лексикологии, исторической стилистике, функциональной антропонимике.

В основу формуляра ДК городов положены разные принципы описания, в том числе – территориальный. В связи с этим ономастическое пространство рассматриваемых лингвистических источников включает и топонимическую номинацию. Рассмотрим топонимы ДК городов Московского государства первой трети XVII века с точки зрения принципов номинации. Языковеды выделяют три основных принципа номинации: номинация объекта по связи его с окружающими объектами; номинация по связи с человеком; номинация по свойствам и качествам называемого объекта. Соответственно выделяются следующие типы топонимов: *локативные* (получившие название по связи со смежными объектами); *посессивные* (получившие название по связи с человеком); *квалитативные* (названные по свойствам и качествам называемого объекта) [3].

Рассматривая топонимы городских ДК, охарактеризуем такие типы урбанонимов, как годонимы (наименования улиц), городские хоронимы (наименования районов города, слобод), экклезионимы (названия церквей соборов, монастырей).

Локативные топонимы, возникшие в результате именования объекта по смежному топообъекту, выявлены в Дозорной книге г. Можайска 1616 г. (далее ДКМож 1616) [4], Дозорной книге г. Вологды (далее ДКВол) [5], Дозорной книге г. Боровска (далее ДКБор) [6], Дозорной книге г. Ростова (далее ДКРос) [7], Дозор-

ной книге г. Тобольска (далее ДК Тоб) [8], Дозорной книге г. Твери (далее ДКТв) [9].

В основе локативных наименований слободки, сорока, улиц, прихода, ворот лежат названия церкви или монастыря, например: в слободке Стретенской [ДКМож 1616, л. 89]; въ Богоявленской слободке [ДКМож 1616, л. 87]; слободка Спасская [ДКРос, л. 90]; въ Пятницкой улице [ДКБор, л. 2]; въ Спасской улице [ДКБор, л. 3]; въ Воскресенской улице [ДКТоб: л. 49]; в Никольском приходе [ДКБор, л. 3]; по Никольские ворота [ДКТв, л. 17]; къ Благовещенским воротам [ДКТв, л. 17].

В качестве смежного мог выступать другой топообъект: 1) уточнение расположения объекта по течению реки, например: въ слободке Усть-Можай («устье реки – исток» [9, л. с. 514]) [ДКМож 1616, л. 85]; 2) расположение объекта в пространстве, например: на Заволжском посаде [ДКТв, л. 37]; 3) наименование города, например: в Устюжской улице [ДКТоб, л. 47 об.]; от Володимирских ворот [ДКТв, л. 14]; 4) объект рельефа, например: в Заямье («заямный, за ямою находящийся» [10, с. 570]); 5) наименование района города, например: в Козленском сороку [ДКВол: 355, л. 1 об.].

Принцип номинации, основанный на связи с человеком, также используется при наименовании топообъектов (хоронимы, годонимы), например: «Слободка, что была Ивановская...», слободка, что была Микитицкая новая...» [ДКМож 1616, л. 78]; «В Носатинской слободке» [ДКМож 1616, л. 87]; «Въ Федоровском сороку... въ Егорьевской приходе...» [ДКБор, л. 3].

В основе наименований может быть указание на место жительства лица, его занятие, например: в Пермской улице [ДКТоб: л. 52 об.]; в Гостинной улице («гость – иноземный или иногородный купец, живущий и торгующий не там, где прописан» [там же, с. 386]) [ДКТоб: л. 50 об.].

Квалитативные топонимы также отражены в ДК: их номинация осуществляется через ряд признаков: 1) размер объекта, например: по Большой улице [ДКТв, л. 17]; Большой мост [ДКТоб: л. 31 об.]; Большая Клушинская улица [ДКМож 1616, л. 91]; 2) форма и конфигурация, например: Широкие улицы [ДКВол: 355, л. 1 об.]; в тупике («тупик, глухой закоулок, непроходная улица» [там же, с. 443]) [ДКТоб: л. 49 об.]; 3) осмысление объекта в пространстве через время, например: в Новой улице [ДКТоб: л. 42 об.]; старая ямская [ДКБор, л. 10]; в бывшей Владычье слободе [ДКВол: 354, л. 1 об.]; 4) местоположение объекта, например: слободка Набережная («набережная – находящаяся на берегу» [там же, с. 378]); на Загородном посаде [ДКТв, л. 29]; в Заболотке; 5) характеристика объекта по строению, например: на Мостовой улице [ДКРос, л. 3]; 6) характеристика объекта по наличию или отсутствию в них лиц, дворов, например: «... въ соборке Пустой, что была Четверодворская...» (пустой порожний, ничем не занятый, простой» [ДКМож 1616, л. 92]; 7) качественные характеристики топообъекта, например: на Пробойной улице («пробивать, пробить, проколотить, продырить ударом» [ДКРос, л. 2]; 8) характеристика по порядку следования за другим топообъектом, например: в Третьей улице [ДКТоб: л. 50 об.]; на Первой улице [ДКТоб: л. 53 об.].

Библиографический список

1. Дерягин, В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важные денежные отписи XVI–XVII вв.) источники по истории русского языка. – М., 1976.
2. Мазурин, М.Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
3. Попова, И.Н. Переписная книга Вологды 1711 г. как жанр и лингвистический источник: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2002.
4. Дозорные книги г. Можайска 1614 и 1616 гг. // Архимандрит Дионисий Можайские акты. – СПб., 1892.
5. Гневашев, Д.Е. Дозорная книга Вологодского уезда кн.П.Б.Волконского и подьячего Л. Софонова 1616/17 г. как исторический источник // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI – XIX вв. – Вологда, 2003.
6. Дозорная книга г. Боровска 1621г. // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII вв. – М., 1888.
7. Титов, А.А. Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. – М., 1880.
8. Дозорная книга г. Тобольска. 1624 г. // РГАДА Сибирский приказ. – Ф.214. Дело 3, 1-74 л.
9. Дозорная книга г. Твери / сост. В.Н. Сторожев. – Тверь, 1890.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2005.
11. Камкин, А.В. Православная церковь на Севере России // Очерки истории до 1917 года. – Вологда, 1992.

Bibliography

1. Deryagin, V.Ya. Variirovanie yazykhovikh sredstv v tekstakh delovoy pis'mennosti (vazhskie denezhnye otpisi XVI–XVII vv.) istochniki po istorii russkogo yazyka. – M., 1976.
2. Mazurin, M.D. Opisi imusthestva srednerusskikh monastihrey XVII veka kak istochnik istoricheskoy leksikologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2000.
3. Popova, I.N. Perepisnaya kniga Vologdih 1711 g. kak zhanr i lingvisticheskiy istochnik: dis. ... kand. filol. nauk. – Vologda, 2002.
4. Dozorniye knigi g. Mozhayjska 1614 i 1616 gg. // Arkhimandrit Dionisiy Mozhayskie akti. – SPb., 1892.
5. Gnevashev, D.E. Dozornaya kniga Vologodskogo uezda kn.P.B.Volkonskogo i podjyachego L. Sofonova 1616/17 g. kak istoricheskiy istochnik // Materiali XIII Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo sovetaniya po voprosam izucheniya i izdaniya piscovikh knig i drugih istoriko-geograficheskikh istochnikov po istorii Rossii XVI – XIX vv. – Vologda, 2003.

Отдельно следует остановиться на принципах храмоименования. Православные храмоименования можно свести к пяти принципам: 1) Господские храмоименования, т.е. освященные во имя Господа или каких-либо событий его жизни; 2) архангельские, т.е. освященные во имя архангельских чинов; 3) Богородичные, т.е. освященные во имя Богородицы или каких-либо событий ее жизни; 4) пророческие или апостольные; 5) храмы, освященные во имя различных святых или святынь [10, с. 16].

В ДКБор, ДКТоб зафиксированы Господские храмоименования (13), например: храм во имя Рождества Христова [ДКБор, л. 33]; [ДКТоб, л. 69 об.]. Богородичные храмоименования выявлены в ДКТоб, ДКБор (12), например: Соборная церковь Благовещения Пречистой Богородицы [ДКБор, л. 1]; церковь во имя Рождества Пречистой Богородицы [ДКТоб, л. 32 об.]; церковь во имя Успения Пречистой Богородицы [ДКТоб, л. 60 об.]; церковь Знамение Пречистой Богородицы Новгородские [ДКТоб, л. 66 об.]; храмоименования, освященные во имя различных святых или святынь, являются самыми многочисленными в ДКБор, ДКТоб, (28), например: церковь Николы Чудотворца [ДКБор, л. 1]; церковь великомученика Христова Георгия [ДКБор, л. 2]; церковь Софии Премудрости Божией [ДКТоб, л. 8]; церковь во имя Николы Чудотворца [ДКТоб, л. 27 об.]; церковь св. страстотерпца Бориса и Глба [ДКБор, л. 5].

Наименования монастырей зафиксированы в ДКБор, ДКТоб, например: Рождественной девичь монастырь [ДКБор, л. 2]; Знаменский монастырь [ДКТоб, л. 66]. В рассматриваемых ДК содержится характеристика по местоположению церквей, например: «У Николы чудотворца на Сполье...» [ДКРос, л. 2]; «а посад жъ въ спасской улиц была церковь Прелображения Спасова...» [ДКБор, л. 2]; «В городе церковь Вознесения Господня...» [ДКТоб, л. 1].

В ряде ДК отмечены традиционные принципы именования городских объектов. Наиболее употребительны топонимы локативные (связаны с наименованием церкви и т.д.) и посессивные (отантропонимические хоронимы и годонимы). В ДК разных городов отражены квалитативные топонимы, в основе которых характеристика размеров, форм объектов и т.д.

В ДК разных городов выявлены варианты наименования церквей. В ряде ДК основное храмоименование дополняется характеристикой топообъекта по его местоположению (используются ряды однородных членов предложения с обстоятельством-объектным значением, пространственные предлоги и т.д.); в ДКТоб – выявлены разговорные варианты храмоименования и т.д. Среди способов номинации топонимов продуктивны аффиксальный, самантический деривация, синтаксическая деривация.

Перспективны исследования по теме, связанные с введением в научный оборот ДК Юга Московского государства первой трети XVII в.; сопоставление ДК с родственными источниками (писцовыми книгами, переписными книгами); с разработкой проблем генезиса русской деловой речи в целом.

6. Dozornaya kniga g. Borovska 1621g. // Borovsk. Materialih dlya istorii goroda XVII i XVIII vv. – M., 1888.
7. Titov, A.A. Dozorniye i perepisniye knigi drevnego goroda Rostova. – M., 1880.
8. Dozornaya kniga g. Tobolska. 1624 g. // RGADA Sibirskiy prikaz. – F.214. Delo 3, 1-74 l.
9. Dozornaya kniga g. Tveri / sost. V.N. Storozhev. – Tverj, 1890.
10. Dalj, V.I. Tolkovihyj slovarj zhivogo velikorusskogo yazhka: v 4 t. – M., 2005.
11. Kamkin, A.V. Pravoslavnaya cerkovj na Severe Rossii // Ocherki istorii do 1917 goda. – Vologda, 1992.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК-399.5

Samdan Z.B. AREAL CORRELATIONS OF TERMINOLOGICAL DEFINITIONS OF MYTH IN FOLKLORE OF TURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF INNER ASIA. The author makes an attempt to develop a new term for designation of the notion of myth in the study of Tuvan folklore through a comparative analysis of folk and scientific terms in Turco-Mongolian folklore. The topicality of the problem lies in the fact that scientific definition of myth and its varieties became much needed in order to establish differences between genres of non-tale prose and give a more precise and well grounded classification. In the result of this comparative analysis, the author has come to a conclusion that folk terms designating the notion of myth in the folklore of the given area go back to general lexemes and express main traits of a myth: remoteness of the event taking place in the story, belief in its credibility, and a narrative character of the performance.

Key Words: Turco-Mongolian folklore, general definitions of a myth, folk and scientific terminologies, Tuvan specifics.

З.Б. Самдан, канд. филол. наук, с.н.с., в.н.с. сектора фольклора Тувинского института гуманитарных исследований, г. Кызыл, E-mail: uranda@rambler.ru

АРЕАЛЬНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ МИФА В ФОЛЬКЛОРЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Путем сопоставительного анализа народных и научных терминов в тюрко-монгольском фольклоре автор пытается выработать новый термин для обозначения понятия «миф» в тувинской фольклористике. Актуальность проблемы заключается в том, что научное определение мифа стало остро необходимым для установления различий между жанрами сказочной прозы и более точной и обоснованной её классификации. В результате сопоставительного анализа автор приходит к выводу, что народные термины, обозначающие понятие «миф» в фольклоре данного ареала, восходят к общим лексемам и выражают основные признаки мифа – давность происходящего события, веру в его достоверность и повествовательный характер исполнения.

Ключевые слова: тюрко-монгольский фольклор общие определения мифа народная научная терминология тувинская специфика.

Традиционная мифология у тувинцев, как и у многих коренных народов Сибири, сохранилась до наших дней в виде самостоятельных, отчасти несколько трансформированных, мифологических сюжетов, а также довольно устойчивых мифологических напластований в структуре архаической эпик. Поэтическая ткань тувинской эпической и сказочной архаики героического сказания, богатырской и волшебной сказки – насыщена мифологическими образами, мотивами и символами, что свидетельствует о развитой в прошлом мифологической системе тувинцев.

Научная публикация текстов сказочной и несказочной прозы в томах тувинского национального корпуса 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – «Тувинские народные сказки», «Тувинские героические сказания», «Мифы, легенды и предания тувинцев» [1], а также сборника «Чылбыга Айны канчап сырыпканыл?» («Почему Чылбыга проглотила Луну?») в серии «Аас чогаалының тураскаалдары» («Памятники фольклора») [2] – подтверждает не только факт распространенности и живого бытования до современности архаической эпик тувинцев, но и открывает широкую возможность для теоретического осмысления вопросов тувинской мифологии.

Из-за малоизученности мифологии тувинцев, как и мифологии других тюрко-монгольских народов, в их языках и фольклористической науке нет общепринятых научных терминов «мифология», «миф», а также не имеется дифференцированных названий внутрижанровых групп и подгрупп сказочной прозы.

Одним из основных источников реконструкции фольклорной системы жанров могут служить народные термины, при помощи которых различия между группами текстов обозначались самими носителями традиции. Отношение самих исполнителей и слушателей к группировке текстов по каким-либо существенным признакам, к сходству или различию бытующих в традиции произведений сформировались еще в архаическое время.

Как полагают исследователи архаического фольклора, нет уверенности в полноте и непротиворечивости этих терминов по

нескольким причинам. Во-первых, носители фольклора не обязаны были формулировать различия между жанрами именно в названиях. Во-вторых, народные обозначения не были выявлены собирателями с достаточной полнотой. В-третьих, трудно разграничить лексемы, имеющие «терминологическое значение», от описательных обозначений [3, с. 62]. По мнению этих авторов, жанровая номенклатура фольклора, как правило, не универсальна, даже в родственных национальных традициях, в данном случае в фольклоре тюрко-монгольских народов, она подчас сильно различается.

В фольклорной традиции родственных по языку, религии и культуре с тувинцами тюрко-монгольских народов старинные повествования, близкие по жанровым признакам русским мифам, легендам и преданиям, т.е. жанрам несказочной прозы, в народной терминологии называли по-разному, и обычно общим и для мифа, и для легенды, и для предания собирательным названием. Тюркоязычные народы называли их в следующих вариантах: якуты *келсээн*, алтайцы *кел-кучундар*, хакасы *кил-чоох*, шорцы *пурунгу чооктар*, тувинцы *тоолчургу чугаалар*. Монголоязычные народы: монголы *домо*, буряты *домог*, калмыки *домъе*.

Как видно из приведенных обозначений несказочной прозы, общими лексемами у тюркоязычных народов Сибири являются *кел* в разных диалектных вариациях – *кел*, *кил*, ср. с тув. *хел* и *чоох* – *чоох*, *чоок*, *чугаа*.

В историко-этнографическом словаре В.Я. Бутанаева слово *кил* имеет три значения: кил I – форма, одежда, пальто; кил (кибiр) II – обычай, закон; кил III – слово; слово *чоох* также три значения: разговор, речь, рассказ [4, с. 69, 221].

Тувинское слово *чугаа* имеет такое же значение: разговор, речь, рассказ.

Обобщенно тюркское слово *кил-чоох* можно перевести как «облеченный в особую форму, узаконенный, отшлифованный (временем) образцовый рассказ, т.е. старинный, древнейший рассказ».

В тюрко-монгольском фольклоре, есть еще один общий по-звучанию, но обозначающий разные жанры термин: монгольский *домох* (миф), бурятский *домоог* (миф), тувинский (Северо-Западной Монголии) *домак*, хакасский *нымах* (сказка), *алалты-нымах* (героическое сказание), киргизский *жомок* (произведение богатерского эпоса), который имеет общее значение «повествование, сказание». Здесь налицо тюрко-монгольское языковое и фольклорное взаимовлияние. Очевидно, они происходят от одного древнетюркского корня. Можно предположить, что предки тюрко-монгольских этносов словами типа *домох*, *кип-чоох* называли краткое прозаические повествование о каком-либо событии.

Сами носители фольклора, в отличие от фольклористов, без труда определяют к какой группе относится то или иное произведение их репертуара. Поэтому исследователи считают, что «нет никаких сомнений в том, что термины, которые удалось зафиксировать, отражают (пусть и не всегда полно) очень важные и принципиальные параметры жанрового пространства фольклора. В них присутствует осознание, с одной стороны, интегрированных, укрупненных «родовых» общностей, а с другой – более узко дифференцированных групп произведений, тоже различающихся терминологически – как внутри этих родовых объединений, так и вне их» [5, с. 63].

Для различения мифа от других жанров несказочной прозы в частности, и повествовательного фольклора в целом, перед его исследователями возникает необходимость наряду с международным термином «миф» ввести специальные термины на национальных языках народов Сибири.

В связи с подготовкой к изданию цикла томов несказочной прозы в национальных корпусах 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» перед сибирской и дальневосточной фольклористикой встала неотложная задача по созданию на основе народных терминов новых научных терминов. Поскольку без дифференциации разных сюжетно-тематических групп и подгрупп по специфическим устойчивым признакам невозможна классификация системы традиционной мифологии коренных народов Сибири.

Так, например, в первых томах серии по несказочной прозе появились более дифференцированные новые термины. Авторы якутского тома миф обозначают термином *келсээн* (*кэлсэл, сэлэн*). В отдельном сборнике якутских мифологических текстов, подготовленном Н.А. Алексеевым, миф он обозначил термином *өс-номох* [6, с. 39]. Алтайские мифологические рассказы К.В. Яданова в своем исследовании выделила термином *сооюн*. В.Е. Майногашева для обозначения разных поджанровых групп хакасских мифов предлагает словосочетания *чир-чай-аан* *пяткеннеңер*, *хударлардаңар*, *эллердеңер* *кип-чоохтар* [7, с. 50]. А.И. Чудояков вслед за Н.П. Дыренковой старинные рассказы шорцев назвал *пурунгу чоохтар* и дал свою трактовку семантике терминов *пурунгу* что означает «древний, ранний» и *чоок* – «рассказ», беседа, повествование» [8, с. 6].

Собиратели и исследователи тувинского повествовательного фольклора зафиксировали от его носителей ряд народных терминов, обозначающих рассказы мифологического содержания. Эти произведения носителями фольклора называются по-разному: *дил будер шагда чугаалар* (рассказы времен сотворе-

ния мира), *эрте-бурун шагның чугаалары* (рассказы древнейших времен), *элдеп чугаалар* (старинные рассказы), *коргунчуг, сүртенчиг чугаалар* (страшные, потрясающие рассказы); *хоруг-луг чугаалар* (запретные рассказы) и т.п.

Как видно из вышеприведенных описательных народных терминов, устойчивым для обозначения старинных рассказов является слово *чугаалар* (рассказы). Связь названий жанров прозаического фольклора с семантикой говорения вообще характерна для многих языков, в том числе и для тувинского.

В повествовательных традициях многих народов как важнейший аспект, отраженный в жанровой терминологии фольклора, авторы исследования «Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике» выделяют информационный: «Исполнение произведения является передачей некоего сообщения – из прошлого в настоящее, от предков к потомкам, от богов (духов) к людям, и, соответственно, в семантике жанрового термина заключены такие понятия, как «сообщение, известие, весть» [9, с. 91].

Общим признаком этих произведений является безусловная для носителей реальность описываемых событий.

В тувинской фольклористике для обозначения понятия «миф» предложено несколько терминов: Д.С. Куулар и Ч.Ч. Куулар называют легенду и миф одним общим термином *тоолчургу чугаа* (букв. сказочные рассказы), Ю.Л. Аранчин – *кара чугаа* (простой рассказ), М.Б. Кенин-Лопсан – *торулга* (сказание). В вышеприведенных терминах, на наш взгляд, имеются некоторые несоответствия. Термин *тоолчургу чугаа* не дифференцирован, обозначает два неравнозначных понятия – и миф, и легенду; *кара чугаа* совпадает с понятием разговорная речь; слово *торулга* характерно только для определенной местности (Хөндергей).

Как пишет Эрика Таубе, центральские тувинцы, проживающие в Северо-Западной Монголии, миф называют словом «*домак*» [10, с. 18]. Это, может быть, свидетельствует о том, что у тувинцев, у которых много общего с жизнью соседних монголов, раньше существовали определенные повествования с особым названием *домак*. Поэтому по идее можно было бы называть миф в тувинской фольклористике словом *домак*. Однако, учитывая то обстоятельство, что в современном тувинском языке это слово стало применяться для обозначения лингвистического понятия «предложение», напрашивается другой термин, однотипный с уже устоявшимися в тувинской фольклористике терминами *тоолчургу чугаа* (легенда), *төөгү чугаа* (предание), *солун чугаа* (устный рассказ). Исходя из вышеуказанных народных определений и устоявшейся в тувинской фольклористике традиции включать слово *чугаа* в качестве ключевого компонента словосочетания для обозначения жанров несказочной прозы, можно назвать миф термином *бурунгу чугаа* (старинный рассказ). Но этот термин может иметь собирательное значение – и миф, и легенда, и предание. Поэтому мы предлагаем называть миф одним сложным словом *бурун-чугаа* (древнейший рассказ). Этот термин, на наш взгляд, как наиболее понятный и ёмкий, отвечает основным критериям мифа – подчеркивает давность происходящего события и веру в его достоверность, а также повествовательный характер произведения.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ, проект № 11-14-17004аЛ

Библиографический список

1. Тувинские народные сказки / сост. и автор вступ. ст. З.Б. Самдан. – Новосибирск, 1994; Тувинские героические сказания / сост. и автор вступ. ст. С.М. Орус-оол. – Новосибирск, 1997; Мифы, легенды и предания тувинцев / сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск, 2010.
2. Чылбыга Айны канчап сырыпканыл? Тыва улусту* бурун-чугаалары (Почему Чылбыга проглотила Луну? Сб. тувинских мифов) / сост. и автор вступ. ст. З.Б. Самдан. – Кызыл, 2004. – (Аас чогаалыны* тураскаалдары).
3. Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – М., 2010.
4. Бутанаев, В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
5. Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – М., 2010.
6. Якутские мифы – Саха *с-номохторо /сост. и автор вступ. ст. Н.А. Алексеев. – Новосибирск, 2004.
7. Майногашева, В.Е. Хакасские сказители и певцы. – Абакан, 2000.
8. Чудояков, А.И. Девять бубнов шамана. – Кемерово, 1989.
9. Мелетинский, Е.М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – М., 2010.
10. Сказки и предания алтайских тувинцев / сост. и автор вступ. ст. Эрика Таубе. – М., 1994.

Bibliography

1. Tuvinskie narodnihe skazki / sost. i avtor vstup. st. Z.B. Samdan. – Novosibirsk, 1994; Tuvinskie geroicheskie skazaniya / sost. i avtor vstup. st. S.M. Orus-ool. – Novosibirsk, 1997; Mifih, legendih i predaniya tvincev / sost. N.A. Alekseev, D.S. Kuular, Z.B. Samdan, Zh.M. Yusha. – Novosibirsk, 2010.

2. Chihlbihga Ajynih kanchap sihihrihpanih? Tihva ulustu? burun-chugaalarih (Pochemu Chihlbihga proglotila Lunu? Sb. tuvinskikh mifov) / sost. i avtor vstup. st. Z.B. Samdan. – Kihzihi, 2004. – (Aas chogaalinih? turaskaaldarih).
3. Meletinskiy, E.M. Istoricheskaya poehtika folklora: ot arkhai k klassike / E.M. Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik. – M., 2010.
4. Butanaev, V.Ya. Khakassko-russkiy istoriko-ehnotograficheskiy slovarj. – Abakan, 1999.
5. Meletinskiy, E.M. Istoricheskaya poehtika folklora: ot arkhai k klassike / E.M. Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik. – M., 2010.
6. Yakutskie mifi – Sakha ?s-nomokhtoro / sost. i avtor vstup. st. N.A. Alekseev. – Novosibirsk, 2004.
7. Maynogasheva, V.E. Khakasskie skaziteli i pevcih. – Abakan, 2000.
8. Chudoyakov, A.I. Devyatj bubnov shamana. – Kemerovo, 1989.
9. Meletinskiy, E.M. Istoricheskaya poehtika folklora: ot arkhai k klassike / E.M. Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik. – M., 2010.
10. Skazki i predaniya altajskikh tuvincev / sost. i avtor vstup. st. Ehrika Taube. – M., 1994.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 003. 007+800

Smolina A. PARALOGICAL AND PARAONTOLOGICAL DEVICES IN ERNST THEODOR AMADEUS HOFFMAN'S WORKS. The article deals with paralogical and paraontological devices functioning in E.T.A. Hoffmann's texts, the specific ways E.T.A. Hoffmann used the devices are defined, the potential of paralogics and paraontology to deal with different stylistic tasks is characterized.

Key words: paralogical device, paraontological device, law of logic, ironical characteristic, satirical image, grotesque image.

А.Н. Смолина, доц. каф. Русского языка и речевой коммуникации СФУ, г. Красноярск,
E-mail: angelic2009@mail.ru

ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРАОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНСТА ТЕОДОРА АМАДЕЯ ГОФМАНА

В работе рассматриваются вопросы, связанные с функционированием паралогических и параонтологических приёмов в текстах Э.Т.А. Гофмана; определяется специфика их использования Э.Т.А. Гофманом; выявляются возможности паралогики и параонтологии в выполнении различных стилистических заданий.

Ключевые слова: паралогический приём, параонтологический приём, закон логики, сатирическая характеристика, ироническая характеристика, сатирический образ, гротескный образ.

Творчеству немецкого писателя-романтика Э.Т.А. Гофмана посвящены труды многих учёных-литературоведов, как зарубежных, так и российских. Здесь важно назвать работы немецких исследователей Т. Крамера и Ф. Фюмана [1; 2]. Среди российских исследователей и писателей в течение многих лет сохраняется интерес к произведениям Э.Т.А. Гофмана, его художественным методам, социальной позиции, идеям. В.Г. Белинский о творчестве Гофмана в «Отечественных записках» пишет: «В его рассказах, по-видимому, диких, страшных, нелепых, всегда видна глубочайшая разумность. В своих элементарных духах поэтически олицетворял он таинственные силы природы; в своих добрых и злых гениях, чудаках и волшебниках поэтически олицетворял он стороны жизни, светлые и темные ощущения, желания и стремления, невидимо живущие в недрах человеческой души» [3]. А.И. Герцен, характеризуя произведения Гофмана, говорит: «Три элемента жизни человеческой служат основой большей части сочинений Гофмана, и эти же элементы составляют душу самого автора: внутренняя жизнь артиста, дивные психические явления и действия сверхъестественные. Всё это с одной стороны погружено в чёрные волны мистицизма, с другой – растворено юмором живым, острым, жгучим» [4]. О том, что в произведениях Гофмана всегда затрагивается внутренний мир одухотворённого человека, об интересе писателя к психологии и сверхъестественным явлениям пишут и современные литературоведы, лингвисты, философы. А.С. Дмитриев отмечает, что «фантастика является важнейшим компонентом мировоззренческой и эстетической системы подавляющего большинства романтиков» [5]. И добавляет, рассматривая отображение конфликта между мечтой и действительностью в их произведениях применительно к Э.Т.А. Гофману: «Гофман <...> в полном соответствии с принципами романтического мировоззрения и эстетики утверждает несовместимость идеала с действительностью, несовместимость подлинно высокого искусства как наиболее полного выражения этого идеала с реальной обыденной жизнью» [5]. Конфликт художника и общества мы, действительно, видим во всех больших и малых произведениях автора. Очень ярко это звучит в «Песочном человеке», где молодой человек Натанаэль – чужак на взгляд окружающих – не может найти общий язык, как с близкими, так и с дальними ему людьми, жизнь которых наполнена прозой и которые многое в его речах воспринимают как игру воображения. Столкновение мечты и реальности мы видим и в повествовании о Цахесе, и в «Золотом горшке». Есть черты, которые делают произведения Гофмана осо-

бенными. Это соединение мистики и реальности; гротескных уродливых форм и тонких психологических характеристик; лёгкого юмора и сатиры, переходящей в сарказм; образы чудаков, одухотворённых страстью к искусству, и филистеров, заурядных людей с узким обывательским кругозором; сказочных фей и мерзких уродцев.

Если посмотреть обзорно на литературу, посвящённую Гофману, то можно увидеть, что в большей части работ рассматриваются ключевые для понимания творчества писателя вопросы. Прежде всего, авторы обращаются к биографии писателя: в повестях и рассказах Гофмана находит отражение его любовь к музыке и профессиональное занятие ею, узнаваемые в гротескных или ироничных образах чиновники, учёные и студенты, а в одухотворённых чудаках, увлечённых музыкой и поэзией, мы узнаём самого автора. Отображение мира искусства и фантастические элементы в повествовании также отмечаются многими исследователями (А.И. Герценом, Ф. Фюманом, А.С. Дмитриевым, и другими). Заметно обращение к иронии, сатире и гротеску Гофмана. Есть ряд работ о технике комического писателя. Например, диссертация А.В. Скобелева «Особенности сатиры и проблема комического в творчестве Э.Т.А. Гофмана» [6].

В данной статье рассматриваются вопросы, которые, как представляется, в отношении творчества Гофмана недостаточно изучены, хотя отчасти они и связаны с сатирической составляющей его произведений. Речь пойдёт о паралогике и параонтологии в произведениях Гофмана. Цель работы – описать функционирование паралогических и параонтологических приёмов в сказочных повестях Гофмана. Исследование проводилось на материале произведений «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер», «Песочный человек», «Золотой горшок». Здесь важно заметить, что новизна и значимость исследования заключается не только в том, что мы обращаемся к неизученному вопросу о паралогических приёмах в творчестве Гофмана, но и в том, что функционирование паралогических приёмов в целом в текстах разных стилей и жанров не вполне исследовано. Причём, необходимо сказать, что в современной лингвистике тема паралогики весьма востребована. В частности, активно разрабатывается учение о паралогике в риторике Е.В. Клюевым [7].

В определениях паралогического и параонтологического приёмов мы опираемся на точку зрения Г.А. Копниной, которая под паралогическими приёмами понимает «прагматически мотивированные отступления от законов и правил формальной логики» [8, с. 421]. К параонтологическим Г.А. Копнина относит «при-

ёмы, построенные на отклонении от наших представлений о качествах, свойствах, действиях человека» и «приёмы, построенные на отклонении от наших представлений о том мире, который окружает человека, т. е. о явлениях природы, о поведении человека и т. д.» [8, с. 460–461]. Приёмы, основанные на отклонении от норм онтологии, также называют «приёмами нарочито неправдоподобного описания» (работы В.П. Москвина) [9, с. 44].

Рассматривая паралогию в произведениях Э.Т.А. Гофмана, мы обращались к отклонениям от четырёх законов логики. Закона тождества, который гласит: всякое суждение в процессе доказательства должно оставаться неизменным (т.е. тождественным самому себе). Закона противоречия (непротиворечия), который гласит: не могут быть одновременно истинными два суждения, одно из которых что-либо утверждает, а другое отрицает это. Закона исключённого третьего: из двух противоположных суждений одно – истинное, другое – ложное, третьего не дано. Закона достаточного основания: всякое суждение должно быть обосновано с помощью другого суждения, истинность которого уже доказана.

Основное стилистическое задание, с которым используются паралогические приёмы – создание иронических и сатирических характеристик. Паралогика, чаще всего, становится средством сатирического изображения объекта или явления. В частности, к ней автор прибегает с целью критики общественных явлений. Так, например, скептическое отношение к реализации идей просвещения, к тому, как это осуществлялось «на местах», выражено так: *«Прежде чем мы приступим к просвещению, то есть прикажем вырубить леса, сделать реку судоходной, развести картофель, улучшить сельские школы, насадить акации и тополя, научить юношество распевать на два голоса утренние и вечерние молитвы, проложить шоссейные дороги и пригласить оспу, – прежде надлежит изгнать из государства всех людей опасного образа мыслей <...>»*. В приведённом примере нарушается **закон достаточного основания**. Данный закон требует, чтобы тезис с необходимостью вытекал из основания. Как видим, в этом примере так не происходит: просвещение, понимаемое как передача знаний, распространение знаний и культуры (по словарю С.И. Ожегова), явно не заключается в вырубке лесов, насаждении акаций, распевании молитв на два голоса. Автор текста сознательно сужает понятие просвещения и включает в его определение элементы, не являющиеся необходимыми, внося в повествование критику, негативную оценочность, подвергая осмеянию просветительскую деятельность власти.

Высмеивая пороки человека и общества, в частности чиновничество и угодничество, Гофман также зачастую прибегает к нарушению логических законов. Например, показывая придворных географа и историка на приёме у князя, писатель обращает внимание на их слепое соглашательство, желание угодить, ни в чём не противоречить вышестоящему, пусть это даже будет расхожиться со здравым смыслом: *«Придворный географ вместе с историком должны были представить обстоятельные сообщения об этой стране. Они оба согласились на том, что Джиннистан – прежалкая страна, без культуры, просвещения, учёности, акаций и прививки оспы, и даже, по правде говоря, вовсе не существует»*. В уничтожении страны Джиннистан географ и историк доходят до абсурда: заявляя в конечном итоге, что её вовсе нет, хотя первоначально речь шла только о ничтожности этой страны. Здесь мы наблюдаем нарушение **закона тождества**: выдвинутое первоначально суждение о том, что *«Джиннистан прежалкая страна»* в процессе доказательства было изменено. Такой приём в риторике называется **апофазия**. Суть данного приёма заключается именно в том, что автор речи «меняет или опровергает высказанную им ранее мысль» [10, с. 53], то есть сам опровергает то, что только что утверждал [11, с. 89].

Прибегая к паралогике, автор выражает и свое отношение к современной науке и учёным. Рисуя образ естествоиспытателя Моша Терпина, Гофман пишет о его научных открытиях так: *«Начало его славе положило удачное выведение им после многочисленных физических опытов заключение, что темнота происходит преимущественно от недостатка света»*. Здесь мы видим отклонение от **закона достаточного основания**, заключающееся в совмещении причины и следствия. Е.В. Падучева обозначила схему построения этого приёма так: **А, потому что А** [12, с. 91]. Ничтожность открытий

Моша Терпина показана писателем через тривиальность, тавтологичность и логическую дефектность его умозаключений.

Изображая Циннобера, олицетворяющего ничтожного человека, в короткое время сделавшего блестящую карьеру путём присвоения чужих трудов и талантов, путём обмана и подлога,

Гофман прибегает к отклонению от закона противоречия: *«Циннобер при этом вёл себя весьма непристойно. Он дубасил маленькими ножонками по толстому животу профессора и пищал: – Пустите меня, пустите меня! Мне больно, больно, больно! Я выцарапаю тебе глаза, я прокушу тебе нос! – Нет! – вскричал профессор, опуская малыша на диван. – Нет, милый друг, к чему такая чрезмерная скромность»*. Здесь мы наблюдаем противоречие, создающее комический эффект. Цахесу приписываются поступки, несовместимые с чрезмерной скромностью, которой его наделяет профессор. По этой причине здесь также усматривается нарушение закона исключённого третьего, которое в риторике именуется **синециозисом**, т.е. «объединением противоположных понятий в единое смысловое целое, без явного противопоставления, приписывание одному и тому же предмету (лицу) противоположных качеств» [11, с. 88]).

Подобный пример иронической характеристики мы видим и в сцене разговора Цахеса с князем Барсануфом:

«<...> князь Барсануф заметил ему: «Не пренебрегайте чрезмерно вашей причёской, дорогой министр, я пришлю к вам своего куафера». На что Циннобер весьма учтиво ответил, что он велит этого парня, когда тот заявится, выбросить в окошко. «Великая душа! К вам и не подступиться!» – промолвил князь и горько заплакал». Здесь мы видим два момента, содержащих взаимоисключающие явления: *Циннобер весьма учтиво ответил, что он велит этого парня, когда тот заявится, выбросить в окошко* (учтивое поведение не предполагает хамства и насилия) и характеристика поведения Цахеса князем: *«Великая душа!»*, что явно противоречит его грубости.

Очевидно, что в приведённых примерах автор использует нарушение законов логики с целью создания сатирического гротескного образа Цахеса, однако здесь также усматривается обличение подбострастного отношения к людям более высокого статуса, ведь Цахес стал министром Циннобером.

Паралогические приёмы помогают автору создать карикатурный образ Цахеса, бездарного ничтожества, обладающего раздутым самолюбием, чванливостью и кичливостью. Магия феи Розабельверде даёт ему возможность выглядеть в глазах окружающих статным красавцем, наделённым талантами и ясным умом. Цахес делает блестящую административную карьеру: не закончив даже обучение в университете, он становится важным лицом, чиновником высокого уровня и, в довершение всего, первым министром. Присвоение плодов чужого труда и таланта – способ продвижения Цахеса по служебной лестнице и в личной жизни. Так с помощью художественных средств автор изображает один из самых существенных пороков современного Гофману общественного устройства.

Своё отрицательное отношение к ничтожным людям, добивающимся успеха путём подлога и низких средств: обмана, кражи плодов интеллектуального труда, Гофман выражает нарушением закона тождества. Мош Терпин, мечтающий о свадьбе своей дочери Кандиды и министра Циннобера, рассуждает: *«<...> могло ли мне выпасть большее счастье, чем случай, приведший в мой дом достойнейшего тайного советника по особым делам ещё студентом? Он женится на моей дочери, он станет моим зятем, через него я войду в милость к нашему славному князю Барсануфу и буду подниматься по лестнице, по которой взбирается мой превосходный крошка Циннобер»*. И далее он говорит: *«<...> как погляжу я на этого малыша по особым делам»*. В начале рассуждений о Циннобере говорится как о **достойнейшем тайном советнике по особым делам**, в конце как о **малыше по особым делам**. Сама фраза *«малыш по особым делам»* звучит весьма иронично, **нарушение тождества** в именовании Циннобера усиливает комизм, прежде всего, из-за несоответствия его внутренних и внешних свойств занимаемой должности.

К паралогике автор прибегает и при отображении другой проблемы общества – бедственного положения простого народа, манипулирования их сознанием со стороны власти: *«профессору <...> приходилось, когда град побьёт поля, поспешно выезжать в деревню, чтобы объяснить княжеским арендаторам, отчего случается град, дабы и этим глупым пентюхам малость перепало от науки и они могли впредь остерегаться подобных бедствий и не требовать увольнения от арендной платы по причине несчастья, в коем никто, кроме них самих, не повинен»*. Приведённый отрывок – прекрасный пример демагогии представителя власти, который с помощью безосновательных суждений пытается затуманить сознание зависимых людей в корыстных целях. Обвинение арендаторов в том, что они сами виноваты в дурной погоде, в том, что на них обрушился град – софистическая уловка, в основе которой

мы наблюдаем, прежде всего, **нарушение закона достаточного основания**.

Нарушение закона достаточного основания писатель обычно использует, как было показано выше, с целью создания сатирической характеристики тех объектов и явлений, которые не приемлет, прежде всего, это филистерство и филистеры. Неприятие людьми искусства эпохи Гофмана мира пошлых прозаических мешан – филистеров, как их называли тогда в Германии, в целом свойственно немецким романтикам. Гофман, заостряя их черты сведением к абсурду через нарушение логических законов, придаёт гротескную карикатурность образам. Однако нарушение закона достаточного основания используется автором и при описании любимых героев – одухотворённых чудиков, поскольку они также являются частью общества и, следовательно, могут быть подвержены его порокам. Такой пример мы находим в описании студента Балтазара: *«На нём был зубчатый воротник из тончайших брюссельских кружев, короткий камзол рубчатого бархата с прорезанными рукавами. Притом он был во французских сапожках с высокими острыми каблуками и серебряной бахромой, в английской шляпе тончайшего кастора и в датских перчатках. Итак, он был одет совсем по-немецки...»*. В приведённом примере автор на основании того, что молодой человек был одет в брюссельские, французские, английские и датские вещи, делает заключение, что *«он был одет совсем по-немецки»*, что звучит абсурдно. Из описания со всей необходимостью не следует (как этого требует закон достаточного основания), что герой был одет по-немецки, мы наблюдаем неоправданный вывод. Помимо этого здесь также нарушается **закон противоречия**, поскольку первая часть высказывания (описание) противоречит второй (суждению). Всё это служит, с одной стороны, созданию лёгкой иронии, направленной в адрес Балтазара, с другой стороны, показывает общественный порок – склонность германских молодых людей ко всему заграничному. По логике приведённого описания быть одетым во французское, английское и иное заграничное – одно из основных свойств германской молодёжи.

Интересен и пример описания студента Ансельма и его злоключений. Ансельм, чувствуя себя рождённым под несчастливой звездой и преследуемым злым роком, произносит такой внутренний монолог: *«А ведь это верно, что я родился на свет для всевозможных испытаний и бедствий! Я уже не говорю о том, что я никогда не попадал в бобовые короли, что я ни разу не угадал верно в чёт и нечет, что мои бутерброды всегда падают на землю намавленной стороной, – обо всех этих злополучиях я не стану и говорить <...>»*. Приведённый пример относится к «самофальсифицируемым высказываниям», в которых одновременно утверждается и отрицается какой-либо факт. Данные высказывания представляют собой **паралепсис**, при помощи которого говорящий упоминает то, о чём обещает молчать. Такие высказывания часто начинаются со слов: *«Я не буду даже упомянуть о...», «Я ни слова не скажу о...», «Я не буду говорить о том, что...»*. В повествовании о неудачах Ансельма паралепсис играет важную роль в создании образности и создаёт лёгкую иронию.

На параонтологии, или неправдоподобию, строится большинство произведений автора, так как в каждом из них мы видим элементы сказки. Параонтология Гофмана имеет свои особенности. Прежде всего, скажем о том, что нарочитое неправдоподобие, гипреболизация, гротеск помогают автору колоритнее и глубже отобразить существующие в обществе противоречия и проблемы. Так, фантастический карикатурно-гротескный образ Цахеса даёт читателю возможность увидеть общественный порок во всём его безобразии. Действительно, во все времена в различных социумах встречается такое явление: человек, не обладающий ни умом, ни талантами, ни нравственным началом оказывается на вершине этого социума благодаря разным причинам: покровительство знатных особ, интеллектуальное воровство, клевета, доносы и другое. Утрируя уродливость Цахеса, заостряя черты до сказочности и гротеска, автор не просто привлекает внимание, он заставляет нас задуматься о справедливости общественного устройства, взаимоотношениях в обществе. Приведём пример описания Циннобера: *«Голова глубоко ушла в плечи, на месте спины торчал нарост, похожий на тыкву, а сразу от груди шли ножки, тонкие, как прутья орешника, так что весь он напоминал раздвоенную редьку. Незоркий глаз не различил бы лица, но, взглядевшись пристальнее, можно было приметить длинный острый нос, выдававшийся из-под чёрных спутанных волос, да маленькие чёрные искрящиеся глазёнки, – что вместе с морщинистыми, совсем страшескими чертами лица, казалось, обличало маленького альмана»*. А вот Циннобер на экзамене: *«Испитание началось <...>*

Циннобер ничего не знал, ровным счётом ничего, вместо ответа он силел и квакал и нёс какую-то невнятную околесицу, которую никто не мог разобрать, и так как при этом он непристойно корячился и дрыгал ногами, то несколько раз падал с высокого стула, так что мне пришлось его подымать и сажать на место». В обоих примерах мы наблюдаем приёмы, построенные на отклонении от наших представлений о качествах, свойствах, действиях человека, или антропосферные.

Их использование мотивировано такими авторскими заданиями, как создание негативного отталкивающего образа, выражение отрицательной оценки, формирование отношения читателя к персонажу и его действиям. Нарочитое неправдоподобие в изображении Циннобера – средство сатиры и сарказма в отношении, прежде всего, общественной системы, в которой подобные Цинноберу достигают вершин благодаря покровительству и мошенничеству. Утрирование внешнего уродства Цахеса необходимо Гофману, чтобы подчеркнуть безобразие общественных явлений, которые он олицетворяет.

В повествовании о Циннобере фантастический элемент присутствует не только в сюжетных линиях, связанных с этим персонажем и его покровителем феей Розабельверде. Волшебные элементы и магические явления возникают и как авторское средство наказания для реалистичных, обычных героев. Так наказан за повышенное самомнение, снобизм и скептическое отношение ко всему, а в особенности к сверхъестественному, студент Фабиан. Параонтология в ситуации с Фабианом также является средством авторской иронии: *«Фабиан, к своему удивлению, заметил, что его коротенький сюртучок вытянулся сзади до самой земли, а рукава, прежде достаточно длинные, собрались сборками у локтей. – Тысяча чертей, да что же это такое? – вскричал он и стал оттягивать и обдергивать рукава и расправлять плечи. Сперва это как будто помогло, но едва только друзья прошли городские ворота, как рукава опять полезли кверху сборками, а полы стали расти, так что вскоре, невзирая на все оттягивания, обдергивания и пошевеливания, рукава собрались у самых плеч, выставляя напоказ голые руки Фабиана, а сзади волочился шлейф, который всё более и более удлиннялся»*.

В «Песочном человеке» приём нарочитого неправдоподобия в изображении человека и мира используется для выражения протеста против механического бездушия, подменяющего подлинные человеческие отношения в обществе. Механическая девушка Олимпия, практически ничем не отличающаяся от обычной, в конечном итоге приводит главного героя, впечатлительного и ранимого Натанаэля, к сумасшествию. Когда герой понимает, что был влюблён в куклу, бездушный механизм, и видит её с вырванными глазами, ту, которая для него была живой и любимой, ради которой он оставил другую девушку, он сходит с ума и лишает себя жизни. В ситуации с куклой, которая живёт среди людей, ведёт себя как обычная девушка (поёт, играет на фортепиано, танцует и т.п.) мы видим приём, построенный на отклонении от наших представлений о качествах, свойствах, действиях человека и приёме, построенный на отклонении от наших представлений о мире, который окружает человека. Вот описание Олимпии как обычной девушки: *«Олимпия являлась в богатом наряде, выбранном с большим вкусом. <...> играла на фортепиано с величайшей безлостью, а также пропела одну браурную арию чистым, <...> похожим на хрустальный колокольчик голосом. <...> Натанаэль приметил, с какой тоской глядит она на него, как всякий звук сперва возникает в полном любви взоре <...>»*. А вот финальные сцены, в которых мы видим Олимпию в руках её создателей: *«Профессор держал за плечи какую-то женскую фигуру, итальянец Коппола тянул её за ноги, оба тащили и дёргали в разные стороны <...> Коппола с нечеловеческой силой вырвал из рук Спаланцани фигуру и нанёс ею профессору такой жестокий удар, что тот зашатался и упал навзничь на стол <...> Коппола взвалил на плечи фигуру и <...> торопливо сбежал по лестнице, так что слышно было, как отшатнувшись свесившиеся ноги Олимпии с деревянными стуком бились и громыхали по ступеням. Натанаэль оцепенел – слишком явственно видел он теперь, что смертельно бледное восковое лицо Олимпии лишено глаз, на их месте чернели две впадины: она была безжизненной куклой <...> Натанаэль увидел на полу кровавые глаза, устремившие на него неподвижный взор»*. Столкновение мечты и реальности (Олимпия была для героя мечтой), осознание ужаса обмана, которому он подвергся, понимание того, что его возлюбленная – автомат, а также вид растерзанной мечты, – всё это приводит героя к трагедии. А сама трагедия Натанаэля символизирует столкновение впечатлительного человека с бездушным миром.

Подведём итог: писатель Эрнст Теодор Амадей Гофман использует паралогические и параонтологические приёмы с различными стилистическими заданиями. Паралогические приёмы чаще всего становятся средством создания комического эффекта (юмористических, иронических, сатирических характеристик); средством создания необычной, гротескной образности; также используются как способ выражения авторской оценки и личного отношения к общественным порокам; как приём, передаю-

щий абсурдность действительности. Параонтологические приёмы вносят сказочный элемент, способствуют созданию фантастического мира и яркой необычной образности, служат средством выражения отношения автора к реальной жизни, которую он не принимал в том виде, в котором её наблюдал. Можно сказать, что ирреальность – способ ухода автора от действительности, которую он не приемлет. Помимо этого параонтология становится средством создания комического эффекта.

Библиографический список

1. Крамер, Т. Гротеск Э.Т.А. Гофмана. – М., 1971.
2. Фюман, Ф. Э.Т.А. Гофман // Встреча: антология. – М., 1983.
3. Белинский, В.Г. Ярчук (.) собака-духовидец. Сочин. Александрова (Дуровой) [Э/п]. – Р/д: <http://rusbook.com.ua>.
4. Герцен, А.И. Гофман (Н.П. Огарёву) [Э/п]. – Р/д: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0340.shtml
5. Дмитриев, А.С. Эрнст Теодор Амадей Гофман [Э/п]. – Р/д: <http://gofman.krossw.ru>
6. Скобелев, А.В. Особенности сатиры и проблема комического в творчестве Э.Т.А. Гофмана: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1984.
7. Ключев, Е.В. Риторика. – М., 1999.
8. Копнина, Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. – М., 2009.
9. Москвин, В.П. Стилистика русского языка. – Волгоград, 2001.
10. Апофазия // А.П. Квятковский. Школьный поэтический словарь. – М., 1998.
11. Филиппов, А.В. Публичная речь в понятиях и выражениях / А.В. Филиппов, Н.Н. Романова. – М., 2002.
12. Падучева, Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Л. Кэрролла // Семиотика и информатика: сб. статей. – М., 1982. – Вып. 18.

Bibliography

1. Kramer, T. Grotesk Eh.T.A. Gofmana. – M., 1971.
2. Fyuman, F. Eh.T.A. Gofman // Vstrecha: antologiya. – M., 1983.
3. Belinskiy, V.G. Yarchuk (.) sobaka-dukhovidec. Sochin. Aleksandrova (Durovoy) [Eh/r]. – R/d: <http://rusbook.com.ua>.
4. Gercen, A.I. Gofman (N.P. Ogaryovu) [Eh/r]. – R/d: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0340.shtml
5. Dmitriev, A.S. Ehrnst Teodor Amadey Gofman [Eh/r]. – R/d: <http://gofman.krossw.ru>
6. Skobelev, A.V. Osobennosti satirih i problema komicheskogo v tvorchestve Eh.T.A. Gofmana: dis. ...kand. filol. nauk. – Voronezh, 1984.
7. Klyuev, E.V. Ritorika. – M., 1999.
8. Kopnina, G.A. Ritoricheskie priyomih sovremennogo russkogo literaturnogo yazihka: opiht sistemnogo opisaniya: monografiya. – M., 2009.
9. Moskvina, V.P. Stilistika russkogo yazihka. – Volgograd, 2001.
10. Apofaziya // A.P. Kvyatkovskiy. Shkolniyh poehticheskij slovarj. – M., 1998.
11. Filippov, A.V. Publchnaya rechj v ponyatiyah i vhrzheniyakh / A.V. Filippov, N.N. Romanova. – M., 2002.
12. Paducheva, E.V. Tema yazihkovoy kommunikacii v skazkakh L. Kehrrolla // Semiotika i informatika: sb. statej. – M., 1982. – Vihp. 18.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81'25 (06)

Yakovleva S.L., Kozhinova O.V. SUBTITLES AS A FORM OF AUDIO-VISUAL TRANSLATION: TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY AND PROPER NAMES. The article deals with the translation of culture-specific vocabulary and proper names from French into English and Russian in the subtitles to the film «*Le Fabuleux Destin D'Amélie Poulain*».

Key words: subtitles, translation, culture-specific vocabulary, proper names, French, English, Russian.

С.Л. Яковлева, канд. пед. наук, доц., зав. каф. иноязычной речевой коммуникации Марийского гос. университета, г. Йошкар-Ола; **О.В. Кожина**, переводчик-фрилансер, г. Йошкар-Ола, E-mail: zavkaf1@gmail.com

СУБТИТРЫ КАК ВИД АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА: ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ И ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В статье рассматриваются основные приемы передачи реалий и имен собственных с французского на английский и русский языки к субтитрам франко-немецкого фильма «Амели».

Ключевые слова: субтитры, прием перевода, реалии, имена собственные, французский, английский, русский языки.

В последнее десятилетие в отечественном и зарубежном переводе все большее внимание уделяется проблеме перевода аудиовизуальных произведений. Это связано с процессами глобализации и значительным увеличением контактов между странами и культурами. В век информационных технологий человек воспринимает большую часть информации посредством зрительных и слуховых каналов. В количественном отношении сегодня аудиовизуальные переводы (далее – АВП) занимают едва ли не ведущее место в переводческой практике, что вполне закономерно. Во-первых, аудитория получателей такого перевода весьма широка благодаря распространенности телевидения и Интернета. Во-вторых, производится большое количество медиа-продукции, импортируемой в другие страны и культуры: игровые и документальные фильмы, телепередачи разнообразной тематики, сериалы, новости, концерты, реалити-шоу и т. д. В-третьих, АВП легко воспринимается получателем (на

телеэкране, в кинотеатре, на DVD). Несмотря на значительный интерес лингвистов к проблеме аудиовизуального перевода и довольно большое число работ, посвященной этой теме, целостной характеристики перевода аудиовизуальных произведений и их отличительных свойств дано не было, и проблема до конца не изучена, что обуславливает актуальность исследования.

Цель работы: определить понятие аудиовизуального перевода, охарактеризовать его основные свойства, проанализировать лингвистические и экстралингвистические особенности субтитрования как одного из самых распространенных видов АВП.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач: 1) обобщить имеющиеся в лингвистической литературе данные о понятии аудиовизуального перевода; 2) выделить виды аудиовизуального перевода; 3) изучить историю развития субтитрования; 4) выделить особенности перевода посредством субтитрования на английском и русском языках.

В зарубежном переводоведении большое внимание проблеме аудиовизуального перевода уделяют европейские исследователи, в частности, Я. Иварссон, который опубликовал одну из первых работ, посвященных исключительно субтитрованию [1] и стал одним из авторов стандартов субтитрования для организации *ES/ST* (Европейская ассоциация по изучению экранного перевода). Французский исследователь И. Гамбье занимается проблемой определения и развития АВП в системе науки о переводе и уделяет внимание проблеме цензуры на телевидении [2; 3; 4]. Активное исследование субтитрования начинается в 1980-х гг., в частности, Л. Марло выделяет трудности разного уровня, усложняющие работу переводчика: технологические, психологические, эстетические и лингвистические [5]. В последующие годы выходит в свет большое число изданий по проблемам АВП, объединяющих исследования разных ученых. Одним из ведущих специалистов на сегодняшний день и редактором многих изданий по АВП является испанский ученый Х. Диас Синтас, исследующий проблему классификации видов аудиовизуального перевода; оформление субтитров на экране телевизора и мониторе компьютера; феномен любительского субтитрования в Интернете; сравнительный анализ субтитров с другими видами АВП (преимущественно, с дубляжом и закадровым переводом) и определение преимуществ и недостатков субтитров [6; 7; 8; 9]. Значительная часть материалов, использованных в работе, была опубликована в канадском периодическом издании для переводчиков *Meta* на французском и английском языках.

Научная новизна работы состоит в осуществлении сравнительного анализа лингвистических характеристик субтитрования на английский и русский языки с французского языка.

Теоретическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут послужить материалом для дальнейших исследований в области аудиовизуального перевода и субтитрования.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в курсах по теории перевода, практическому курсу перевода по английскому, французскому и другим языкам.

В качестве материала исследования был выбран французский художественный фильм «*Le Fabuleux Destin D'Amélie Poulain*» («Необыкновенная судьба Амели Пулен», Франция-Германия, 2001) – романтическая комедия Жан-Пьера Жёне. В англоязычных странах этот фильм известен под названием «*Amélie from Montmartre*», а в русском прокате назывался просто «Амели» (в некоторых переводах также – «Амели с Монмартра»); ограничение по возрасту до 17 лет по системе рейтингов Американской киноассоциации (*Rated R for sexual content*).

Объектом анализа стали тексты субтитров к фильму «Амели» на французском, английском и русском языках, представленные на сайтах www.subscene.com и www.opensubtitles.org. Для удобства проведения работы субтитры на трех языках были объединены и разделены по фразам.

На основе теоретического материала были выделены основные лингвистические особенности субтитрования, которые распределены по соответствующим типам: передача реалий (безэквивалентной лексики), имён собственных, инвективной лексики, терминов, идиоматических выражений.

Перевод реалий (безэквивалентной лексики)

При осуществлении аудиовизуального перевода в целом, и перевода кинофильмов в частности, одной из главных задач переводчика является сохранение национального колорита и культурного своеобразия оригинала [10, с. 108]. При этом в фильме может встречаться большое количество безэквивалентной лексики, или реалий, перевод которых представляет некоторую сложность. Известные исследователи в области безэквивалентной лексики, С.И. Влахов и С.П. Флорин считают, что реалиями можно назвать «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [10, с. 80].

При переводе художественного текста, к которому можно отнести художественный фильм, по мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, следует применять следующие приемы: 1) транскрипция (и транслитерация); 2) перевод (замена): а) неологизм; б) калька; в) полукалька; г) освоение; д) семантический неологизм; 2. Замена реалий; 3) приблизительный перевод: а) родовидовая замена; б) функциональный аналог; в) описание, объяснение, толкование; 4) контекстуальный перевод.

Выбор того или иного приема перевода реалий зависит от используемого вида аудиовизуального перевода, степени информированности целевой аудитории и личных предпочтений переводчика. Очевидным является тот факт, что оптимальным спо-

собом передачи реалий являются такие переводческие преобразования, реализации которых требуют наименьших экранного времени и места. Транскрипция и транслитерация могут быть использованы в том случае, если скрывающиеся за ними понятия не играют ключевой роли в развитии сюжета картины [11, с. 136]. Приблизительный или контекстуальный перевод предпочтительнее, чем переводческие неологизмы, так как помогают зрителям быстрее вникнуть в суть кинодиалога. Приведем примеры встречающихся реалий в фильме «Амели» и проанализируем их перевод на английский и русский языки.

Briser la croûte d'une crème brûlée avec la pointe d'une petite cuillère. – Cracking *crème brûlée* with a teaspoon. – Сломать **сахарную корочку** чайной ложкой.

В английском переводе название десерта совпадает с французским аналогом, а в переводе на русский язык дается описательный перевод. Сделано это видимо потому, что у русских зрителей слово *крем-брюле* больше ассоциируется с мороженым, нежели с французским десертом из заварного крема с карамельной корочкой.

Et hop! Envolés tous les deux dans la pampa! – Off they flew to **South America**. – И, хоп! – смылись **за океан**.

Слово *пампа*, или *пампасы*, означает степь на юго-востоке Южной Америки. В данном случае переводчики на английский и на русский языки использовали прием родовидовой замены и заменили содержание реалии единицей с более широким значением (Южная Америка, за океаном). Однако в русском переводе вполне можно было использовать слово *пампасы*, так как оно довольно хорошо известно российскому зрителю и не вызвало бы непонимания.

C'est qu'on est de bon, aujourd'hui, Madame Suzanne? – Des endives au gratin. What's on the menu today, Suzanne? – **Endives au gratin**. Что у вас сегодня, мадам Сюзанна? – **Запеканка из спаржи**. *Dans les endives au gratin, à tous coups, y a de béchamel?* – "Au gratin" means **white sauce**, right? – А запеканку поливают **белым соусом «Бешамель»?**

Блюдо, которое подает в своем кафе мадам Сюзанна, можно перевести на русский как «запеченный эндивий». *Endive* означает растение *эндивий*, или *цикорий салатный*, листья которого употребляются в пищу и широко используются в блюдах французской кухни. Русские переводчики предложили функциональный аналог *спаржа*, что позволило создать у читателя сходное качественное представление. Во втором случае переводчики прибегают к использованию толкования, поясняя, что зачастую под названием «бешамель» подразумевают соус белого цвета.

Ah, chez Marion on fait de la glace au calisson. – **Sugarplum ice cream!** – Мадам Марион делает **мороженое**.

Калиссоны (Calisson) — традиционная провансальская сладость, которая изготавливается на специальной фабрике в городе Экс-ан-Прованс. В состав входят миндаль, засахаренные фрукты и слой сахарной глазури, по вкусовым качествам она напоминает марципан. Калиссоны продаются в виде продолговатых конфет, а также добавляются в десерты, например, в мороженое. В английском и русском переводе путем генерализации был подобран вариант *мороженое* (английский перевод дополнен функциональным аналогом *sugarplum*, означающим *круглый леденец*).

On arrive chez le fromager. 12,90 le Picodon d'Ardèche et 23.50 le Cabécou du Poitou! – Now the cheese shop. **Picodons** are 12.90, **Cabécous** 23.50. – Проходим сыры. «**Пикадон**» – 12.90 и «**Кабеку**» – 23.50.

Во Франции производится большое количество сыров, большинство из которых называются по названию места, где они производятся. При переводе названий сыров на английский и русский языки обычно используется прием транскрипции и генерализации.

Un Kir Aligoté, une Moresque et deux menthes à l'eau. – One **kir aligoté**, one **mauresque**, and two **mint sodas**. – Так! «**Алиготе**» и «**Мятную**»! И две **воды с сиропом**!

Kir — коктейль из белого сухого вина, в данном случае – из винограда сорта *Алиготе*. При переводе незнакомая российскому зрителю реалия передается посредством подбора функционального аналога (винный коктейль – вино). Кир часто подается в виде аперитива, поэтому в одной из фраз фильма был предложен именно этот аналог (*On la voit servir un kir à Hipolito, l'écrivain raté* – А вот она несёт **аперитив** неудавшемуся писателю Ипполито).

Такой же метод был применен к переводу коктейлей *Moresque* и *menthe à l'eau*. Словом *moresque* (мавританский) французы называют коктейль на основе анисовой водки *pastis* с добавлением ячменного *оршада*, безалкогольного напитка. При передаче реалии на русский язык был сделан выбор в пользу функционального аналога. Пастис может употребляться в виде различных коктейлей. Кроме «мореск» популярны коктейли «попугай» (*perroquet*) с мятным сиропом, «канари» (*canari*) – с лимоном, «осенний лист» (*feuille morte*) – с мятным и гранатовым сиропом, «томат» – с сиропом «Гренадин». Переводчик сделал выбор в пользу популярного коктейля «попугай» и заменил его в переводе словом «мятная». Таким образом, название коктейля с мятным сиропом *menthe à l'eau* пришлось передать посредством родовидовой замены, словосочетанием *вода с сиропом*, не уточняя, с каким именно. В английском переводе применен минус-приём (*kir aligoté* и *mauresque*), а также подобран функциональный аналог (*mint soda* – *содовая с мятным сиропом*).

Un Tac-O-Tac, s'il vous plaît. – A scratch card, please. – Лотерейный билет, пожалуйста.

В данном примере речь идет о французской лотерее *Tac-O-Tac*, появившейся в 1984 г. и существовавшей первоначально в виде телевизионной лотереи (как, например, *Спортлото* в России). В 1993 г. из телевизионной лотерея превратилась в мгновенную, цена билета выросла с 10 до 20 франков. В английском переводе был подобран функциональный аналог (*scratch card* – *билет мгновенной лотереи*), а на русском путем родовидовой замены был подобран еще более широкий аналог – *лотерейный билет*.

Un petit vin chaud avec des Spéculoos. – Mulled wine and ginger biscuits. – Тёплое вино, а вот и печенюшки.

В следующем случае встречается название пряного хрустящего печенья *Spéculoos* (в русском языке – *спекулос* или *спекюлос*). В английском переводе использован приблизительный перевод, а именно – описательный перевод (*ginger biscuit* – имбирное печенье). Для приготовления печенья *спекулос* кроме имбиря необходимы белый перец, корица, гвоздика, кардамон и мускатный орех. Русские переводчики использовали прием родовидовой замены, обозначив реалию общим словом *печенюшки*. Уменьшительный суффикс был, очевидно, добавлен, чтобы подчеркнуть отношение Рэмона Дюфаеля к Амели, сходное с отеческой заботой.

...pour un type qui va passer le reste de ses jours à manger du bortsch...avec un stupide cache-pot sur la tête! – who'll eat borscht all his life in a hat like a tea cosy. – ...который будет до конца своих дней жрать борщ и носить на голове дурацкий горшок?

Реалия *борщ* – *овощной суп*, распространённый среди народов Восточной Европы, был передана посредством калькирования на французском (*bortsch*) и английском (*borscht*) языках.

Таким образом, основным приемами передачи реалий в переводе в анализируемом нами фильме являются родовидовая замена и функциональный аналог.

Перевод имен собственных

При передаче имен собственных переводчику приходится делать выбор между транскрипцией и транслитерацией, либо применить оба варианта. Ответить на основной вопрос – транскрибировать или переводить – зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста. Это позволяет рассматривать 1) имена-знаки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект, 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием и 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп [10, с. 218].

Единицы первой группы всегда транскрибируются. Как исключение, имя собственное, точная транскрипция которого почему-либо неудобна. Единицы второй группы обладают определенным содержанием, которое обуславливает возможность их перевода. Они как транскрибируются, так и переводятся. Имена собственные третьей группы, как правило, подлежат транскрипции; перевод, подстановка или любое отступление от этого правила допустимы, когда имя собственное должно в той или иной степени приобрести и черты имени нарицательного.

Большинство имен собственных в фильме «Амели» принадлежит к первой группе, и они были переданы на русский язык транскрипцией. При переводе на английский был использован

минус-приём и сохранена оригинальная орфография имён. Приведем некоторые примеры передачи имен собственных на английский и русский языках:

Eugène Koler, après l'enterrement de son ami, Émile Maginot. – returning from his best friend's funeral, Eugène Colère – Эжен Колер, вернувшись с похорон своего лучшего друга Эмиля Мажино;

pourvu d'un chromosome X de M. Raphael Poulain... – a sperm with one X chromosome, belonging to Raphaël Poulain, – принадлежащий господину Рафаэлю Пулену;

atteignait l'ovule de Mme Poulain, née Amandine Fouet. – made a dash for an egg in his wife Amandine. – вырвался на свободу и настиг яйцеклетку, принадлежащую госпоже Амандине Пулен, в девичестве Фуэ.

9 mois plus tard naissait Amélie Poulain. – Nine months later, Amélie Poulain was born. – Через 9 месяцев родилась Амели Пулен.

Hélas, ce n'est pas un nouveau-né qui tombe du ciel mais une touriste québécoise, Marguerite Bouchard, résolue à en finir avec la vie. – alas, not a baby boy, but Marguerite, a tourist from Quebec, bent on ending her life. – Увы, это не долгожданный младенец, а Маргарита Бушар, самоубийца из Канады.

Elle, c'est Suzanne, la patronne. – That's Suzanne, the owner. – Это Сюзанна – владелица кафе.

Au tabac, c'est Georgette, la malade imaginaire. – Georgette is the tobacconist. She's a hypochondriac. – В табачном отделе – Жоржетта, мнимая больная.

Voilà Gina, la collègue d'Amélie. Sa grand-mère était guérisseuse. – Gina works with Amélie. Her grandmother was a healer. – А вот Джина, тоже официантка, её бабушка была знахаркой.

On la voit servir un kir à Hipolito, l'écrivain raté. – She's bringing a kir to Hipolito, a failed writer. – А вот она несёт аперитив неудавшемуся писателю Ипполито.

Lui, qui les observe d'air mauvais, c'est Joseph. – Scowling at them is Joseph. – Мужчина, который с мрачным видом следит за ними, это Жозеф.

Et enfin, voilà Philomène, l'hôtesse de l'air. – And here's Philomène, an air hostess. – И наконец, Филомена. Она стюардесса.

Amélie garde son chat Rodrigue quand elle part. – Amélie looks after her cat Rodrigue when she's away. – Когда она улетает, её кот Родриго держит у себя Амели.

Allez voir l'épicier, Collignon. – Ask Collignon, the grocer. – А то, что вас интересует, может знать Колиньон.

Le crétin, c'est Lucien. – The "cretin" is Lucien. – Кретин – это Люсьен.

Alors, Camus, 2e droite. – Right. Camus...2nd floor on the right. – Так, Каму... 3-й этаж, справа.

C'étaient des gens du Pas-de-Calais. – Bredoteau. C'est tout ce que j'ai à dire! – They were from the Pas de Calais. Bredoteau. What more can I say? – Они приехали с севера. Бредото! А я что сказал?

Ce garçon qui farfouille sous le photomaton s'appelle Nino Quincampoix. – Groping under the photo booth is Nino Quincampoix. – Юношу, вытаскивающего что-то из-под фотоаппарата, зовут Нино Кенкомпуа.

Vous savez, on m'appelle l'homme de verre. Mais mon nom, c'est Raymond Dufayel. – They call me the Glass Man, but my name is Raymond Dufayel. – Меня прозвали "стеклянным человеком". Но моё имя Рэмон Дюфазель.

Tenez, Dominique Bretodeau. 27, rue Mouffetard. – Here. Dominique Bretodeau, 27 Rue Mouffetard. – Держите. Доминик Бретодо. 27, улица Муфтар.

Les combinaisons de la tante Josette... – Aunt Josette's slips. – Комбинация тёти Жозетты.

Il paraît qu'elle a eu un enfant, un garçon. Il s'appelle Lucas. – I heard she had a child, a boy. His name is Lucas. – Говорят, она родила сына. Его зовут Люка.

Alors, Eva! C'est pour quand, ces cafés? – Eva! Where are those coffees? – Эва, ну, ты даёшь! И где же кофе?

Au même instant, sur un banc du square La Villette, Félix L'Herbier découvre... – Meanwhile, on a bench in Villette Square, Félix Lerbier learns... – В тот же миг Феликс Лербье, сидя в сквере, обнаруживает...

Переводчики на русский язык наряду с транскрипцией применили русификацию имён, где таковая была возможна:

Amandine – Амандина, *Marguerite* – Маргарита, *Suzanne* – Сюзанна, *Georgette* – Жоржетта, *Philomine* – Филомена, *Rodrigue* – Родриго.

Основную трудность для переводчика кинофильмов представляет перевод имен собственных четырех типов, таких как: 1) прецедентные антропоники; 2) имена королевских особ; 3) имена исторических персоналий, мало известных зрителю; 4) восточные имена собственные, требующие опосредованного перевода.

В анализируемом нами фильме «Амели» встречаются имена собственные трех категорий. Рассмотрим переводческие трудности, связанные с их передачей на языке перевода.

Под прецедентными антропонимами в аудиовизуальном переводе мы подразумеваем имена и обращения, выполняющие интертекстуальную функцию, а также имена персонажей фильмов-экранизаций. В последнем случае переводчику следует сохранять традиционные варианты перевода имен, которые встречаются в соответствующих переводных литературных изданиях [12, с. 214]. К прецедентным антропонимам можно отнести «говорящие имена» (по С.И. Влахову и С.П. Флорину) с более или менее уловимой внутренней формой. «Говорящие имена» подразделяются на следующие категории: 1) не подлежащие переводу, так как их назывная функция преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания), 2) подлежащие переводу в зависимости от контекста, который может «высветлить» их содержание, и 3) требующие такого перевода или такой постановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так и семантическое значение (каламбур) [10, с. 210].

Moi, je m'appelle Madeleine Wallace. – My name's **Madeleine Wells**. – Моя девичья фамилия **Фонтана**.

On dit: "Pleurer comme une madeleine", hein? – Madeleine, like Mary Magdalene. She wept, right? – На роду написано плакать. Так ведь говорят?

Et Wallace... C'est les fontaines Wallace... C'est vous dire si j'étais prédestinée aux larmes! – And **Wells as in water**. Talk about being born to cry! – Наверное, поэтому у меня **слёзы, как из фонтана**, и льются.

В имени и фамилии консьержки содержится игра слов и аллюзии, которые необходимо сохранить для оказания необходимого эффекта на зрителя. Сравним: в оригинале говорится *Moi, je m'appelle Madeleine Wallace. On dit: "Pleurer comme une madeleine", hein?* (Меня зовут Мадлен Уолес. Говорят, «плакать, как Мария Магдалена», ведь так? – перевод наш). И в английских субтитрах читаем *My name's Madeleine Wells. Madeleine, like Mary Magdalene. She wept, right?* (Меня зовут Мадлен Фонтан. Мадлен – как Мария Магдалена, она ведь плакала? – перевод наш). При сравнении подстрочного перевода двух вариантов видно, что игра слов *Мадлен – Мария Магдалена* английским переводчиком удалась.

Вторая сложность заключается в аллюзии на фонтанчики Уоллеса в Париже (*fontaines Wallace*): *Et Wallace... C'est les fontaines Wallace... C'est vous dire si j'étais prédestinée aux larmes!* (А Уолес – это как фонтанчики Уоллеса... Видно, слезы

мне предназначены судьбой. – перевод наш). В английской версии видим: *And Wells as in water. Talk about being born to cry!* (А Фонтан – та же вода. На роду написано плакать! – перевод наш). Отступив от оригинального намека на фонтанчики Уоллеса, английским переводчикам удалось сохранить тему слез. Русские переводчики поступили несколько иначе. Они решили опустить аллюзию на библейского персонажа и обыграть лишь тему слез и фонтана. *Моя девичья фамилия Фонтана. На роду написано плакать. Так ведь говорят? Наверное, поэтому у меня слёзы, как из фонтана, и льются.* При этом далее в фильме консьержку называют «мадам Фонтан» (*Bonjour, Mme Wallace. Comment ça va ce matin?* – Как Ваши дела, мадам Фонтан?).

La Princesse de Galles, Lady Di, est morte cette nuit à Paris dans un accident de voiture. – **Lady Di, Princess of Wales**, died in a car crash in Paris last night. – Сегодня вечером в автокатастрофе погибла **принцесса Диана**.

Elle se trouvait avec son ami, le milliardaire saoudien, Dodi Fayed, mort lui aussi. – with her companion **Dodi Al Fayed**... – С ней вместе в машине находился её друг, **сын миллиардера, Доди Аль Файед**.

Ряд имен королевских особ – представителей правящих династий, имеют традиционные русские формы, которые и должны использоваться в переводе [10, с. 216]. Имя принцессы Уэльской Дианы и Доди Аль Файеда, благодаря широкому вниманию со стороны средств массовой информации, известно всему миру, поэтому особых сложностей для перевода не представляет.

La victoire de Federico Bahamontes dans le Tour de France 1959. – **Federico Bahamontes** winning the Tour de France in '59. – Победа **Федерико Богомантеса** в Тур де Франс 1959 года.

Антропоники третьего типа (имена исторических персоналий, мало известных зрителю) следует передавать их прямыми соответствиями в переводящем языке, осуществляя поиск устойчивого варианта перевода в энциклопедиях и специальной литературе [13, с. 89].

Le seul ami d'Amélie s'appelle "le Cachalot". – Amélie has one friend, **Blubber**. – Единственного друга Амели зовут **Кашалот**.

Lui, c'est l'homme de verre. – They call him the Glass Man. – Это стеклянный человек.

Основными приемами передачи иностранных имен в аудиовизуальном переводе, как и в художественном переводе, являются транскрипция и транслитерация, однако при передаче кличек и прозвищ более уместен именно перевод (*cachalot – blubber – кашалот* и *l'homme de verre – Glass Man – стеклянный человек*).

Как видно из приведенных примеров, основным приемом передачи имен собственных на английский и русский языки является транскрипция, причем при переводе на английский часто используется минус-прием (отсутствие перевода), при котором на языке перевода сохраняется орфография исходного языка. На русском языке перевод осуществлен посредством транскрипции, с соблюдением норм переводящего языка.

Библиографический список

- Ivarsson, Jan, Carroll, Mary. Code of Good Subtitling Practice. Approved at the meeting of the European Association for Studies in Screen Translation in Berlin. – Berlin, 1998. – 17.10.
- Gambier, Yves. Adaptation: une ambiguïté à interroger/Meta: journal des traducteurs // Meta: Translators' Journal. – 1992. – Vol. 37. – № 3.
- Gambier, Yves. Les censures dans la traduction audiovisuelle // TTR: traduction, terminologie, rédaction. – 2002. – Vol. 15. – № 2.
- Gambier, Yves. La traduction audiovisuelle: un genre en expansion // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 2004. – Vol. 49. – № 1.
- Marleau, Lucien. Les sous-titres... un mal nécessaire // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1982. – Vol. 27. – № 3.
- Diaz Cintas, Jorge. Back to the Future in Subtitling/MuTra 2005 – Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings – EU-High-Level Scientific Conference Series, 2005.
- Diaz Cintas, Jorge. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement // The Journal of Specialised Translation. – 2004. – Issue 1. – January.
- Diaz Cintas, Jorge. The ever-changing world of subtitling: some major developments. Research on Translation for Subtitling in Spain and Italy. John D. Sanderson (ed.). – University of Alicante, 2005.
- Diaz Cintas, Jorge. Munoz Sanchez, Pablo. Fansubs: Audiovisual Translation in an Amateur Environment // The Journal of Specialised Translation. – 2006 – Issue 6. – July.
- Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М., 1980.
- Blinn, Milka D. Dubbed or Duped? Path Dependence in the German Film Market: An Inquiry into the Origins, Persistence, and Effects of the Dubbing Standard in Germany. – Berlin, 2009.
- Круглый стол в редакции «Мостов». Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина. Мосты. – М., 2005. – № 4(8).
- Card, Lorin. Je vois ce que vous voulez dire: un essai sur la notion de l'équivalence dans les sous-titres de 37e 2e le matin et de Au revoir les enfants // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1998. – Vol. 43. – № 2.

Bibliography

- Ivarsson, Jan, Carroll, Mary. Code of Good Subtitling Practice. Approved at the meeting of the European Association for Studies in Screen Translation in Berlin. – Berlin, 1998. – 17.10.

2. Gambier, Yves. Adaptation: une ambiguïté à interroger/Meta : journal des traducteurs // Meta: Translators' Journal. – 1992. – Vol. 37. – № 3.
3. Gambier, Yves. Les censures dans la traduction audiovisuelle // TTR: traduction, terminologie, redaction. – 2002. – Vol. 15. – № 2.
4. Gambier, Yves. La traduction audiovisuelle: un genre en expansion // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 2004. – Vol. 49. – № 1.
5. Marleau, Lucien. Les sous-titres... un mal nécessaire // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1982. – Vol. 27. – № 3.
6. Diaz Cintas, Jorge. Back to the Future in Subtitling/MuTra 2005 – Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings – EU-High-Level Scientific Conference Series, 2005.
7. Diaz Cintas, Jorge. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement // The Journal of Specialised Translation. – 2004. – Issue 1. – January.
8. Diaz Cintas, Jorge. The ever-changing world of subtitling: some major developments. Research on Translation for Subtitling in Spain and Italy. John D. Sanderson (ed.). – University of Alicante, 2005.
9. Diaz Cintas, Jorge. Munoz Sanchez, Pablo. Fansubs: Audiovisual Translation in an Amateur Environment // The Journal of Specialised Translation. – 2006 – Issue 6. – July.
10. Vlahov, S.I. Neperevodimoe v perevode / S.I. Vlahov, S.P. Florin. – M., 1980.
11. Blinn, Milka D. Dubbed or Duped? Path Dependence in the German Film Market: An Inquiry into the Origins, Persistence, and Effects of the Dubbing Standard in Germany. – Berlin, 2009.
12. Kruglihiy stol v redakcii «Mostov». Kinoperevod: malo chto ot Boga, mnogo chego ot Goblina. Mostih. – M., 2005. – № 4(8).
13. Card, Lorin. Je vois ce que vous voulez dire : un essai sur la notion de l'équivalence dans les sous-titres de 37°2 le matin et de Au revoir les enfants // Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. – 1998. – Vol. 43. – № 2.

Статья поступила в редакцию: 08.05.12

УДК 81'25

Filippova I.N. **VERBAL REDUNDANCY IN THE INTERPRETATION'S THEORY.** The article reveals translation's problems of redundancy under bilanguage conditions. The advantage of integrated interpretative-transformational approach to translation is proved, primary techniques of translation and translation universals' influence dealing with redundancy are revealed.

Key words: redundancy, translation, interpretation, transformation, translation universals.

И.Н. Филиппова, канд. филол. наук, доц., ФГОУ ВПО Московский гос. областной университет,
E-mail: inf.perevod@gmail.com

ВЕРБАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОНИЗМА

В статье рассмотрены проблемы перевода избыточности в двуязычии. Доказано преимущество комплексно-го интерпретативно-трансформационного перевода, выявлены основные приемы и действие универсалий перевода при передаче избыточности.

Ключевые слова: избыточность, перевод, интерпретация, трансформация, переводческие универсалии.

В современном переводоведении интерпретативный подход обретает все больше сторонников и получает дальнейшее развитие отдельных положений в рамках разнообразного языкового материала (разных языковых пар и комбинациях перевода) и разнообразных ситуациях межъязыковой коммуникации (разных формах и видах перевода). В настоящей статье представлены результаты исследования, посвященного поиску оптимального перевода избыточности (выбору стратегии, подхода, отдельных приемов) в немецко-русской и русско-немецкой комбинациях.

В двуязычной коммуникации, опосредованной переводом, избыточность традиционно рассматривается с двух сторон: как множественность и кратность языкового кода и как чрезмерность и прогнозируемость экстралингвистической информации, составляющей предмет коммуникации. В настоящем исследовании предлагается комплексный подход к избыточности, интегрирующий названные полярные точки зрения, апеллирующий к сопряжению лингвистической и экстралингвистической избыточности. Взаимопроникновение и взаимозависимость избыточности, заданной в системе языка, и избыточности, заданной в предметной ситуации и условиях коммуникации, являются одним из факторов, осложняющих изучение этого многогранного феномена. При комплексном подходе расширяются границы объекта анализа, дифференцируются его отдельные манифестации, детализируется классификация [1, с. 150-155]. Отход от линейного синкретичного рассмотрения избыточности позволяет раскрыть ее иерархическую организацию [2, с. 121-135] и на ее основе прогнозировать и оптимизировать переводческую деятельность, достигнуть адекватного перевода и таким образом содействовать эффективной коммуникации.

Среди онтологических свойств избыточности, обременяющих ее анализ, следует особо отметить два принципиальных свойства. Наибольшие затруднения в классификации и типологизации избыточности детерминирует синкретичность ее манифестаций: *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie* [3, с. 31]. Избыточность нерелевантной информации о местонахождении словаря Дудена представлена в сочетании *steht im*

Bücherregal в купе с избыточностью указания на род и падеж подлежащего *Der Duden* (с одной стороны) и дополнения *im Bücherregal* (с другой стороны) и избыточностью указания на долготу гласного в условно закрытом слове *steht*. Кумулятивный характер проявляется в тесном взаимодействии форм избыточности в речевом континууме, создающем комплекс взаимозависимых и взаимообусловленных элементов в тексте и текстов в свертковом коммуникативном пространстве. **TRIPOLIS:** *Angesichts der gefährlichen Lage in Libyen haben zahlreiche Staaten ihre Anstrengungen verstärkt, eigene Staatsbürger aus dem nordafrikanischen Land herauszuholen. Nach Angaben des Auswärtigen Amtes in Berlin soll eine weitere Lufthansa-Maschine Ausreisewillige in Tripolis abholen. Auch der erneute Einsatz von zwei Bundeswehrflugzeugen sei geplant. Die Türkei holte in einer ersten Aktion rund 3000 ihrer Staatsbürger mit zwei Fähren aus der libyschen Stadt Bengasi ab. US-Bürger werden nach Angaben der Regierung in Washington zunächst nach Malta gebracht. Tausende Arbeiter aus Indien, China und anderen asiatischen Staaten sollen auf dem Landweg, per Schiff oder mit Flugzeugen aus Libyen evakuiert werden* [4]. На уровне текста здесь вычленились сопряженные формы избыточности: кратность указания на место событий *Libyen ~ das nordafrikanische Land* и кратность указания на процесс *herauszuholen ~ abholen ~ bringen ~ evakuieren*. Очевидная сложность избыточности, нерешенность многих вопросов ее онтологии обуславливает актуальность сравнительно-сопоставительного анализа ее передачи в двуязычии и требует обратиться к поиску методологической переводоведческой базы.

Интерпретационизм, отдельные аспекты которого развивались отечественными (Т.И. Бодрова-Гоженмос, Л. Виссон, З.Д. Львовская; Р.К. Миньяр-Белоручев; Г.Э. Мирам; Л.Л. Нелюбин, Г.В. Чернов) и зарубежными теоретиками перевода (Е.-А. Гутт, М. Lederer, Е.А. Nida, D. Seleskoitch), имеет, главным образом, следующие преимущества перед трансформационно-субститутивной моделью перевода:

- отход от семантико-структурного параллелизма [5, с. 230], предполагающий большую свободу в отношении пере-

дачи собственно материальной стороны исходного текста (далее ИТ);

- большее внимание к экстралингвистическим составляющим предметной ситуации коммуникации (социокультурным, лингвокогнитивным, этнопсихолнгвистическим аспектам);
- большее внимание к содержательно-идеальной (прагматической, интенциональной) стороне ИТ.

В переводоведении принято конфронтировать интерпретационизм и трансформации. Трансформационный перевод понимается как преобразование материальной стороны ИТ (объектов и структур всех языковых уровней, т.е. лексем, синтаксических единиц, фразеологем и т.п.) в объекты и структуры ПЯ. Интерпретационизм рассматривает смысл (концепт, информацию) как главный предмет коммуникации, опосредованной переводом. Однако, при внимательном анализе обнаруживается не столь существенное противоречие между названными подходами. Думается, что в практике перевода отказ от жесткой дихотомии трансформационного и интерпретативного подходов позволяет выявить их комплементарную взаимосвязь. Рассмотрение трансформации как технологии перевода, а интерпретации – как идейной, абстрагированной, теоретической базы перевода может служить комплексным подходом, оптимизирующим процесс перевода и аппроксимирующим его результат.

Такой подход позволяет имплицировать избыточность языкового кода в ИТ, реализованную различными моделями, и нивелировать факты избыточности в тексте перевода (далее ПТ) для облегчения процесса коммуникации. Так, в ИТ *Menschen, die nicht lesen und schreiben können, gibt es nicht nur in armen Entwicklungsländern, sondern auch im reichen Industrieland Deutschland* [6] представлен «формальный повтор» на морфемно-морфологическом уровне системы языка, где типичной для немецкого языка манифестацией избыточности служит дублирование морфем. При сравнительно-сопоставительном анализе констатируется большее распространение такой модели и ее частных манифестаций в немецком языке в силу более активного словосложения (чем в русском языке). При субституции избыточность эксплицируется и копируется в ПТ: «*Люди, не умеющие читать и писать, есть не только в бедных развивающихся странах, но и в такой богатой и процветающей стране как Германия*». Прямая тавтология может быть завуалирована как скрытый повтор «*Люди, не умеющие читать и писать, есть не только в бедных развивающихся странах, но и в таком богатом и процветающем государстве как Германия*». Однако это не существенное изменение для качества перевода. Очевидно, что информация, содержащаяся в дублированной морфеме *-land (Industrieland)* не представляет интереса, поскольку когнитивной компетенции любого потенциального адресата ПТ достаточно для понимания того, что Германия – страна. Этот сегмент избыточен, лишь обременяет коммуникацию и должен быть изъят. При большем внимании к содержательной стороне ИТ такую модель избыточности следует устранить из-за расхождения языковых систем конфронтируемых языков. Тогда избыточность языкового кода получает нулевую манифестацию, т.е. становится нивелируемой: «*Люди, не умеющие читать и писать, есть не только в бедных развивающихся странах, но и в богатой и процветающей Германии*». В данном случае проявляется действие такой переводческой универсалии как нормализация или консерватизм [7], т.е. приведение текста к нормам литературного ПЯ. Полная реализация стратегии нормализации приводит к строгой стандартизации ПТ [8] и утрате маркеров неаутентичности текста [9, с. 195], свидетельствующих о высоком качестве перевода.

При обращении к иным моделям избыточности, экстралингвистическим, переводческая задача существенно усложняется, т.к. избыточность в текстовом континууме приобретает новые черты. Например, в реализации модели «прагматическая множественность» избыточность, выходя за рамки языкового кода, получает дополнительную смысловую нагрузку и служит реализацией интенции автора: *Ob ein Vorname genehmigt wird, entscheidet Rodriguez nach drei einfachen Kriterien: Erstens muss der Name als Vorname erkennbar sein, zweitens muss man dem Namen ein Geschlecht zuordnen können und schließlich muss der Name zum Wohle des Kindes sein. "Whisky" wurde zum Beispiel abgelehnt, weil das Kind nicht schon von der Wiege an als Trinker stigmatisiert werden darf. "Schulze" ist nicht erlaubt, weil es ein Nachname ist* [10]. Коррелирующую с дискурсом избыточность возможно сохранить при субститутивном переводе: «*О допустимости имени Родригесс судит по трем простым критериям: во-первых, имя должно быть именем, во-вторых имя должно соотноситься с полом, и, наконец, имя должно быть ре-*

бенку во благо. Например "Виски" было отвергнуто, т.к. ребенка нельзя с рождения ассоциировать с алкоголиком. "Шульце" недопустимо, т.к. это фамилия». При такой передаче нивелируется только последний факт избыточности, манифестация «формального повтора», детерминируемая только языковой системой (фамилия в ПТ). Остальные факты избыточности копируются в ПТ, значительно осложняя его восприятие. Для облегчения коммуникации необходима импликация этих фактов избыточности и множественные трансформации текстового материала: «*О допустимости имени Родригесс судит по трем простым критериям: во-первых, это должно быть имя, а не фамилия как, например, Шульце, во-вторых, оно должно соотноситься с полом ребенка, и, наконец, оно не должно ему вредить как, например, "Виски", т.к. ребенка с рождения будут ассоциировать с алкоголиком*». Тенденцию к упрощению вербализации смысла в переводе принято рассматривать как симплификацию [11; 12].

К экстралингвистическим манифестациям избыточности относятся также языковые факты, связанные с проявлением политкорректности в отношении гендерного аспекта, имеющем особое значение в немецкоязычном социуме и составляющем «норму языкового поведения – код соответствующего языка» [13, с. 114]. Эта проблема представляет интерес при передаче гендерной эвфемии с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. В немецко-русской комбинации отмечается тенденция к импликации: *Da denke ich auch an unsere Soldatinnen und Soldaten in Afghanistan* [14]. В системе русского языка имеется возможность деривации существительного *солдат* в женский род (*солдатка*), но полученная единица не является семантическим эквивалентом исходной. Информация, содержащаяся в ИТ и принципиально значимая для носителей ИЯ, может быть представлена в форме приложения: «*В связи с этим я думаю и о наших военнослужащих в Афганистане, мужчинах и женщинах*». В русскоязычном социуме политкорректность менее развита, поэтому уточнение о гендерном различии военнослужащих вызывает у адресата ПТ замешательство, отвлекая его внимание от основного содержания и создавая ситуацию, близкую к коммуникативной неудаче. Во избежание эксплицитной избыточности, не имеющей релевантного значения для адресата ПТ, следует ее изъять: «*В связи с этим я думаю и о наших военнослужащих в Афганистане*». Данный пример ярко иллюстрирует тесную связь симплификации и нормализации, т.к. приведение ПТ в соответствие с нормами ПЯ допускает упрощение ПТ и обуславливает устранение избыточных элементов.

Важно отметить, что в русско-немецкой комбинации наблюдается обратная тенденция, выраженная в экспликации гендерной эвфемии. *Уважаемые профессора!* Экстралингвистический контекст предполагает присутствие (или гипотетическую возможность присутствия) в академической аудитории лиц и мужского и женского пола. Однако в данном случае языковая норма отфильтровывает потенциальную деривацию существительного *профессор* в женский род, что обусловлено историко-культурными особенностями. При переводе необходимо учесть данные различия и эксплицировать скрытую информацию: «*Hochgeehrte Professorinnen und Professoren!*» Это отражение экспликации, общей тенденции – эксплицировать информацию, имплицитно представленную в исходном тексте [15, с. 60], порождать тексты, более эксплицитные, чем оригинал [16, с. 71]. В данном примере усматривается «обязательная экспликация» [17, с. 82] или «уточнение» [18, с. 34].

Степень дискретности описания предметной ситуации также формирует базу расхождений фактов избыточности в конфронтируемых языках. Под предметной ситуацией понимается обозначение описываемых в тексте предметов и связей между ними, обусловленных социокультурной традицией. «Носители разных языков по-разному воспринимают факты и явления, поскольку эти явления по-разному выражены и сформулированы на их языках» [19, с. 44]. В связи с этим одни и те же факты и явления получают разное отражение в русском и немецком языках, допуская возможность выразить одно и то же содержание подробно и пространно или кратко и емко. Экстралингвистическая избыточность, детерминируемая национальными стереотипами на дескриптивном уровне, определяет различную степень прецизирования признаков описываемой предметной ситуации. *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie* [3, с. 31]. Для адресата ПТ информация о местонахождении словаря (на книжной полке, на полке в книжном шкафу) является нерелевантной, очевидной и, следовательно, коммуникативно избыточной. При ее изъятии и нулевой передаче семантически бедного глагола *stehen* восприятие пропозиции о наличии словаря в каждой семье существенно облегчается: «*Сейчас, пожа-*

луй, нет такой семьи, где бы не было словаря Дудена». По аналогии с классификацией экспликации, предложенной К. Клауди, такую форму симплификации следовало бы считать прагматической.

Подводя итоги сравнительно-сопоставительного анализа, необходимо подчеркнуть, что в целом единство интерпретации и трансформации представляется более перспективным для передачи избыточности, позволяя облегчить межкультурную коммуникацию. Представленный анализ фактов избыточности и особенностей их передачи в немецко-русской и русско-немецкой комбинациях перевода позволяет сделать следующие выводы:

1. Избыточность является объективной переводческой проблемой, т.к. в конфронтируемых языках ее манифестация детерминирована, различием систем и норм языков, а также лингвокультурологическими, лингвокогнитивными и этнопсихолингвистическими особенностями презентации информации в ИТ и ПТ.

2. Основные приемы передачи избыточности сопряжены с комбинацией перевода и моделью избыточности. Импликация языковой избыточности отражает общую тенденцию нормализации. Изъятие или экспликация экстралингвистической избыточности детерминируются степенью ее коммуникативной значимости: передача нерелевантной информации обнаруживает тенденцию симплификации, релевантной – тенденцию экспликации).

Библиографический список

1. Филиппова, И.Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского государственного университета. – 2011. – № 1. – Серия: Лингвистика.
2. Филиппова, И.Н. Иерархическая организация вербальной избыточности // Проблемы теории языка и переводоведения. – 2012. – № 39.
3. Kurz und bündig. Deutschlandsbild. – Leipzig, 1988.
4. Tripolis // Langsam gesprochene Nachrichten. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14861919,00.html>
5. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М., 2003.
6. Entezari, M. 7,5 Millionen Analphabeten in Deutschland. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15438644,00.html>
7. Baker, M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. – Amsterdam, 1996.
8. Bloch, I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. – Bar Ilan, 2005.
9. Кошкин, Р.К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2006.
10. Arnold, R. Unmögliche und mögliche Vornamen. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5448467,00.html>
11. Toury, G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. – Tel Aviv, 1991.
12. Shlesinger, M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation. The Translator. – Manchester, 1995.
13. Белл, Р.Т. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. – М., 1980.
14. Feiertagsansprache von Bundespräsident Horst Köhler. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5053821,00.html>
15. Toury, G. In search of a Theory of Translation. – Tel Aviv, 1980.
16. Chesterman, A. The Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory. – Philadelphia/Amsterdam, 1997.
17. Klaudy K. Explication. Routledge Encyclopedia of Translation Studies edited by M. Baker – London/New York, 1998.
18. Dimitrova, B. Expertise and Explication in the Translation Process. – Amsterdam/Philadelphia, 2005.
19. Виссон, Л. Синхронный перевод с русского на английский. – М., 1999.

Bibliography

1. Filippova, I.N. Klassifikacija verbalnoj izbihtchnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 1. – Seriya: Lingvistika.
2. Filippova, I.N. Ierarkhicheskaya organizaciya verbalnoj izbihtchnosti // Problemih teorii yazihka i perevodovedeniya. – 2012. – № 39.
3. Kurz und bündig. Deutschlandsbild. – Leipzig, 1988.
4. Tripolis // Langsam gesprochene Nachrichten. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14861919,00.html>
5. Nelyubin, L.L. Tolkovihy perevodovedcheskiy slovarj. – M., 2003.
6. Entezari, M. 7,5 Millionen Analphabeten in Deutschland. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15438644,00.html>
7. Baker, M. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead. – Amsterdam, 1996.
8. Bloch, I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. – Bar Ilan, 2005.
9. Koshkin, R.K. Osobennosti normativnoj deviacii v perevodnom diskurse: avtoref. dis... kand. filol. nauk. – M., 2006.
10. Arnold, R. Unmögliche und mögliche Vornamen. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5448467,00.html>
11. Toury, G. Introducing Translation Theory: Selected Articles. – Tel Aviv, 1991.
12. Shlesinger, M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation. The Translator. – Manchester, 1995.
13. Bell, R.T. Sociolingvistika: celi, metodih i problemih. – M., 1980.
14. Feiertagsansprache von Bundespräsident Horst Köhler. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5053821,00.html>
15. Toury, G. In search of a Theory of Translation. – Tel Aviv, 1980.
16. Chesterman, A. The Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory. – Philadelphia/Amsterdam, 1997.
17. Klaudy K. Explication. Routledge Encyclopedia of Translation Studies edited by M. Baker – London/New York, 1998.
18. Dimitrova, B. Expertise and Explication in the Translation Process. – Amsterdam/Philadelphia, 2005.
19. Visson, L. Sinkhronnihy perevod s russkogo na anglijskiy. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 811. 512.153

Chugunekova A.N. **MODELS OF THE MOVEMENT, FOCUSED RATHER CERTAIN SPATIAL OBJECT** (on a material of Khakass language). In this article the models of a simple sentence constructed on the block diagram of $N=1$ $N=1/4$ $V=дв$ are described. These models characterize the movement, focused rather spatial object. Five models are revealed and analysed: model of overcoming of an obstacle, model of complete coverage of space, movement model along spatial object, movement model up on spatial object, movement model down on spatial object.

Key words: movement predicates, localizer, uncertain and accusative cases, models of overcoming of an obstacle, model of complete coverage of space, movement model along spatial object, movement model up on spatial object, movement model down on spatial object.

А.Н. Чугунекова, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

МОДЕЛИ ДВИЖЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА)

В статье описаны модели простого предложения, построенные по структурной схеме $N=1$ $N=1/4$ $V=дв$. Эти модели характеризуют движение, ориентированное относительно пространственного объекта. Выявлено и про-

анализировано пять моделей: модель преодоления препятствия, модель полного охвата пространства, модель движения вдоль пространственного объекта, модель движения вверх по пространственному объекту, модель движения вниз по пространственному объекту.

Ключевые слова: предикаты движения, локализатор, неопределенный и винительный падежи, модели преодоления препятствия, модель полного охвата пространства, модель движения вдоль пространственного объекта, модель движения вверх по пространственному объекту, модель движения вниз по пространственному объекту.

Задачей настоящей статьи является описание моделей простого предложения, формируемых глаголами движения. Модель понимается нами в соответствии с тем, как это понятие трактуется в работах новосибирской синтаксической школы: план выражения модели есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция [1, с. 7]. Все необходимые компоненты структурной схемы фиксируются в ней при помощи условных символов, которые соответствуют частям речи и содержат грамматические дескрипторы нижнего индекса.

Модели движения являются наиболее многочисленным и разнообразным блоком моделей. Этот блок моделей включает:

1) модели, которые описывают путь субъекта или объекта: направление движения из/в какую-либо точку пространства и трассу движения; 2) модели, описывающие движение относительно определенной точки пространства, а именно преодоление, полный охват пространства или движение в обход пространственного объекта. Основанием для выделения этих двух блоков моделей служит их типовое значение. Структурные схемы данных моделей различаются [2, с. 87-88].

Вторая группа моделей, отличается от других моделей движения тем, что характеризует движение, ориентированное относительно определенного пространственного объекта [2, с. 147]. Эта модель не сочетается ни с координатой старта, ни с координатой финиша и ни с координатой трассы движения.

Структурной особенностью моделей этой группы является наличие объекта, выраженного винительным и неопределенным падежом имени.

Структурная схема описываемой модели движения имеет следующий вид: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=\partial\partial\}$.

В этой формуле символ $N=1$ представляет форму неопределенного падежа, подлежащего конструкции, $N=1/4$ – локализатор в неопределенном ($=0$) и винительном ($=N\text{Ы}$) падежах, $V=\partial\partial$ – глагол движения (предикат).

Первый компонент этой модели, активный субъект, представляется именем в неопределенном падеже, обозначающим человека и животных. Второй – пространственный объект, выраженный именем в винительном (или неопределенном) падежах. Предикатами в данной модели выступают глаголы движения (далее – ГД).

В хакасском языке это следующие ГД: *кис*= '1) переходить что-либо; 2) переправляться через что-либо'; *алта*= '1) перешагивать; 2) перелезть'; *ас*= 'переваливать'; *йм*= '1) проходить, пробираться; 2) пролезать, проникать'; *урт*= ЛСВ 'проходить, миновать'; *тобыр*= ЛСВ 'пробираться'; *ибир*= ЛСВ '1) обходить, объезжать, окружая, обгибая кого-либо, что-либо; 2) пройти по всему пространству чего-либо; исходить'; 3) объезжать, побывать во многих местах'; *чир сал*= 'обойти, объехать'; *хаста*= 'ходить (ездить) вдоль чего-либо'; *тцсте*= 'идти по подножию, краю чего-либо'.

Выбор между неопределенным и винительным падежами определяется желанием говорящего подчеркнуть определенность преодолеваемого пространства (винительный падеж) или, напротив, его неопределенность, втянутость в семантическую структуру глагола и характеризующий оттенок у имени пространства. Винительному падежу в большей степени свойственно значение полного преодоления пространства, в то время как неопределенный падеж чаще имеет значение трассы движения [3, с. 110].

В хакасском языке выделяются пять моделей движения, ориентированного относительно пространственного объекта: модель преодоления пространства, модель полного охвата пространства, модель движения вдоль пространственного объекта, модель движения вверх по пространственному объекту и модель движения вниз по пространственному объекту.

Основанием для выделения этих моделей является их типовое значение.

1. Модель преодоления препятствия

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=\partial\partial\}$.

Пропозиция данной модели – «преодоление движущимся субъектом какого-либо пространственного объекта» [2, с. 148]. В состав этой модели включаются три компонента: 1) предикат

движения; 2) преодолеваемый объект; 3) активный субъект. Субъект представляется одушевленным именем, преодолеваемый объект выражается именем, обозначающим пространственный ориентир.

Предикатом в данной модели в хакасском языке являются глаголы движения, которые инкорпорируют значение преодолеваемого пространства.

Преодолеваемое пространство – это векторно-линейная координата, обозначающая сопостранственность с пространством, выраженным опорным локумом, и достижение его «противоположной стороны» как результат движения при фактичности значения локативного предиката [3, с. 111]. Препятствие предстает как прямой объект действия: *перейти реку, проехать станцию, остановку*; сходные сдвиги представления о движении связаны и с «круговым» движением типа обойти лужу и т.п. [4, с. 51].

Приведем примеры:

Олар даа пу сын=ны асчаттырлар (ФБ, ТО, 68) 'И они тоже переваливают этот хребет'; *Пайаагы суухах=ты кис парды* (СЧ, АЕХ, 4) 'Ту же речку перешел'; *Прайзы чол=0 кискеннер* 'Все переходили дорогу'.

Семантическое варьирование модели преодоления препятствия

Семантическое варьирование модели обусловлено значением, входящих в нее компонентов, а именно лексическим значением глагола, формирующего предикат модели, и имени, выступающего в качестве преодолеваемого объекта [2, с. 148].

В хакасском языке выделяются четыре семантических варианта модели преодолеваемого объекта:

1. Вариант со значением преодоления препятствия определенным образом, а именно *вплава и пешком*. Данный вариант в хакасском языке формируется глаголами: *кис*= '1) перейти что-либо; 2) переправляться через что-либо'; *ас*= 'переваливать через что-либо'.

В хакасском языке при глаголе *кис*= преодолеваемым объектом является *водное пространство* и *дорога*. Например: *Камзар улуу чол=ны кискен* (ИТ, Т, 7) 'Камзар перешел широкую улицу'; *Амды мин чухыхтар=ны кисчем* (ХП, 1) 'Теперь я переправляюсь через речушки'; *Пүүн мин нинченче хатап суг=0 кискем* 'Сегодня я несколько раз переправлялся через реку'; *Хайдаг-да кизи суг=0 кисче* 'Какой-то человек переплывает реку'; *Сохырах, хузуриин пулгал ала, чол=0 кисче* 'Сохырах, виляя хвостом, переходит дорогу'.

2. Вариант со значением преодоления *седловины горы, перевала, горы*. Данный вариант формируется глаголом *ас*= 'переваливать через что-либо'.

Преодоление какой-либо вершины представляет собой двусторонний процесс. Первая фаза – движение вверх до вершины, вторая – движение вниз, спуск: *Пис угаа пззик таг=ны асхабыс* 'Мы перевалили очень высокую гору'; *Олар улуу пил=н асханнар* (ХО, 86) 'Они перешли большой перевал'; *Гришаның аттары ам-амох пил=0 ас килерлер* (СЧ, АЕХ, 156) 'Гришины кони вот-вот переправятся через перевал'; *Нинчен-нинчен хатап таг=0 асхам* 'Несколько раз переваливал через гору'.

1. Вариант со значением преодоления *порога дома, невысокого забора*. Данный вариант формируется глаголом *алта*= '1) перешагивать; 2) перелезть'. Например: *Оолаиас иркен=н чалчау алтабысча* 'Мальчик быстро перешагивает через порог'; *Чуртың иркінін алтабысхан* (ХЧ, 7) '[Он] перешагнул порог дома'.

2. Вариант со значением преодоления *густого леса, тайги, широкого поля*. Данный вариант формируется глаголами *от*= ЛСВ 'проходить, пробираться, пересекать (поле)' и *тобыр*= ЛСВ 'проходить, пробираться, пробиваться через что-либо'.

Например: *Хойыг агас=ты отерге* (ХРС, 330) 'Проходить (пробираться) через густой лес'; *Хараа тооза аухылар кизи урт полбас тайга=ны тобырганнар* 'Всю ночь охотники преодолевали непроходимую тайгу'.

2. Модель полного охвата пространства

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=дв\}$.

Пропозиция данной модели – «охват движением определенного пространственного объекта». В состав данной модели, также как и в предыдущей модели, входят три компонента: 1) *предикат движения*; 2) *объект-локатив* – *некоторый статический пространственный объект, относительно которого происходит движение*; 3) *субъект*. Субъект представлен одушевленным именем, объект-локатив – пространственным именем.

В качестве предиката в данной модели используются ГД со значением полного охвата движением определенного пространственного объекта: *ибір=* в ЛСВ 'пройти, проехать по всему пространству *чего-либо*'; *исходить*, *чөр сал=* 'обойти, объехать'.

Приведем пример реализации этой модели:

Чир=0 ибйрерге (ХРС, 113) 'Объездить весь мир'.

Семантическое варьирование модели полного охвата пространства

Семантическое варьирование модели полного охвата пространства обусловлено значением предиката.

В хакасском языке выделяются два варианта модели:

1. Вариант со значением охвата движением поверхности земли. Этот вариант модели формируется при помощи глаголов *ибір=* в ЛСВ 'пройти по всему пространству *чего-либо*'; *исходить*, *чөр сал=* 'обойти, объездить'.

Например: *Ниче хати Орис пабызынаң пу чазылар=ны ибйр салған* (ТБ, О, 18) 'Сколько раз уже Орис с отцом обошла эти поля'; *Сини көрәлөп, прай аал=ны ибйрдём* (СЧ, АЕХ, 118) 'Тебя разыскивая, всё село обошёл'; *Кичее пу чазы=ны прай чазаң чөр салған* (ХЧ, 68) 'Вчера все это поле обошел пешком'; *Он чыл мының аллында прай Хакасия=ны ибйр салгабыс* (ХЧ, 3) 'Десять лет тому назад объездили всю Хакасию'.

2. Вариант со значением охвата движением пространства по круговой траектории, который формируется при помощи глагола *ибір=* в ЛСВ 'обходить, объезжать, окружая, огибая *что-либо*': *Көл=0 ибйрерге* (ХРС, 113) 'Объехать озеро'; *Аал=0 ибйрерге* (ХРС, 113) 'Обойти [всё] село'; *Хайзы аңнар кун тооза чазы=0 ибйр чөрчелер* (СЧ, АЕХ, 156) 'Некоторые звери целый день ходят вокруг поля'; *А мин ибй=ни пасха саринаң ибйргем* (КТ, 170) 'А я дом обошел с другой стороны'; *Ала саасханнар ла аал аразы=н ибйрчелер* (СЧ, АЕХ, 156) 'Только сороки-белобоки облетают все село'.

3. Модель движения вдоль пространственного объекта

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1/4 \ V=дв\}$.

Пропозиция модели – «движение субъекта вдоль пространственного объекта». В состав модели входят три компонента: 1) предикат движения; 2) огибаемый объект; 3) субъект. Субъект представлен одушевленным именем, объект – пространственным или предметным именем.

В качестве предиката в модели используются ГД, инкорпорирующие значение движение вдоль, мимо пространственного объекта: *хаста=* 'ходить (ездить) вдоль *чего-либо*' и *төсте=* 'идти по подножию, краю *чего-либо*'.

Приведем пример реализации модели:

Чол=0 хастурга (ХРС, 820) 'Идти вдоль дороги'.

Семантическое варьирование модели движения вдоль пространственного объекта

Семантическое варьирование данной модели обусловлено значением глагольного предиката.

Выделяются три варианта модели:

1. Вариант со значением движения вдоль *чего-либо*, который формируется при помощи глагола *хаста=* 'ходить (ездить) вдоль *чего-л.*'

Библиографический список

- Серээдар, Н.Ч. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири / Н.Ч. Серээдар, Е.К. Скрибник, М.И. Черемисина. – Новосибирск, 1996.
- Шилова, В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. – Новосибирск, 2003. – Ч. 2.
- Невская, И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). – Новосибирск, 2005.
- Черемисина, М.И. Модель (гипермодель) описания действия $\{N=1 \ N=4 \ (N=7) \ Vtr\}$ // Языки коренных народов Сибири / под. ред. М.И. Черемисиной, Е.К. Скрибник. – Новосибирск, 1998.

Bibliography

- Serehehdar, N.Ch. Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozheniy nalichiya, lokalizatsii, kolichestva i otsutstviya v tyurkskikh yazykhakh Yuzhnoy Sibiri / N.Ch. Serehehdar, E.K. Skribnik, M.I. Cheremisina. – Novosibirsk, 1996.
- Shilova, V.V. Prostranstvenniye modeli ehlementarnykh prostykh predlozheniy v neneckom yazyhke. – Novosibirsk, 2003. – Ch. 2.
- Nevskaya, I.A. Prostranstvenniye otnosheniya v tyurkskikh yazykhakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyhka). – Novosibirsk, 2005.
- Cheremisina, M.I. Modelj (gipermodelj) opisaniya deystviya $\{N=1 \ N=4 \ (N=7) \ Vtr\}$ // Yazyki korennnykh narodov Sibiri / pod. red. M.I. Cheremisinoj, E.K. Skribnik. – Novosibirsk, 1998.

Например: *Хыстар кооп=0 хастап килчелер* (СЧ, АЕХ, 24) 'Девушки идут вдоль канавы'; *Суғ=0 хастурга* (ХРС, 820) 'Идти по берегу'; *Хана=0 хастурга* (ХРС, 820) 'Ходить вдоль забора'.

2. Вариант со значением движения по подножию горы, который формируется при помощи глагола *төсте=* 'идти по подножию, краю *чего-л.*'

Например: *Ах тайга=ны төстөп парды* (фолькл.) 'Он ехал по подножию белой тайги'; *Көк тайга=ны төстөп парарга* (ХРС, 666) 'Ехать (идти) по краю зеленой тайги'.

3. Модель движения вверх по пространственному объекту

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1 + чоғар \ V=дв\}$.

Пропозиция модели – «движение субъекта вверх по пространственному объекту». В состав модели входят три компонента: 1) предикат движения; 2) объект, в качестве которого выступает *река, гора* – трасса перемещения; 3) субъект.

Субъект представляется одушевленным именем. Объект движения передается именем в неопределенном падеже в сочетании с пространственным послелогом *чоғар* 'вверх'.

В качестве предиката в данной модели чаще используются глаголы направленного движения: *пар=* «идти, ехать», *чүгүр=* «бежать, бегать», *сых=* 'подниматься'.

Например: *Суғ=0 чоғар парыбысханнар* 'Ушли вверх по течению реки'; *Түлгүчек холл=0 чоғар чүгүрйіскен* 'Лисичка убежала вверх по лугу'.

4. Модель движения вниз по пространственному объекту

Структурная схема модели: $\{N=1 \ N=1+индйре \ V=дв\}$.

Пропозиция модели – «движение субъекта вниз по пространственному объекту». В состав модели входят три компонента: 1) предикат движения; 2) объект, в качестве которого выступает *река, гора* – трасса перемещения; 3) субъект.

Субъект представляется одушевленным именем. Объект движения передается именем в неопределенном падеже в сочетании с пространственным послелогом *индйре* 'вниз'.

В качестве предиката в данной модели чаще используются следующие глаголы движения: *пар=* «идти, ехать», *чөр=* «идти, уходить», *чүгүр=* «бежать, бегать».

Например: *Маллар суғ=0 индйре парыбысханнар* 'Скот ушел вниз по течению реки'; *Аттар тағ=0 индйре чүгүрйізіскеннер* 'Кони убежали вниз под гору'.

Несмотря на то, что в четвертой и пятой моделях явно присутствует локализатор с семантикой трассы передвижения, мы описали их отдельно от этих моделей. Указанные глаголы требуют употребления объекта в неопределенном падеже в сочетании с пространственными послелогам.

Таким образом, в данной статье рассмотрены модели движения, которые описывают движение активного субъекта относительно определенного пространства. В хакасском языке таких моделей выявлено пять, которые в свою очередь имеют семантические модели.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФНФ (проект № 12-04-00245)

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК: 811.512.141.366

Zubairova I.G. MORPHEMIC STRUCTURE OF LITERARY TERMS IN THE BASHKIR LANGUAGE. The morphemic structure of literary terms of the Bashkir language has been considered in this article. The work on classification of literary terms to root and derivative words has been carried out. The derivative words functioning in the Bashkir language are classified on simple derivative words, compound complex words, the combined compound words, the abbreviated words, pair words, repetitive words. Each group of words has been analyzed from the point of word-formation structure.

Key words: root words, derivative words, simple derivative words, compound complex words, the combined compound words, the abbreviated words, pair words, repetitive words.

И.Г. Зубаирова, аспирант Стерлитамакской гос. педагогической академии им. З. Бишовой, учитель МАОУ «СОШ №21», г. Стерлитамак, E-mail: ilzidka@yandex.ru

МОРФЕМНОЕ СТРОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассмотрено морфемное строение, литературоведческих терминов башкирского языка. Проведена работа по классификации литературоведческих терминов на корневые и производные слова. Производные слова классифицированы на простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова. Каждая группа слов проанализирована с точки зрения словообразовательной структуры.

Ключевые слова: литературоведческие термины, корневые слова, производные слова, простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова.

В башкирском языке слова по своей словообразовательной структуре подразделяются на две группы: корневые (непроизводные) и производные слова. И корневые, и производные слова характеризуются по словообразовательной и морфемной структурам.

По словообразовательной структуре литературоведческие термины делятся на следующие группы: 1) корневые слова; 2) производные слова. Производные слова в свою очередь, можно разделить на следующие группы: простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова [1, с. 92].

1. Корневые слова. С точки зрения словообразования корневое слово – это слово, являющееся первичным по своему происхождению и не имеющее никакого образовательного отношения к другому слову; оно содержит в себе основное лексическое значение: *һуу* 'вода', *аҡ* 'белый', *өс* 'три'.

С точки зрения морфемного строения корневое слово состоит лишь из одного корня; при этом в составе отсутствуют словообразующие аффиксы, могут быть присоединены только формообразующие и словоизменяющие аффиксы: *һуу* 'вода', *һуу-за* 'на воде', *күк* 'синий', *күк-һөл* 'синеватый'.

Среди литературоведческих терминов башкирского языка нами выявлено 268 корневых слов. По своему происхождению они относятся к нескольким языковым пластам:

1) собственно башкирские слова (15 слов): *иртәк* 'эпос', *ижек* 'слог', *йөкмәтке* 'содержание', *йыр* 'песня', *киҫәк* 'часть', *ҡобайыр* 'кубаир', *ҡомартҡы* 'памятник', *өзләү* 'горловое пение', *таҫмаҡ* 'чапушка', *һамаҡ* 'прибаутка', *шаршау* 'действие' и др.;

2) литературоведческие термины, заимствованные из арабского языка (39 слов): *альманах*, *ғәзәл* 'газель', *кинәйә* 'иносказание', *китап* 'книга', *кәтип* 'литератор', *касида* 'касыда', *ода*, *кафия* 'рифма', *хисса* 'рассказ', *мөнәжәт* 'мунажат', *мәғһиә* 'дифирамб', *мәкәл* 'пословица', *мәрсиә* 'элегия', *мәснәуи* 'двустипхия', *мәсәл* 'басня', *нәсәр* 'новелла', *риуәйәт* 'предание', *робағи* 'рубаи', *сәнғәт* 'искусство', *тәнҡит* 'критика', *фажиғә* 'трагедия', *хикәйә* 'рассказ', *хыял* 'воображение', *хәтирә* 'воспоминание', *шағир* 'поэт', *шығыр* 'стихотворение', *әзип* 'писатель', *әзәбиәт* 'литература', *әкиәт* 'сказка' и др.;

3) литературоведческие термины заимствованные из русского языка (8 слов): *былина*, *образ*, *очерк*, *повесть*, *припев*, *слово*, *стопа*, *художник*;

4) термины, заимствованные из персидского языка: *дастан*, *диван*, *илһам* 'вдохновение', *парса* 'миниатюра' и др.

5) литературоведческие термины, заимствованные из иностранных языков через русский язык:

- корневые слова, заимствованные из греческого языка (61 слова): *аксиома*, *аналест*, *анекдот*, *алокопа*, *гимн*, *гlossa*,

- дактиль*, *дифирамб*, *драма*, *идея*, *идиома*, *катарсис*, *литота*, *метод*, *метр*, *миф*, *ода*, *парадокс*, *пародия*, *пауза*, *пафос*, *пегас*, *период*, *позма*, *поэт*, *псалом*, *ритм*, *риторика*, *рифма*, *сарказм*, *символ*, *синекдоха*, *стиль*, *строфа*, *талант*, *тезис*, *тема*, *тип*, *троп*, *характер*, *хор*, *хорей*, *хроника*, *цикл*, *элегия*, *эпопея*, *эпос*, *ямб* и др.;

- литературоведческие термины, заимствованные из латинского языка (30 слов): *комментарий*, *консонанс*, *константа*, *конфликт*, *концепт*, *легенда*, *манифест*, *менестрель*, *октава*, *пастораль*, *персонаж*, *плагиат*, *проза*, *сатира*, *структура*, *текст*, *термин*, *фабула*, *фигура*, *финал*, *форма*, *цезура*, *цензура*, *цитата* и др.;

- корневые слова, заимствованные из французского языка (38 слов): *анонс*, *ассонанс*, *баллада*, *блазон*, *буриме*, *водевиль*, *гротеск*, *деталь*, *жанр*, *жаргон*, *интерьер*, *интрига*, *калька*, *контраст*, *куплет*, *мадригал*, *мемуар*, *моралисте*, *мотив*, *портрет*, *пьеса*, *роль*, *роман*, *сюжет*, *фарс*, *фелетон*, *шарж*, *эссе* и др.;

- корневые слова, заимствованные из итальянского языка (13 слов): *барокко*, *бурлеск*, *кантата*, *карикатура*, *кода*, *либретто*, *миниатюра*, *новелла*, *пасквиль*, *серенада*, *сонет*, *танс*, *сценарий*;

- корневые слова, заимствованные из английского языка (10 слов): *дайджест*, *детектив*, *комикс*, *памфлет*, *сиквел*, *скетч*, *триллер*, *фольклор*, *фэнтези*, *юмор*;

- термины, заимствованные из украинского языка: *бандурист*, *кобзарь*;

- корневые слова, заимствованные из немецкого языка: *кич*, *наррация*;

- корневые слова, заимствованные из древнескандинавского языка: *сага*, *скальд*;

- термин, заимствованный из казахского языка: *өләң* 'песня';

- термин, заимствованный из киргизского языка: *манассы* 'сказатель, манаса';

- термин, заимствованный из кельтского языка: *бард*;

- термин, заимствованный из финского языка: *руно*.

Среди заимствованных литературоведческих терминов, функционирующих в башкирском языке, часто встречаются слова, состоящие из нескольких морфем. По нашим подсчетам таких слов 119, большинство из которых представляет собой заимствования из греческого и латинского языков.

- Гречизмы:

- 1) компонентом выступают морфемы: авто- (автобиография, автология), графо- (графомания), изо- (изоколон), мело- (мелодрама, мелодраматик 'мелодраматический'), мета- (метапроза, метафора), нео- (неореализм), окси- (оксиморон (оксюморон)), пара- (парабола, парафраз), пери- (перифраз), поли- (полисиндетон), псевдо- (псевдоклассицизм), хроно- (хронотоп), эпи- (эпигон, эпиграмма, эпиграф, эпизод, эпилог, эпитет, эпифора);

1) II компонентом выступают следующие морфемы:

-оним (-онимия, -ономазия, -онимик): аллоним, аноним, антоним, антономазия, астроним, метонимик 'метонимический', метонимия, омоним, паронимия, псевдоним, синоним, синонимия;

-лог (-логия, -логизм, -логик): автология, авторология, аксиология, антология, диалогия, идеология, мифология, мифолог, мифологик 'мифологический', монолог, некролог, неологизм, полилог, пролог, текстология, тетралогия, трилогия, филология;

-график/-графия: библиография, биография, биографик 'биографический', монография, палеография;

-метр: гекзаметр, пентаметр;

-тип: архетип, прототип;

2) слова, образованные с помощью префиксов и префиксоидов:

Амфи- (амфиболия, амфибрахий), анти- (антигерой, антиметабола, антироман, антитеза, антиутопия, антифраз), ана- (анаграмма, анадилозис, анаколуп, анафора), архи- (архитектоника), гипер- (гипербола, гипертекст, гиперцитата).

• Латинизмы.

1) I компонентом в латинизмах выступают морфемы: транс- (транскстуалек 'транскстуальность'), экс- (эксплибис, экспозиция, экспрессив 'экспрессивный', экспрессионизм, экспролет, экспромт);

2) слова, образованные с помощью префиксов и префиксоидов: дис- (диссонанс), интер- (интермедия, интерполляция, интерпретация, интертекст), кон- (коннотация, конструктивизм, контекст), пост- (постмодернизм), ре- (резонёр, ремарка, реплика, рефрен), эга- (эгафутуризм).

• Слова, заимствованные из русского языка, образованы с помощью префиксов под- (подтекст), про- (прообраз).

• Слово, заимствованное из французского языка, образовано с помощью префиксоида сюр- (сюрреализм).

II. **Производные слова.** По словообразовательным особенностям производное слово представляет собой новообразование, возникшее на базе другого слова, словосочетания или целого предложения; по сравнению с корневым словом оно является вторичным; его значение связано со значениями производящей основы и словообразовательных средств: кеше 'человек', кеше-лек 'человечество'; ак 'белый', ак-ла- 'белить', аккош 'лебедь'. По морфемному строению производное слово представляет собой осложнённую лексическую единицу [2, с. 156]. Среди литературоведческих терминов башкирского языка часто встречаются производные слова, их можно разделить на следующие группы: простые производные слова, составные сложные слова, сращенные сложные слова, парные слова, повторительные слова.

1. Рассмотрим **простые производные слова**. Простые производные слова образуются с помощью присоединения к производящей основе словообразующих аффиксов. При этом словообразующий аффикс может присоединяться непосредственно к корню или может следовать за другим аффиксом, ранее сочетавшимся с данным корнем. По нашим подсчётам простых производных слов среди литературоведческих терминов башкирского языка 115 единиц.

Часть собственно башкирских терминов образована на базе глагольных основ следующим образом: йән-лән-дер-еү 'одушевление', күс-ер-еү 'переводить', өн-дәш-еү 'обращение', сағыштыр-ыу 'сравнение', сеңл-ә-ү 'плач', кабат-лау 'повторение'; йәнәш-лек 'параллелизм', көн-дә-лек 'дневник'; көл-мәс 'анекдот'; күр-ен-еш 'акт', сис-ел-еш 'развязка'; куш-ым-та 'припев'.

Простые производные слова на базе арабизмов образованы с помощью аффикса -ла(у)/-лә(у): кафиә-ләу 'рифмовать', тасуир-лау 'описание', хикәйә-ләу 'повествование'.

Простые производные слова на базе грецизмов образованы с помощью аффиксов -лык/-лек, -ик.

а) Слова, образованные с помощью аффиксов -лык/-лек: анахрон-лык 'анахронизм', идея-лык 'идейность', параллел-лек 'параллелизм', эпик-лык 'эпичность', эстет-лык 'эстетизм';

б) Слова образованные с помощью аффиксов -ик: аллегор-ик 'аллегорический', архаист-ик 'архаистический', гипербол-ик 'гиперболический', драмат-ик 'драматический', крит-ик 'критический', лир-ик 'лирический', метафор-ик 'метафорический', метр-ик 'метрический', миф-ик 'мифический', панегир-ик 'панегирический', фантаст-ик 'фантастический'.

Простые производные на базе латинизмов, образованы с помощью аффиксов -лык/-лек, -ик, -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү, -ион, -заш:

а) слова, образованные с помощью аффиксов -лык/-лек: иллюстратив-лек 'иллюстративность', новатор-лы 'новаторство';

б) слова, образованные с помощью аффиксов -ик: поэт-ик 'поэтический', класс-ик 'классический', проза-ик 'прозаический', сатир-ик 'сатирический';

в) слова, образованные с помощью аффиксов -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү: автор-лаш-тыр-ыу 'авторизация', индивидуал-лаш-тер-еү 'индивидуализация';

г) слово, образованное с помощью аффикса -ион: композиц-ион 'композиционный', кульминац-ион 'кульминационный';

д) слово, образованное с помощью аффикса -заш: автор-заш 'соавтор'.

Простые производные слова на базе заимствований из французского языка, образованы с помощью аффиксов -лык/-лек, -ик, -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү:

а) слова, образованные с помощью аффиксов -лык/-лек: модал-лек 'модальность', сентименталлек 'сентиментальность';

б) слова, образованные с помощью аффиксов -ик: романт-ик 'романтический';

в) слова образованные с помощью аффиксов -лаш-тыр-ыу/-леш-тер-еү: мотив-лаш-тыр-ыу 'мотивировать'.

Простые производные слова на базе заимствований из итальянского языка образованы с помощью аффикса -сы: миниатюр-сы 'миниатюрист', новелла-сы 'новеллист', роман-сы 'романист'.

Простое производное слово на базе заимствования из английского языка, образовано с помощью аффикса -ист-ик: юмор-ист-ик 'юмористический'.

III. **Составные сложные слова** — это слова, образованные на базе подчинительных словосочетаний, которые выступают в качестве наименований сложных понятий. Среди литературоведческих терминов нами зафиксировано 111 составных слов.

Составные сложные слова собственно башкирского языка: йола йырзары 'обрядовые песни', йыуаса йыры 'свадебная песня', канатлы һүз 'крылатое слово', кызыл юл 'красная строка', кыска ижек 'короткий слог', кыскарма һүз 'сокращенное слово', озон ижек 'долгий слог', өн кабатланышы 'повторение звука', ситләтеп әйтеү 'иносказание', тел көрмәлдәргәс 'чистоговорки'.

Составные слова, в которых первый компонент на башкирском языке, второй заимствован:

-из арабского языка: ак шиғыр 'белый стих', матур әдәбият 'художественная литература', сәсмә әсәр 'прозаическое произведение';

-из русского языка: мәңгелек образдар 'вечные образы';

-из латинского языка: көтөлмәгәнлек эффекты 'эффект неожиданности', телмәр фигуралары 'фигуры речи';

-из греческого: йәнәш рифма 'смежная рифма', сағылыш теорияны 'теория отражения', сағыштырма метод 'сравнительный метод', юл башы рифманы 'рифма начала строки', жушма рифма 'сложная рифма', ыңғай герой 'положительный герой', эске рифма 'внутренняя рифма', ябай рифма 'простая рифма', ябык рифма 'закрытая рифма'.

Составные слова, в которых первый компонент заимствован из русского языка, второй:

-из персидского: художество дәрәсләгә 'художественная правдивость';

-из греческого: образдар системаны 'система образов', онегин строфаны 'онегинская строфа';

-из латинского: образлы ассоциация 'образная ассоциация';

-из французского: *художество детали* 'художественная деталь', *художество такты* 'художественный такт'.

Составные сложные слова на базе заимствований из арабского языка с последующей аффиксацией: *ижад тарихы* 'история творчества', *мажаралы әзәбиәт* 'приключенческая литература', *халык ижады* 'народное творчество', *әзәби зауык* 'литературная эстетика', *әзәби мираҫ* 'литературное наследие', *әзәби оҫталык* 'литературное мастерство', *әзәби тәржемә* 'литературный перевод', *әзәбиәт тарихы* 'история литературы', *әзәбиәттә халыксанлык* 'народность в литературе'.

Составные слова, в которых первый компонент из арабского языка, второй:

-на башкирском: *сәнғәт төрҙәре* 'виды искусства', *шиғыр төҙөлөшө* 'строение стиха', *шиғыр үлсәме* 'размер стиха', *әзәби агым* 'литературное течение', *әзәби йүнәлеш* 'литературное направление', *әзәби тел* 'литературный язык', *әзәби төрҙәр* 'литературные типы', *әкиәт башы* 'зачин сказки';

-из греческого: *шиғыр мелодикаһы* 'мелодика стиха', *шиғыр ритмы* 'стихотворный ритм', *әзәбиәт теорияһы* 'теория литературы', *әзәби характер* 'литературный характер';

-из латинского: *шиғыр инструментровкаһы* 'инструментовка стиха', *әзәбиәттәң предметы* 'предмет литературы';

-из французского: *ғилми фантастика* 'научная фантастика', *ижад манераһы* 'манера творчества', *тарихи жанр* 'исторический жанр', *әзәби жанр* 'литературный жанр'.

Составные сложные слова, заимствованные из греческого языка с последующей аффиксацией: *лирик герой* 'лирический герой', *характерҙар комедияһы* 'комедия характеров'.

Составные слова, в которых первый компонент из греческого языка, второй:

-на башкирском: *автор йыры* 'авторская песня', *аллегорик алым* 'аллегорический прием', *риторик һорау* 'риторический вопрос', *эзоп теле* 'язык эзопа', *лирик сигенеү* 'лирическое отступление', *лиро-эпик төр* 'лиро-эпический вид', *стиль берҙәмлеге* 'единство стиля';

-из русского: *аллегорик образ* 'аллегорический образ';

-из французского: *поэтик деталь* 'поэтическая деталь', *полифоник роман* 'полифонический роман';

-из английского: *ироник детектив* 'иронический детектив';

-из арабского: *комик хәл* 'комическая ситуация', *силлабо-тоник шиғыр төҙөлөшө* 'строение силлабо-тонического стиха', *эпистоляр әзәбиәт* 'эпистолярная литература', *эстетик ләззәтләнеү* 'эстетическое наслаждение';

Составные сложные слова заимствованные из латинского языка: *конкрет автор* 'конкретный автор', *стилистик фигура* 'стилистика фигура'.

Составные слова, в которых первый компонент из латинского языка, второй:

-из греческого: *композицион эллипсис* 'композиционный эллипсис', *текст стратегияһы* 'стратегия текста';

-из арабского: *акцентлы шиғыр* 'акцентный стих', *аллитерацион шиғыр* 'аллитерационный стих', *генератив шиғыр* 'генеративный стих', *классик әзәбиәт* 'классическая литература', *натураль мәктәп* 'натуральная школа', *тоталитар әзәбиәт* 'тоталитарная литература'.

Составные сложные слова, заимствованные из французского языка: *готик роман* 'готический роман'.

Составные слова, в которых первый компонент из французского языка, второй:

- на башкирском: *хронологик тәртип* 'хронологический порядок';

-из греческого: *каламбур рифма* 'каламбурная рифма';

-из арабского: *маргинал әзәбиәт* 'маргинальная литература'.

IV. **Сращенные слова.** Сложные слова, возникшие в результате сращения в одно целое компонентов с подчинительной связью, называются сращенными словами; в этих случаях сочетающиеся друг с другом компоненты могут находиться в атрибутивных (*кызылғанат* < *кызыл* + *ғанат*), комплетивных (*кулйыуғыс* < *кул* + *йыу* - *ғыс*) и предикативных (*Ишбулды* < *иш* + *булды*) отношениях [3, с. 87]. В составе башкирских литературоведческих терминов около 20 слов образовано путём сращения, их можно сгруппировать по следующей схеме:

а) собственно башкирские слова: *йылыама* < *йыл* + *ама* 'летопись', *карыһуа* < *кары* + *һуа* 'сказ', *кулъяама* < *кул* + *яама* 'рукопись';

б) башкирский+арабский: *һуаижад* < *һуа* + *ижад* 'литературное творчество'.

Парные слова. Сложные слова, которые образуются в результате сложения компонентов с сочинительной связью, называются парными словами. Среди литературоведческих терминов парные слова встречаются редко: *лирик-драматик* (әсәр) 'лирико-драматическое (произведение)', *лиро-эпик* (поэма) 'лиро-эпическая (поэма)', *силлабо-тоник* (төҙөлөш) 'силлабо-тоническое (строение)'.

Сложное слово, образованное повторением одной и той же производящей основы, называется повторительным словом: *һуама-һуа* (тәржемә) 'дословный (перевод)'.

Таким образом, литературоведческие термины башкирского языка по своей словообразовательной структуре различаются на корневые (*йыр*, *китап*, *кисса*, *образ*, *дастан*, *рифма*) и производные (*хикәйәләү*, *автор йыры*, *йылыама*). Производные слова в свою очередь по своему морфемному строению делятся на следующие типы: простые производные слова (*йомак*, *өзләү*), составные сложные слова (*ихтияри шиғыр*, *образдар системаһы*), сращенные сложные слова (*сәйәхәтнамә*, *һуаижад*), парные слова (*һуама-һуа* (тәржемә)), повторительные слова (*лиро-эпик*).

Библиографический список

1. Ишбаев, К.Г. Морфемика, словообразование, морфология башкирского языка: учеб. пособие / К.Г. Ишбаев, Г.Р. Абдуллина, З.К. Ишкильдина. – Уфа, 2006.
2. Ишбаев, К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. – Уфа, 2000.
3. Кагарманов, Г.Г. Башкирская терминология. Опыт историко-лингвистического описания. – Уфа, 2002.

Bibliography

1. Ishbaev, K.G. Morfemika, slovoobrazovanie, morfonologiya bashkirskogo yazikhka: ucheb. posobie / K.G. Ishbaev, G.R. Abdullina, Z.K. Ishkiljdina. – Ufa, 2006.
2. Ishbaev, K.G. Bashkirskiy yazikhk. Morfemika. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie. – Ufa, 2000.
3. Kagarmenov, G.G. Bashkirskeya terminologiya. Opiht istoriko-lingvisticheskogo opisaniya. – Ufa, 2002.

Статья поступила в редакцию 04.06.12

УДК 81'42

Kartashevich I.S., Kukueva G.V. **THE DERIVATION MECHANISM OF THE TRANSLATED TEXT AS A PARTICULAR KIND OF THE SECONDARY FORMATION.** In the article they are found out the peculiarities of the derivation process of the translated text as a secondary formation, caused by changing the language.

Key words: secondary text, translated text, intertext derivative relations, equivalence, markers of texts' transformation.

И.С. Карташевич, аспирант АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: irina_kartashevich@mail.ru;

Г.В. Кукуева, д-р филол наук, проф. АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: kupala@inbox.ru

МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА КАК ОСОБОГО ВИДА ВТОРИЧНОГО

В статье выявляются особенности процесса образования переводного текста как вида вторичного, обусловленные эквивалентной сменой языка с исходного на переводящий.

Ключевые слова: вторичный текст, переводной текст, межтекстовые деривационные отношения, эквивалентность, маркеры трансформации.

В настоящее время исследователи теории вторичного текста уделяют особое внимание процессу порождения подобного вида текста, обращаются к вопросу соотношения первичного текста со вторичным (Т.Н. Василенко, Н.Д. Голев, С.В. Ионова, Н.В. Мельник, Н.М. Нестерова), но при этом в науке по-прежнему остаётся ряд актуальных проблем. Во-первых, в большинстве работ первичный текст воспринимается как данность, нигде не раскрывается его сущность, не освещается проблема роли первичного текста в процессе образования вторичного, в том числе в механизме межтекстовой деривации. Во-вторых, в последних исследованиях переводной текст стал рассматриваться как один из видов вторичного образования, однако не все исследователи говорят о переводном тексте как о вторичном (Н.М. Нестерова, А.И. Новиков, Н. Сунцова.). В-третьих, взгляд на перевод как на психологический акт, закрытый для непосредственного наблюдения, стал меняться, в том числе, благодаря изучению перевода в аспекте межтекстовой деривации. Неразрешённость этих и некоторых других вопросов не позволяла обратиться к специфике самого механизма порождения переводного текста как особого вида вторичного образования.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать особенности механизма образования переводного текста как вида вторичного в процессе межтекстовой деривации.

Знание особенностей и отличительных признаков переводного текста как вида вторичного не достаточно для понимания механизма его образования. В данной работе мы подходим к переводу как к результату деривационного взаимодействия с оригиналом. Под межтекстовыми деривационными отношениями понимается процесс, предполагающий создание производного текста на основе исходного. Сущность этого процесса видится в том, что из более простой в структурно-семантическом и функциональном отношении исходной единицы (первичного текста) путём прибавления специальных средств (маркеров трансформации) получается более сложная производная единица (вторичный текст). Под маркерами трансформации мыслятся все формальные и содержательные изменения оригинала, все элементы, отличающие первичный текст от вторичного. Они актуализируют все виды трансформаций, которые претерпевает первичный текст в процессе воспроизведения. Такое понимание деривации представляется универсальным, по мнению А.А. Чувакина, подобным путём могут образовываться единицы любого уровня, в том числе и текст [1, с. 11].

Переводной текст, являясь результатом межтекстовой деривации, не может изучаться в отрыве от оригинала, следовательно, необходимо говорить о паре взаимообусловленных явлений «Первичный текст – Вторичный текст».

Нам представляется, что специфика механизма образования переводного текста обусловлена несколькими факторами: свойствами оригинала как вида первичного текста, перевода как вида вторичного текста, а также своеобразной природой маркеров трансформации.

Оригинальный текст обладает всеми общими признаками первичного текста, среди которых:

- гибкость и коммуникативная трансформируемость – потенциальная способность к преобразованию, созданию на основе первичного текста вариантов и интерпретаций;
- непосредственное соотношение с действительностью – воспроизведение действительности и преобразование её по законам художественности, отражение исходного авторского замысла без необходимости обращения к другим текстам.

Отличительный признак оригинала как вида первичного текста нами выделен только один – существование на языке оригинала. Однако именно он является доминантным и определяет особый характер признаков не только самого первичного текста, но и перевода как вторичного образования, а также специфическую природу маркеров трансформации.

Первичный текст, выступая как самостоятельное в смысловом, структурном и стилистическом отношении явление, служит необходимым условием существования вторичного, базой для его образования, отправной точкой, с восприятия и осмысления которой начинается создание вторичного текста.

Под вторичным текстом вслед за Н.Д. Голевым, Н.В. Сайковой понимается результат преобразования по определённым механизмам исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного. Следовательно, вторичный текст представляет собой «продолжение, развитие, функцию исходного текста» [2]. К основным видам вторичных текстов учёные относят пародии, травестию, бурлеск, имитации, конспекты, рефераты, стилизации, косвенную речь, киносценарии, ремейки на основе художественных текстов и др. Несмотря на споры в науке, сошлемся на точку зрения тех исследователей, которые считают правомерным называть переводной текст одним из видов вторичного (Т.Н. Василенко, Н.Д. Голев, С.В. Ионова, Н.В. Мельник, И.Г. Разина), что предполагает возможность выявления в переводном тексте как признаков, характерных для любого вторичного текста, так и специфических примет. В работах исследователей сущность вторичного текста, как правило, раскрывается через набор следующих общих признаков:

- производный характер, то есть образование в результате переработки первичного текста, аналитико-синтетической деятельности на основе процесса восприятия и воспроизведения полученной информации;
- различную степень смысловой и структурной эквивалентности по отношению к первичному тексту за счёт появления маркеров трансформации;
- самостоятельность, то есть обладание основными текстовыми категориями (цельностью, связностью, информативностью) при смысловой, структурной и стилистической обусловленности первичным;
- опосредованное соотношение с действительностью – воспроизведение действительности не непосредственно, а через обращение к первичному тексту, реализация деривационного потенциала первичного текста.

К специфическим особенностям переводного текста как вида вторичного в данной работе мы относим отличия по цели создания, по степени эквивалентности и по форме.

Создание переводного текста – это общественная необходимость, вызванная потребностью сделать оригинальный текст, существующий на другом языке, доступным для восприятия. Подобная цель вне зависимости от вида и способа перевода предполагает стремление переводчика к максимальному тождеству между текстами. Как указывает В.Д. Калинина, «идеальным результатом получения перевода читателем должен быть такой же объём сведений и сходное эмоциональное воздействие, что и у получателя оригинала» [3, с. 6], следовательно, процесс перевода предполагает максимально полную передачу, воспроизведение на всех уровнях (смысловом, стилистическом, функционально-экспрессивном, оценочном, жанровом, эстетическом) эквивалентного содержания оригинала средствами другого языка. При сохранении максимального содержательного сходства между оригинальным и переводным текстом очевидно абсолютное отличие данных типов текстов по форме, обусловленное сменой языка.

По мнению Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, первичный и вторичный тексты возможно рассматривать по трём линиям степени деривационности: форма, содержание, функция [2]. Под формой исследователями понимается графический и звуковой облик текста, в основе которого лежат две сферы существования языка (устная и письменная). По оси содержания вторичный текст характеризуется наличием/отсутствием новых содержательных компонентов, по оси функции – родо-жанровыми транс-

формациями. При таком понимании, по данной классификации переводной текст характеризуется абсолютно полным отличием от оригинала по форме. По оси содержания и функции в идеале переводной текст не должен маркироваться, однако в реальной практике перевода трансформации текста в ходе межтекстовой деривации неизбежны, что и позволяет называть переводной текст относительно самостоятельным образованием.

Все формальные и содержательные проявления трансформаций, элементы, отличающие первичный текст от вторичного, все изменения оригинала мы обозначили понятием «маркеры трансформации». Причины появления трансформаций сводятся к влиянию лингвистических и экстралингвистических факторов. Под лингвистическими факторами понимаются, в первую очередь, не зависящие от личности переводчика различия в структуре и функционировании исходного и переводящего языков. Эта группа факторов обуславливает возникновение таких маркеров трансформации, как изменения грамматической конструкции, порядка слов, лексического наполнения (причём как в силу того, что в словарной статье приводится в качестве перевода синонимический ряд, из которого переводчик может выбрать любое слово, так и по причине перевода безэквивалентной лексики). К экстралингвистическим факторам относят особенности, связанные с личностью переводчика, его индивидуально-психологические качества, отношение к автору переводимого текста и самому сообщению, ситуацию создания перевода и др. Эта группа факторов определяет маркеры трансформации, связанные со способом воплощения микроситуаций оригинального текста. Микроситуации и способы их воплощения служат общим для первичного и вторичного текстов структурно-семантическим ядром, утрата которого ведёт к разрушению мотивационных отношений и к невозможности рассмотрения текстов в аспекте межтекстовой деривации.

Появление в переводном тексте перечисленных маркеров трансформации, обусловленное лингвистическими и экстралингвистическими факторами приводит к актуализации деривационных процессов свёртывания, развёртывания и усложнения.

Названные выше маркеры трансформации являются доказательством деривационной природы переводного текста как вторичного образования. Действительно, такие маркеры трансформации, как изменение грамматической конструкции, порядка слов, лексического наполнения, способа воплощения ситуационно-языкового единства имеют место и при создании таких видов вторичного текста, как конспект, реферат, киносценарий на основе художественного текста, изложения и т. д. Необходимо обнаружить специфический маркер трансформации, который бы участвовал в механизме образования только переводного текста от оригинального. На наш взгляд, особая природа такого маркера трансформации обусловлена специфическими признаками оригинального текста как вида первичного и перевода как вида вторичного текста, причём доминантным из них является существование исходного текста на языке оригинала.

Именно смена языка с исходного на переводящий является ключевым маркером трансформации, отличающим механизм образования переводного текста от образования других видов вторичного текста. Однако необходимо отметить, что не любые два текста, существующие на разных языках, могут называться оригинальным и переводным и рассматриваться в аспекте межтекстовой деривации. В переводном тексте, созданном на базе оригинального происходит эквивалентная смена языка, что проявляется в тождественном воплощении в переводе микроситуаций оригинала, то есть в сохранении общего структурно-семантического и функционального ядра.

Для подтверждения теоретических положений обратимся к рассмотрению конкретного текстового материала. Сопоставим оригинальный текст рассказа О. Генри «The Octopus Marooned» из сборника «Благородный жулик» [4] с текстом его перевода, выполненного К.И. Чуковским («Трест, который лопнул»), и представленного в собрании сочинений О. Генри [5].

Решение поставленной задачи предполагает следующие процедуры: 1) выявить в оригинальном и переводном текстах общую микроситуацию, выступающую в качестве общего для двух текстов структурно-смыслового и функционального ядра; 2) обнаружить в переводном тексте маркеры трансформации, появление которых обусловлено лингвистическими факторами перевода; 3) продемонстрировать маркеры трансформации, детерминированные экстралингвистическими факторами; 4) проиллюстрировать, где это представляется возможным, результаты деривационных процессов.

В ходе сопоставительного анализа предусматриваются следующие методические шаги:

1. Операция сегментирования целостных текстов, то есть членение их на простейшие отрезки текста, в которых воплощается некое положение дел как часть микроситуации. В данных отрезках представляется возможным вычленить пропозицию и проанализировать элементы её структуры.

2. Сопоставление количества и топозитивного наполнения сегментов для выявления маркеров трансформации.

Пропозиция как «языковое воплощение некоего положения дел в действительности» [6, с. 9] позволяет выявить маркеры трансформации на уровне формы и содержания, появление которых обусловлено сменой языка с исходного на переводящий. На уровне формы пропозиционный анализ способствует выявлению отличий в графике, а также в объёме текстов, что отражается в действии деривационных механизмов свёртывания, развёртывания и усложнения. На уровне содержания с помощью пропозиции может быть рассмотрено сходство или отличие в воплощении ситуации действительности через анализ средств выражения пропозиции, а также её вида и структурного наполнения. На уровне функции отличий между текстами нет, они написаны в жанре характерного для О.Генри короткого рассказа («short story»).

Для анализа был выбран один из тех фрагментов перевода, пропозиционная организация которых отличается от пропозиционной организации оригинала. Процедура осуществляется в соответствии с алгоритмом диктумного анализа, предложенным Т.В. Шмелёвой. В его основе лежит определение вида пропозиции и способа её выражения, а также вычленение структурных элементов пропозиции.

Результаты анализа и сопоставления оригинального и переводного текстов.

Фрагмент первичного текста (с сегментированием):

I figured out | that their principal means of existence was in living close to tall chaparral.

Подстрочный перевод:

Я постиг, | что их главное средство существования было в проживании рядом с высоким чапаралем (вечнозелёным дубом).

Фрагмент вторичного текста (с сегментированием):

На мой взгляд, | возможность существования им давали заросли чапарала, | окружающие город.

Во фрагменте оригинального текста вычленим событийную пропозицию действия в психической сфере, выраженную глаголом «*постиг*». Актант (субъект) – личное местоимение «*я*». Во втором сегменте вычленилась событийная пропозиция существования, представленная глаголом «*было*», находящаяся на границе с логической таксономической пропозицией («*возможность существования – это проживание рядом с чапаралем*»). Актанты – «*средство существования*», «*в проживании*», сирконстант – «*рядом с чапаралем*».

Во фрагменте перевода возможно выделить не два, а три сегмента, что свидетельствует о действии деривационного процесса развёртывания. В первом, так же как и в оригинальном тексте, вычленилась событийная пропозиция действия, в большей степени, чем в сегменте оригинала, тяготеющая к плану выражения модуса. Во втором сегменте – положение дел реализовано с помощью комбинации событийной пропозиции действия и существования. Пропозиция выражена глаголом «*давали*», пропозитивное наполнение составляют актанты «*заросли чапарала*» (субъект), «*возможность существования*», «*им*» (объекты). В третьем сегменте фрагмента перевода вычленим качественную логическую пропозицию характеристики, которая находится на границе с событийной пропозицией действия. Пропозиция выражена причастием «*оказавшие*».

В ходе сопоставительного анализа было обнаружено, что во фрагментах двух текстов воплощена одна микроситуация: «*средство выживания населения Птичьего Города – близость зарослей чапарала (вечнозеленого дуба)*». Единство ситуации говорит о частичном тождестве текстов, стремлении переводчика к эквивалентности создаваемого им текста оригиналу, поскольку реализация в первичном и вторичном тексте единой микроситуации указывает на наличие в них общего структурно-семантического и функционального ядра и позволяет рассматривать перевод как результат межтекстового взаимодействия с оригиналом.

Тем не менее, пропозиционный анализ и сопоставление выбранных фрагментов позволили выявить с помощью маркеров трансформации различия в воплощении единой микроситуации.

Среди маркеров трансформации, детерминированных лингвистическими факторами перевода, путём пропозиционного анализа выделены такие, как различия в выборе грамматической конструкции («*средство существования было в проживании...*»

/ «возможность существования давали...»; «я постиг»/ «на мой взгляд»), различное лексическое наполнение сегментов («возможность существования»/ «средство существования»).

К маркерам трансформации, обусловленным экстралингвистическими факторами и отражающим различия в выражении единой микроситуации действительности, отнесены: членение фрагментов на разное количество сегментов, различия в выборе лексических единиц и отличия в деталях описания (в переводе во втором сегменте опущено то, что «заросли были высокими»).

Итак, специфический характер процесса образования перевода как особого вида вторичного текста определяется целью создания перевода, которая заключается в социальной потребности создать тот же текст, но на другом, доступном получателю языке. Эта цель определяет стремление переводчика к максимальному тождеству перевода оригиналу на всех уровнях, то есть к максимальной эквивалентности. В ходе пропозиционного анализа и сопоставления выбранных фрагментов выяснилось, что стремление к тождеству, эквивалентности текстов проявляется в сохранении микроситуации оригинала при

переводе. Однако эквивалентность текстов расценивается лишь как относительная, поскольку в силу влияния лингвистических и экстралингвистических факторов перевода во вторичном тексте происходят структурно-семантические преобразования, проявляющиеся в появлении маркеров трансформации, которые были выявлены в ходе проведенного анализа. Та же цель создания перевода детерминирует абсолютное изменение формы вторичного текста. Таким образом, существование первичного текста на языке оригинала и целевая установка переводчика определяют необходимость образования текста, полностью отличающегося от оригинала по форме, но сохраняющего как можно большую степень тождественности на смысловом и функциональном уровнях. Следовательно, специфический характер процесса образования перевода как особого вида вторичного текста определяется, прежде всего, изменением языка с исходного на переводящий. Важно отметить при этом, что такое изменение должно быть эквивалентным, то есть при смене языка содержание оригинала на уровне микроситуаций должно сохраняться.

Библиографический список

1. Бровкина, Ю.Ю. К проблеме деривационной текстологии / Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова, А.А. Чувакин // Человек – Коммуникация – Текст: сб. ст. / отв. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул, 2000. – Вып. 4.
2. Голев, Н.Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова [Э/р]. – Р/д: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>
3. Калинина, В.Д. Теория и практика перевода: курс лекций. – М., 2008.
4. Henry, O. The Octopus Marooned [Э/р]. – Р/д: http://www.literaturecollection.com/a/o_henry/236/
5. Генри, О. Сочинения: в 3 т. – М., 1975. – Т. 2.
6. Шмелёва, Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.

Bibliography

1. Brovkina, Yu.Yu. K probleme derivacionnoy tekstologii / Yu.Yu. Brovkina, N.A. Volkova, T.N. Nikonova, A.A. Chuvakin // Chelovek – Kommunikaciya – Tekst: sb. st. / otv. red. A.A. Chuvakin. – Barnaul, 2000. – Vihp. 4.
2. Golev, N.D. K osnovaniyam derivacionnoy interpretacii vtorichnihkh tekstov / N.D. Golev, N.V. Saykova [Eh/r]. – R/d: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>
3. Kalinina, V.D. Teoriya i praktika perevoda: kurs lekciy. – M., 2008.
4. Henry, O. The Octopus Marooned [Eh/r]. – R/d: http://www.literaturecollection.com/a/o_henry/236/
5. Genri, O. Sochineniya: v 3 t. – M., 1975. – T. 2.
6. Shmelyova, T.V. Smislovaya organizaciya predlozheniya i problema modalnosti // Aktualnihe problemih russkogo sintaksisa. – M., 1984.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 801.3: 336.01

Ismailova G.K. TERMINOLOGY AS A SPECIAL FIELD OF LINGUISTICS. This article deals with such general linguistic problems as the structure of the word, lexical system, phraseological system of the German, Russian and Kazakh languages. Nomination of concepts in financial credit system of terminology in the form of a substantive word, i.e. in the form of a noun takes place in all three languages. On the whole they have similarities on the ways of lexical substantive nomination in the form of simple noun, affixation derivation, compound word and on semantics derivation.

Key words: financial credit system, market economy, term, terminology, language structure, scientific and special notions, nomination, borrowings, word formation, phrase formation.

Г.К. Исмаилова, канд. филол. наук, доц., г. Семей, E-mail: gainigul_ismailova@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматриваются такие общие лингвистические проблемы, как структура слова, лексические системы, фразеологические системы немецкого, русского и казахского языков. Выдвижение концепции терминологии финансово-кредитной системы в форме существительного слова, т.е. в форме имени существительного происходит на всех трех языках. В целом они имеют сходства в способах лексических номинаций в виде простых существительных.

Financial and credit system is a certain conceptual space, which is structurally dismembered by every language differently. That means it internally consists of separate spheres, parts. In a study of its linguistic structure, we proceeded from the division into 2 fragments: verbal and substantive, each of which we examine separately, independently in three languages and in relation to each other.

In the terminology of financial and credit system we investigated the lexical category in the form of simple, derived and compound verbs. Basically they are derived from substantive, substantive expressed categories and concepts of financial credit system, i.e. they are denominative verb formations. Their semantics depends on the semantics of those substantive terms which they came from,

for example: *Finanzen* - *finanzieren*, *финансы* - *финансировать*, *қаржы* - *қаржыландыру*; *Kredit* - *kreditieren*, *кредит* - *кредитовать*, *несие* - *несиелеу*; *Saldo-saldieren*, *сальдо* - *сальдировать*, *сальдо* - *сальдолау* [1].

Such verbs are very few in each of the three languages. The number of verbs of figurative semantics is also low. All these simple words are different by the system of infinitive suffixes and endings - *avalieren* - *авалировать* - *авальдау*.

The following type represents the derived verbs-terms. They are complicated by derivational suffixes, prefixes. In German, they number 60, in Russian - 70, and in Kazakh - only 15, as a distinctive feature of verbal word-formation of the Kazakh language in the field

of finance and credit is the absence of prefixing word - formative elements. Prefixing verbs in the Kazakh language are more borrowings or calques with the prefixes *де* -, *ре* - for example, *реинвестициялау, демонетизациялау* [2].

Complex verbs in the financial credit system we have identified separately. According to our card file verbs of such word formative structure are found only in German and Russian, they are about 20, for example, *zurückzahlen, hochtreiben, самофинансировать, самоокупиться*. We have not discovered verbs of this structural type in the Kazakh language.

The pattern of verbal terminology nomination of concepts of financial and credit system in the form of stable combinations looks quite different. They are several times higher than in the verbal lexemic terminological nomination. If the number of German verbal nominations in the form of simple derivation and complex verbs is about one hundred units then in the form of fixed verbal phrases - about seven hundred. And in regard to structural and semantic types of linguistic structure and expression of the nature of its semantics they are much more diverse. In other words, lingual consciousness of German more appeals to a phraseological method of nomination, than to the lexical. In German cross-language phraseological variants are differentiated: variation of an article, preposition, case, for example, *den Preis reduzieren, eine Anleihe aufnehmen*. In the Russian language object-directed phrase formative models prevail: *реализовать портфель ценных бумаг, акцептовать вексель коммерческого банка, субсидировать объекты экономики*. They are about six hundred. In the Kazakh language phrase formative models have genitive-object structure, for example, *эмиссияны дайындау, белсенді төлем балансын жасау* [3].

In the verbal system of expression of financial and credit terms of the three languages on the basis of fixed combinations another pattern is found out. These are phrase combinations containing in its structure reinterpreted metaphorically-evaluation components and presenting in one respect or another idiomatic expressive-evaluative phraseological nomination, for example, *heißes Geld konvertieren, фиксировать ножницы цен, добиться ясельного финансирования, долларовая инъекция* and in the Kazakh language *долларды "еңгізу"*. This can be explained by the fact that even in such a special terminology of reality as finance and credit, the human mind can not refuse such a capability, both figuratively expressive, based on analogies to reflect and represent the concepts of finance and credit.

Numerical superiority and structural semantic diversity of verbal nomination of concepts of the financial credit terminological system by means of verbal set word combinations is explained by the following factor: on the whole the scale and content of financial credit terminological system are determined by those basic notions which are introduced in a subjective form, i.e. in subjects. This is as a rule the nucleus of this system and proper notions of the financial credit system are characterized by the capacity to be combined with a number of different verbs of non-terminological group forming a whole group of verbal phraseological nominations or verbal phraseological nominative paradigm of denotation of one and the same substantively expressed concept but in different verbal combination or in different financial credit usage, for example, *einen Kredit sichern, in Anspruch nehmen, einen Kredit überziehen, einen Kredit kündigen, einen Kredit abdecken, einen Kredit erhalten, einen Kredit einräumen, einen Kredit eröffnen, einen Kredit genießen, einen Kredit gewähren, einen Kredit geben*.

As far as we can see valence distributive verbal compatibility of such substantive lexical terminological financial credit system of the German language is very wide and on the basis of these terms it has the formation of twelve verbal phraseological nominations in financial credit system of the German language. All other substantive terms in a form of a word have the same process.

Practically it is the main mechanism of the verbal terminological phrasal formation and the essential factor of quantitative superiority of the verbal phraseological terminological nomination over verbal lexemic nomination.

As an example there can be a fragment of substantive financial credit terminological system in each of the three languages and between languages according to the mentioned above scheme in language research.

In financial credit system of the Russian and Kazakh languages there are also substantive words of the similar word formative structure. Its number is about 200 units, for example, *вексель, гарант, чек, баж, жал, ж-йе*. Moreover, all of them are borrowings [4].

The next type of substantive lexemic terms are affixation units.

There are lots of substantive terms, formed by means of suffixes in financial credit system of the German, Russian and Kazakh languages. In German there more than 1,5 thousand units. Among

them regular suffixes of word formative models are: *-un, -e, -heit, -keit, -tion: die Akzise, die Buchung, die Konvertierung*.

There are about 1000 units in Russian and the suffixes such as *-ость, -ние* are very active, for example, *инвестирование, доходность, дисконтирование*.

There are about 800 units in Kazakh and the most regular are in noun formation are the following suffixes such as *-rep, -кер, -лық, -лік, -дық, -дік, -шы, -ші, -ік, -ыс, -іс*, for example, *қаржыгер, кепілдік, салықшы, табыс, кіріс*.

It's clear that the main point is the system of suffixes in all three languages denoting abstract semantics on the whole, i.e. abstract concepts from financial credit field of analysed languages.

Prefix suffixed nouns in financial credit system are also highly productive the number of which is more than 1000 units in German, for example, *Dürchrechnung, Unterpacht*. In Russian prefixed nouns are significantly few. Among them prefixes which are widely spread: *-при, -под, -пере, -приост, подсчет*.

Prefixed formation of lexical terms in financial credit system refers only to two languages: German and Russian in particular, in Kazakh this way of formation is absent.

Interesting patterns are detected in financial credit system of three languages in the sphere of complex words.

Composition in German is absolute majority, thus it considerably prevails over other ways of word formation. About 2,5 000 units were formed by this way of word and term formation in financial credit system of the German language, for example, *Finanzfutures, Steuerkataster, Hilfskonto*. In Russian complex words are considerably less than in German. There are about 700 units: *банкнота, жириоборот, банкрот*.

The same tendency is observed in financial credit system of the Kazakh language. There are about several hundreds, for example, *енбеқақы, инфраұрылым*.

Therefore, composition is a word formative way that is highly productive in German but poorly developed in Russian and Kazakh. However, suffixation is highly developed in Kazakh, prefixation and suffixation – in Russian.

The next typical feature in lexical term formation of financial credit terminological system of three languages is that the semantic lexical way of lexical term formation is highly productive. A great number of lexical terms in Russian, German, Kazakh are formed by this way of lingual derivation. The mechanism of metaphoric and metonymic figurative meaning of words are on the basis of these ways of word formation. For instance, nouns from public language: in German *"Steueroase"* – tax oasis - the country grant tax discounts to foreign investors, *der Baissespekulant* – a bear - a direct meaning, terminological meaning – *a stag*, playing for decrease in the rate of securities, currency; *бұқа* – a stag, playing for increase in the rate of securities, currency; *ніл* – a variety of bank certificates, the cost of which is more than 100 000 \$ US [5].

In substantive fragment of investigated conceptual space a certain number of analyzed concepts is expressed in the form of fixed word combinations. There is a certain regularity: the more complicated notion, the more complicated the structure of the corresponding term combination. Due to this reason there are two, three and four component substantive word combinations in all three languages expressing and nominating definite notions in financial credit system of three languages. Overall they repeat the structure of substantive syntactic word combinations which are typical of syntax, syntax system for each of three languages. In German they are not so numerous and structural semantically diverse other in Russian or Kazakh. The cause is that in German substantive word formation, in particular, composition is strongly developed. Therefore, in German term combinations in the form of substantive word combinations are second to term combinations in respect of the substantive word. There are about 300 units of them, for example, *laufendes Konto, active Zahlungsbilanz*.

On the contrary, in Russian and Kazakh substantive term combinations are highly regular and they're numerous, for instance, *нуллификация валюты, активы банка, дивидендный налоговый облагаемый доход, нарық заңдары, бағалы қағаздарын айналымдылығы*. Moreover, in financial credit system expressive evaluative substantive term combinations are also widespread in semantics.

As it was stated above one of the regular ways of development and enrichment of lexical and phraseological systems of any language are borrowings.

In financial credit terminological system are many borrowings from English – *Barter, Business, Spot*; from Italian – *Saldo, Valuta, Franko, Avisto*; from French – *Devisen, Akzise, Allonge*. Similar and other borrowings penetrate in Kazakh mainly in two ways: a) through Russian and b) directly through corresponding languages. To tell

the truth, the first way is the most active, compare: *банк, маржа, ипотека, аккредитив* [6]. The most regular way of financial credit system enlargement of the Kazakh language is replication of morphological structure of Russian substantive terms, for example, *тексеріс, міндеттеме, нарық, несие*.

So, the analysis of lingual structure of financial credit terminological system of three analysed languages in the aspect of lexical and phraseological nomination, derivation and in verbal substantive opposition showed that there are more general features in three languages than differences. It is evidence that phraseological notional space of analyzed terminological system of three languages has more similarities than differences in all parameters of research of that terminological system. Coincidence or similarity is available on the size and content of that notional space, on main ways of terminological system enrichment, on main lexical and phraseological ways of nominated concepts of the terminological system, on asymmetry character in verbal and substantive lexical and phraseological nomination and derivation. Differences occur only in some cases, in particular, absence of prefix way of lingual derivation, absence of prepositions, therefore, prepositional substantive structures in the Kazakh language. In other words, asymmetry and differences in lexico-phraseological assimilation and presentation of financial credit terminological system of three analyzed languages is defined mainly by differences in the language type and system - structural peculiarities in initial systems in all three languages, in particular, in word formative, lexical and syntactic systems of the German, Russian and Kazakh languages.

Language is a particular human category and the main power of any nation. Communication is an important part of human life and language meets all demands of people in verbal communication. Another prominent function of a language is cumulative that is to accumulate knowledge about the world. The information obtained by a man is kept in the main lingual units such as words, word-combinations phraseological units, sentences and texts. Objective world knowledge exists in various forms. Scientific knowledge takes place among all kinds of knowledge. It's concentrated in special categories of lingual units such as terms and terminological system. It also indicates the level of science, society and industry development. Terms and terminological system reflect the only moment in gnoseology of an ethnos, in particular, what scientific knowledge this or that ethnos has. The process of globalization, the introduction of world states into the market economy, their cooperation in various fields of science, industry and culture may contribute to the inter-penetration and mutual enrichment of terminological systems of different nations and languages. The exceptional significance of the scientific and other special terms, scientific information in the development of science, economy and culture of people determines the need for a special collaboration between researchers and experts in the field of terminology. It also actualize the adoption of a variety of activities in this area, in particular, the systematization and standardization of terms, creation of

ideographic, explanatory, and translation dictionaries text books and teaching aids in industry terminology. Any scientific, industrial professional or other kinds of special notions in any special sphere of ethnic knowledge and human activities obtain its lingual objectification and representation through certain language categories in particular, nominative, lexical and phraseological meaning, borrowing, calking. In categorical relation the scientific and specific notion of terminological systems are presented in two categories: objective or objectified and action process or procedural. This is the reason that in terminological system including finance and credit there are two types of category concepts of terminology systems: substantive and verbal. They, in their turn are not homogeneous that is, there are it is own different types and subtypes and they all have their own semantic nomination, referential characteristics and preferences. It is specified by means and models of word of phrase formation. Word and phrase forming systems, loan translation and borrowing on one hand and lexical, phraseological system which is the basis of any terminology system, including finance and credit one. But different languages have their own ideo-ethnic features. They cannot help reflecting the national thinking and the nature of linguistic structure of terminological system. The analysis of linguistic structure of financial and credit system of German, Russian, Kazakh languages clearly confirmed this regularity. Especially bright diamorphism of the given language categories is observed at the level of substantive and verbal lexical and phraseological nomination and derivation. Any kind of asymmetry in all of these and other categories is predetermined by peculiarities of language type. That is why there are more similarities, analogies, coincidences in lexical and phraseological nomination in Russian and German than in Kazakh, German and Russian [7].

It is indicated on the level of structural semantic word formation and phrase formation, as well as on verbal and substantive word and phrase formation level, notional lacoons, borrowings and calkings.

On the other hand the Kazakh language being of agglutinative type possesses quiet different word and phrase formation system, yet reveals more structural similarities with Russian than with German. This is due to the significant reason: all the close contacts between Russian and Kazakh people, between Kazakh and Russian language, the presence of borrowings in Kazakh terminology including financial and credit terminology of the Kazakh language as well as the tracing the morphological structure of the terms of the Russian language. This is the reason that the same terminology concept of finance and credit system is expressed in the researched languages by different forms and ways, what is more, the method and form of expression in Kazakh and Russian languages are often the same. This study represents one of the first applications of the integrated studies of the finance and credit system of terminology in three languages. The progress and results of research reveal a lot of problems and it determines the great perspective of this research topic.

Bibliography

1. Nassyrova, M. Aleumettik-ekonomikalyk terminderdin kyskasha orysshakazaksha tusinderme sozdigi. / M. Nassyrova. – A., 1990.
2. Aldasheva, A. Zhana ataular (Kazak leksikasyndagy zhana koldanystar) / A. Aldasheva, Sh. Sarybayev, N.Ualiyev. – A., 1992.
3. Kenesbayev I. Kazak tilinyn phraseologiyalyk sozdigi. / I. Kenesbayeva. – A., 1977.
4. Dal, V.I. Tolkovy slovar russkogo yazyka sovremennaya versiya / V.I. Dal. – M., 2001.
5. Anglo-russkiy slovar bankovskikh i finansovykh terminov. – M., 1992. – T.1.
6. Volkova, T. Universalniy slovar inostrannikh slov russkogo yazyka / T.Volkova. – M., 2000.
7. Vechkanov, G.S. Kratkaya ekonomicheskaya entsiklopedia / G.S. Vechkanov, G.R. Vechkanova, V.T. Pulyayev. – Sankt-Peterburg, 1998.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 802.0+801.6

Kravtsova T.A. METALINGUISTIC STRATEGY FOR PROVIDING EFFECTIVE TEXT COMMUNICATION. The article deals with peculiarities in realization of metalinguistic strategy in the text communication, it describes some types of metacommentary speech tactics, their contents and functions, illustrated with examples taken from English fiction.

Key words: metalinguistic strategy, metalinguistic tactics, metalinguistic commentary, communication tension, language ego.

Т.А. Кравцова, аспирант каф. перевода и межкультурной коммуникации Алтайской гос. педагогической академии, г. Барнаул, E-mail: t.kravtsova@hotmail.ru

МЕТАЯЗЫКОВАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности реализации стратегии метакомментирования в художественном тексте, предлагается типология речевых тактик, выявляется их содержательный и функциональный потенциал.

Ключевые слова: метаязыковая стратегия, метаязыковая тактика, метаязыковой комментарий, коммуникативное на-
пряжение, языковая личность.

Одна из основных задач продуцента устной и/или письменной речи в процессе коммуникации заключается в реализации его коммуникативной интенции. Результат эффективности коммуникативного поведения во многом достигается благодаря адекватным и эффективно подобранным коммуникативным стратегиям. Среди них существуют и такие, которые ориентируются на язык не как на простой инструмент осуществления речевой деятельности, а как на специфический объект, который помогает понять, что представляет собой язык в плане механизма, направленного на осуществление этой деятельности. Метаязыковой комментарий – вербальное замечание по поводу разнообразных аспектов функционирования языковых единиц в речи. Он является проявлением метаязыкового сознания коммуникантов в тех случаях, когда оно из латентного (скорее глубинного состояния) выходит на поверхность в форме осознанной рефлексивной деятельности рядовых носителей языка об этом языке во всех его ипостасях (см. об этом [1]).

Известно, что языковая рефлексия как неотъемлемая часть мыслительного процесса протекает непрерывно, отвечая за контроль порождения речи и обеспечивая ее автоматизм. Однако любое отступление от норм речи приводит к возникновению «очагов» речевого или коммуникативного напряжения и, как следствие, к «расторжению автоматизма речи» [2, с. 74], то есть выходу языковой рефлексии на уровень сознания и развертыванию метаязыкового потенциала речи, включающего суждения и мнения говорящего о своем речевом поведении.

Степень развернутости метатекстового потенциала (которым в той или иной мере обладает любой текст) – полная, частичная, нулевая – зависит от нескольких факторов: 1) от языковой и речевой компетенции продуцента; 2) от его способности к рефлексии над языком и речью, от склонности к диалогу со своим вторым «я»; 3) от степени ориентированности на реципиента (явного/непосредственного или потенциального), склонности к заботе об интересах адресата и желания пригласить его к совместному диалогу. Перечисленные факторы согласуются с мнением Н.П. Перфильевой, которая отмечает: «Вариант поведения адресанта обусловлен не только особенностями языковой личности Говорящего, экстралингвистическими параметрами коммуникативной ситуации, но и образом адресата (фактор Адресата) в сознании Говорящего, присутствием и прогнозируемой реакцией наблюдателей как участников коммуникации» [3, с. 12].

Продуцент, заинтересованный в наиболее эффективной коммуникации, в значительной мере ориентирован на адресата. Однако это стремление учесть интересы собеседника (создать максимально понятное для него речевое произведение) может идти в разрез с собственными интенциями по реализации своих творческих возможностей. В такой противоположности, и подчас противоречивости, интересов автора текста и его реципиента заключается одна из основных коммуникативных антиномий, иллюстрирующая внутреннюю противоречивость естественного языка [4]: говорящий, с одной стороны, склонен к нарушению норм языка в своих интересах, к бесконечной вариативности знаков языка, которым он мог бы приписывать любые необходимые ему смыслы, наконец, к созданию новых языковых знаков, дающих ему полную свободу в выражении своего творческого начала. Однако, с другой стороны, такая абсолютная свобода творческого использования языка естественно ограничивается и удерживается в разумных границах необходимостью осуществления его важнейшей функции – коммуникативной. Такая необходимость выдвигается, прежде всего, адресатом, который стремится к адекватному пониманию речи адресанта и, в силу объективных причин, заинтересован в консервативном отношении продуцента к языковым нормам. Если говорящий желает быть понятым, он должен придерживаться общего с адресатом, «подходящего» коммуникативного кода. Сам язык вынуждает говорящего делать выбор, согласованный с языковыми нормами. В связи с этим уместно вспомнить идею Ф. де Соссюра, перефразированную Б.Ю. Норманом: язык говорит человеку «Выбирай!», но при этом добавляет: «Ты выберешь вот этот знак, а не другой» [5, с. 53]. Таким образом, в сознании адресанта происходит непрекращающееся противоборство вариативности и нормы, творческого и обыденного, индивидуального и универсального, заставляющее его постоянно балансировать на грани между удовлетворением собственных интересов и интересов адресата.

Рефлексия говорящего над его прошлым речесуобщением коммуникативным поведением выявляет как условия успешной коммуникации, так и причины негативного опыта общения и заставляет его искать продуктивные пути гармоничной коммуникации, то есть такой, которая не только представляет собой трансляцию определенной информации, но и «сопровождается интеллектуальным, эмоциональным и эстетическим сопереживанием коммуникантов» и предполагает их творческую активность [6, с. 138]. Таким образом, адресант, используя свой прежний опыт продуктивного общения, думая об адресате, создавая его образ, прогнозируя его когнитивные состояния в момент восприятия текста, превосходит коммуникативное напряжение и старается элиминировать или минимизировать его за счет различных стратегий и тактик, одна из них – метаязыковой комментарий.

На основе анализа имеющегося в нашем распоряжении эмпирического материала выделим несколько наиболее частотных в художественном произведении речевых тактик метаязыкового комментирования.

1. Речевые тактики метаязыкового комментирования стилистически маркированных слов и словосочетаний.

1) тактика извинения при употреблении сниженной языковой единицы.

Употребление сниженной лексики связано с определенной ответственностью по отношению к адресату. Поэтому, отдавая предпочтение сниженной лексике в обход нейтральной, носитель нормативного литературного языка может испытывать «языковой дискомфорт» [2, с. 76]. Выбор подобного слова заставляет Говорящего чувствовать нравственную вину [7, с. 9]. Отсюда и речевые формулы извинения:

The fourth thing was that he had to, you should pardon the expression, piss like a racehorse (King S. The Stand).

Появление в тексте подобной сниженной лексики и, обусловленных ею формул извинения определяется таким субъективным фактором стилистической нормы, как языковой вкус (чувство меры, целесообразности), который проявляется в ощущении Говорящим границ «дозволенного» в рамках определенной коммуникативной ситуации, в обладании им речевой смелостью, подталкивающей его к введению стилистически «сильной» лексики в текст.

Лексическая единица, причиняющая продуценту речевые «неудобства» своей стилистической неуместностью и несоответствием ситуации (тексту), не обязательно побуждает его применить тактику извинения за неподходящее слово: продуценту может представляться достаточным простое указание на стилистически сниженное слово или выражение и классифицирование его в плане принадлежности тому или иному стилистическому регистру:

"He said the fuel pump was all shot to shit." "Don't say that, Danny." ... "Why?" "It's vulgar." "What's vulgar, Mom?" "Like when you pick your nose at the table or pee with the bathroom door open. Or saying things like 'All shot to shit.' Shit is a vulgar word. Nice people don't say it." (King S. The Shining).

Стилистически маркированная единица всегда находится в фокусе внимания говорящего/пишущего и под контролем его сознания. Метаязыковая стратегия в подобном случае выступает как средство координации (регулирования) речевого взаимодействия отправителя и получателя текста. Персонаж как бы дает понять собеседнику, что остается в общей для них двоих социально-культурной области, хотя и задействует единицы иного субязыка.

Причиной коммуникативного напряжения может стать лексема, не соответствующая установленным в обществе правилам политкорректности. Это относится к практике прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т.д. В случае появления подобной лексики в речи, включается механизм метаязыкового комментирования, и данная единица получает пояснение:

"Do you defend niggers, Atticus?" I asked him that evening. "Of course I do. Don't say nigger, Scout. That's common (Lee H. To Kill a Mocking Bird).

Приведенные примеры иллюстрируют то, как при выражении своих мыслей продуцент проявляет творческую свободу, стремится «не быть вполне нормативным» и, в то же самое время, старается «не быть неправильным» [8, с. 718]. Прибегая к помощи метаязыковых вставок, он сглаживает «острые

углы» стилистически сниженной лексики, которая может показаться адресату неожиданной, нескромной, безапелляционной или даже шокирующей, тем самым, оставаясь «при своем мнении», говорящий компенсирует нежелательный коммуникативный эффект.

2) тактика извинения при использовании единицы высокого стиля.

В области стилистических норм действует еще один процесс – «вымывание высокого стилистического яруса» [2, с. 76], при котором происходит усиление «разговорности» языка, ироническое отношение к высокому стилю. Адресанту представляется неуместным употребление высокой лексики или образных средств, характерных для высокого стиля (например, терминологии, ассоциирующейся с высоким стилем, как в следующем примере), что заставляет его приносить извинения либо «объясняться» другим способом:

As for Detterick, all the fight went out of him when he was finally pulled off - as if some strange galvanizing current had been running through the huge black man (I still have a tendency to think in electrical metaphors; you'll have to pardon me), and when Detterick's contact with that power source was finally broken, he went as limp as a man flung back from a live wire (King S. The Green Mile).

3) тактика извинения при употреблении клише.

Клише – часто употребляемое и стершееся, лишнее коммуникативной значимости языковое выражение. Оно свидетельствует о минимальных ментальных усилиях его продуцента и вызывает определенное чувство неловкости своим появлением в речи, как, например, в случае с фразеологическим выражением «найти ахиллесову пяту» в следующем примере:

Well, sorry to use a cliché, but I discovered his Achilles' heel (Fielding H. Bridget Jones's Diary).

Вышеприведенные примеры метаязыкового комментария выполняют роль своеобразных коммуникативных «амортизаторов», которые «под давлением эгоцентрического фактора (забота о собственном имидже) Говорящий употребляет, чтобы избежать коммуникативного или коммуникативно-мировоззренческого конфликта» [3, с. 29]. В этом плане, автора высказываний можно сравнить с редактором, который «обрабатывает» исходный текст, подвергает его сознательному контролю, внося в него свои ремарки, адаптирующие текст для читателя.

II. Речевые тактики ссылки на чужую речь

Желание снять с себя ответственность за избранную форму высказывания может реализоваться с помощью тактики ссылки на чужую речь. Продуцент как бы «прячется» за чужие слова, создавая следующий подтекст: «Я прекрасно знаю, что применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил данное выражение. Учитывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику в свой адрес, ввожу формулу: «как говорят». Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону, а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать, но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую» [9, с. 293].

Здесь можно выделить несколько тактик:

1) тактика введения метапоказателей со значением коллективной ответственности за использование речевого материала, в этом случае широко используются такие клишированные выражения, как *so-called*, *what they call*, *what anyone would call*, *you'd say*, *as they say* и другие:

"Where's Professor Snape?" shouted a girl from the Slytherin table. "He has, to use the common phrase, done a bunk," replied Professor McGonagall and a great cheer erupted from the Gryffindors, Hufflepuffs, and Ravenclaws (Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows);

2) тактика введения авторизирующих высказываний, принадлежащих:

а) лексикону конкретной языковой личности

They're intrigued; they truly don't want to destroy him – 'wasteful,' that's the word Aro will use – and that may be enough to force him to get creative (Meyer S. New Moon).

Метакомментарии такого типа относятся к лексическим номинациям, принадлежащим определенной языковой личности, и, по сути, представляющим собой прецедентные высказывания, которые характеризуют особенности речевого поведения их автора. Продуцент, вводящий в текст метаязыковой комментарий, маркирующий определенное выражение как языковую единицу, свойственную другому человеку, таким образом отмечает элементы своего речевого произведения в плане «свое – чужое». Такой тип метакомментирования достаточно частотен

в корпусе выделенных нами метаязыковых комментариев, поскольку в своей речемыслительной деятельности рассказчик часто отдает предпочтение чужому слову, как более точному, убедительному, уместному, нестандартному, оригинальному, но, в то же время, непривычному и чуждому. В основе такого выбора лежит психологический мотив «чужое слово лучше моего». Н.П. Перфильева утверждает, что речевая деятельность индивида – это «непрерывный поток цитат, извлекаемый из нашей памяти: и в ней есть место и бережному, иногда почтительному, отношению к «чужому голосу», чуждому мнению, и снятию ответственности за чужое слово» [3, с. 23].

б) тактика введения авторизирующих высказываний, принадлежащих лексикону представителя определенного профессионального сообщества или социальной группы:

As Poke understood it (and Poke's understanding never got much beyond what the movie people call "soft focus"), these Sicilian-type people sometimes sold iron to independent thieves (King S. The Stand).

3) тактика введения замечаний по поводу употребления единиц языка, характерных для языковой личности с определенным уровнем развитости коммуникативной компетенции.

Нижеприведенные примеры содержат метакомментарии, касающиеся употребления слов и речевых формул, характерных для носителей языка с низким уровнем развитости языковой компетенции, использующих, главным образом, разговорные и нейтральные языковые средства:

But having – as the simple say – "learned" his boy to draw pigs and other animals, he knew that Jon would never be a painter, and inclined to the conclusion that his aversion from everything else meant that he was going to be a writer (Galsworthy J. To Let).

4) тактика введения помет, предупреждающих о времени употребления лексической или фразеологической единицы (хронологический аспект):

а) указание на современные языковые средства:

Do you mind calling me M.M. and letting me call you F.F.? It's in the spirit of the age (Galsworthy J. To Let).

Метакомментирование в подобных случаях касается временных языковых пристрастий носителей языка, то есть отражает «вкус» времени. Принадлежность лексемы или фразеологизма к «популярным» у носителей языка в определенном хронологическом периоде языковым средствам эксплицируется при помощи словосочетаний, вводных элементов, вставок, содержащих такие лексические единицы, как: *language*, *slang*, *jargon* и других. Такой тип метаязыкового комментария характерен для отдельных писателей, способных хорошо «слышать» новое время и новое поколение. Несомненно, к ним принадлежит английский писатель конца XIX – начала XX века Дж. Голсуорси:

Of all those radiant forms which emblazon with their windows the West End of London, Gaves and Cortegal were considered by Soames the most "attractive" – word just coming into fashion (Galsworthy J. In Chancery).

б) указание на средства, употребление которых ассоциируется с временными рамками прошлого:

It made him think of Connecticut again, and the way the fogs came in after dark during the last weeks of March and the first weeks of April. The oldtimers called it strawberry spring. God knew why (King S. Desperation).

5) тактика комментирования процесса вхождения лексических средств в язык.

Ярким примером здесь может служить отрывок из романа Дж. Голсуорси «В петле», где автор маркирует возникновение новой лексической единицы:

"What? Are you a pro-Boer?" (undoubtedly the first use of that expression) (Galsworthy J. In Chancery).

6) тактика указания на единицы языка, характерные для определенной местности (территориальный, географический аспект).

She had the big red-and-yellow gelatine capsules that were known as "yellowjackets" on the West Coast (King S. The Stand).

Подведем краткие итоги изложенного. Творческая воля продуцента сообщения, контролирующего и комментирующего свое речевое поведение в местах текстового напряжения, обуславливает характер и содержание метаязыкового комментария. Отправитель речевого сообщения прибегает к разнообразным метаязыковым тактикам, связанным с толкованием, указанием на стилистическую, хронологическую, топонимическую маркированность той или иной единицы языка, таким образом адаптируя текст к коммуникативной ситуации, конкретной или предполагаемой, подвергает его саморедактированию. Продуцент, развертывающий в речевом произведении его метатекстовый потенциал, через метаязыковое комментирование, отражающее

предпочтение тех или иных средств, выражает субъективное, избирательное отношение к языковым ресурсам и, тем самым, усиливает личностное начало своей речекоммуникативной дея-

тельности. Метаязыковой комментарий с этой точки зрения представляет собой единицу речевого взаимодействия адресата и адресанта, местом их встречи и осуществления диалога.

Библиографический список

1. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2009. – Ч. I.
2. Вепрева, И.Т. Метаязыковые стратегии в стилистически неоднородных текстах современных СМИ // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры: сб. науч. статей / под ред. О.С. Иссерс. – Омск, 2009. – Вып. 1.
3. Перфильева, Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2006.
4. Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
5. Норман, Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. – Минск, 1978.
6. Болотнова, Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск, 1994.
7. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1999.
8. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
9. Шварцкопф, Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970.

Bibliography

1. Obihdennoe metayazhkovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekti: kollektivnaya monografiya / отв. red. N.D. Golev. – Kemerovo; Barnaul, 2009. – Ch. I.
2. Vepreva, I.T. Metayazhkovye strategii v stilisticheskikh neodnorodnykh tekstakh sovremennikh SMI // Sovremennaya rechevaya kommunikaciya: strategii i zhanri: sb. nauch. statej / pod red. O.S. Issers. – Omsk, 2009. – Vihp. 1.
3. Perfiljeva, N.P. Metatekst: tekstocentricheskij i leksikograficheskij aspekti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Novosibirsk, 2006.
4. Golev, N.D. Yuridizaciya estestvennogo yazhka kak yurisljngvisticheskaya problema // Yurisljngvistika-2: Russkij yazhik v ego estestvennom i yuridicheskom biitii. – Barnaul, 2000.
5. Norman, B.Yu. Sintaksis rechevoj deyatel'nosti. – Minsk, 1978.
6. Bolotnova, N.S. Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v asociativnom aspekte. – Tomsk, 1994.
7. Verethagin, E.M. V poiskakh novikh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya reche-povedencheskikh taktik / E.M. Verethagin, V.G. Kostomarov. – M., 1999.
8. Stepanov, Yu.S. Konstanti. Slovarj russkoj kul'turi. – M., 1997.
9. Shvarckopf, B.S. Problema individualnykh i obshchestvenno-grupponykh ocenok rechi // Aktual'nye problemi kul'turi rechi. – M., 1970.

Статья поступила в редакцию 15.07.12

УДК 942.3(075.8)

Al-Otaibi Bader Tarakhib. COMMUNICATION OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD WITH PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ARAB LINGVOCULTURE. This article deals with the conception of the "language picture of the world", how it is reflected in phraseology of the Arabic linguistic culture in the context of language – culture relation.

Key words: language picture of the world, phraseology, Arabic linguistic culture.

Аль-Отаиби Бадер Тарахиб, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: bta_bader@hotmail.com

СВЯЗЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В данной статье автор исследует понятие языковой картины мира и ее связи с фразеологией в арабской лингвокультуре, рассматривает понятие картины мира в современной науке, говорит о связи языка и культуры в современном лингвострановедении.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеология, арабская лингвокультура.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая накладывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д. [1].

Итак, понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, пред-

лагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска, надры, авось, удал, воля, неприкаянный, задушевность, совестно, обидно, неудобно*), либо такой эк-

вивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*). В последние годы в отечественной семантике развивается направление, интегрирующее оба подхода; его целью является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.).

Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как сам человек. Создание первых «картин мира» у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее, реальная, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время.

При характеристике картины мира необходимо различать три важных взаимосвязанных, но не тождественных явления: 1) реальию, именуемую термином «картина мира»; 2) понятие «картина мира», воплощающее теоретическое осмысление этой реальности; 3) термин «картина мира».

Термин «картина мира» был выдвинут в рамках физики в конце XIX – начале XX в. Одним из первых этот термин стал употреблять В. Герц применительно к физическому миру. В. Герц трактовал это понятие как совокупность внутренних образов внешних объектов, которые отражают существенные свойства объектов, включая минимум пустых, лишностношений, хотя полностью избежать их не удаётся, так как образы создаются умом.

Современные авторы картину мира определяют как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности».

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его существования. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира есть целостный образ мира, который является результатом всей активности человека. Она возникает у человека в ходе всех его контактов и взаимодействий с внешним миром. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно – практическая активность человека.

Так как в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и заканчивая мышлением человека, то очень сложно говорить о каком-либо одном процессе, связанным с формированием картины мира у человека. Человек созерцает мир, осмысливает его, ощущает, познаёт, отражает. В результате этих процессов у человека возникает образ мира, или мировидение.

Что касается отражения картины мира в языке, то введение понятия «картины мира» в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык – влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка и влияние на язык различных картин мира – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной.

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задаёт своё видение языка и по-своему определяет принцип действия языка. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые пути для проникновения в природу языка и его познание.

Языковая картина мира – это отражённый средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых

языком. Языковую картину мира принято отграничивать от концептуальной, или когнитивной модели мира, которая является основой языкового воплощения, словесной концептуализации совокупности знаний человека о мире.

Вопрос концептуализации мира языком при помощи слов, очень важен. В своё время Р. Ладло, один из основоположников контрастивной лингвистики, заметил: «Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [2, с. 34-35]. Варьируются не только значения, но и состав лексики. Специфика этого варьирования составляет существенную часть специфики языковых картин мира.

Исследуя когнитивные основания языковой номинации, Е.С. Кубрякова справедливо говорит о языковой картине мира как о структуре знаний о мире, тем самым дополнительно подчёркивая когнитивный характер этой ментальной сущности. «Когнитивно ориентированное исследование деривационных процессов позволяет уточнить не только специфику «картирования» мира в отдельно взятом языке, но и – при должном обобщении таких данных в типологическом плане – способствовать выведению некоторых общих положений о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей мироздания, закономерностей устройства мира, как в физическом аспекте человеческого бытия, так и в его социальной организации и во всей свойственной человеку системе его ценностей и нравственных, морально-этических оценок» [3, с. 336-337].

Современные лингвисты утвердились в мысли, что понять природу языка можно лишь на основе изучения человека и его картины мира в целом. Отсюда новые осмысления наследия классиков (в частности, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни и др.). В целом эта парадигма может быть названа когнитивной. А среди аксиом когнитивистики выделяется как внимание к ментальной репрезентации языковых явлений, так и признание фактора воздействия культуры на языковую личность. Анализ представленной проблемы соответствует, по крайней мере, двум основным принципам современной научной парадигмы, определённым Е.С. Кубряковой – принципу экспансионизма и принципу антропоцентризма [4].

Мировосприятие любого народа позиционируется в картине мира, более того, оно подвержено постоянному изменению в силу тех или иных социальных потрясений, глобальных перестановок и навязываемых стереотипов. Одно и то же представление действительности выражают разные языковые проявления в разных языковых культурах. Методы проявления понятий осуществляются посредством своеобразия социокультурных моментов языкового сообщества. Многообразие языкового мышления выражено в осознании избыточности или недостатка форм экспрессии одного и того же значения [5, с. 67]. Картина мира или знание о мире создает основу социального и индивидуального сознания. При этом язык обслуживает познавательные процессы. Концептуальные представления у людей и народов могут не совпадать из-за разных социальных, половых, межкультурных, возрастных, религиозных установок. Функции языка заключаются в трансляции информации и во внутреннем устройстве этой информации. Картина мира это не только группа символов или знаков – она имеет некий эмоциональный оттенок отношений субъекта. Это отношение может меняться в зависимости от деятельности. Таким образом, группа общественно-типичных установок обретает определенный символ в системе национального языка и создает языковую картину мира [6, с. 208].

На современном этапе развития человеческого общества лингвистика активно разрабатывает направление, в котором рассматривается не только как средство общения и познания, но и как кладовая знаний и памяти о материальных, социальных и духовных достижениях и богатствах различных народов, как культурный код нации. «Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира» [7]. Отсюда вполне очевидна необходимость изучения национального менталитета, наиболее концентрированно и ярко выраженного в первую очередь в национальном языке.

Потребности сотрудничества, координации совместной деятельности, а также преодоление возможных трудностей, связанных с расхождениями в подходах при решении всевозможных задач в процессе межкультурной коммуникации требует от ее участников знания чужого языка. Расширение международного сотрудничества ставит также наиболее трудно решаемую в общении проблему ощущения, понимания реципиентом того глубинного национального менталитета, который заложен в язы-

ке представителей иных культур с целью полного понимания тех или иных действий партнеров по коммуникации.

Предельно концентрировано, полно и ярко процесс развития культуры народа, его фрагменты целостной системы знаний об окружающем мире, стереотипы, эталоны и архетипы выражены во фразеологических единицах языка. Фразеологизмы, по мнению Ф.И. Буслаева, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство к потомкам» [8]. Поэтому, на наш взгляд, весьма актуальным является изучение фразеологических единиц с позиций антропологической лингвистики, в которой язык рассматривается как культурный код нации, как неотъемлемая часть когниции, как когнитивный механизм, играющий роль в репрезентации и трансформации информации.

Проблема взаимосвязи и взаимозависимости языка и сознания, языка и национального менталитета исследуется в социолингвистике, психолингвистике, нейролингвистике, этнолингвистике, в культурологии, в когнитивной лингвистике и т.д. В отечественной лингвистике ею занимаются Е.М. Верещагин, В.М. Костомаров, В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина и др. В русской арабистике вопросы зависимости значимых для менталитета арабских народов явлений жизни и обозначающих их лексем частично освещены в работах Е.А. Резвана, В.Э. Шагала, Б.Я. Шидфера и др.

Данный вопрос частично находил и находит свое отражение в арабской лингвистической традиции, в работах таких известных ученых, как Ибн Абд Раббихи, Сибавейхи, Саалиби. Среди современных исследований можно назвать монографию Ахмеда Мутавакиля «Размышления о теории сигнификации в арабской лингвистической мысли». Арабская фразеология рассматривается в исследованиях аль-Амида, ат-Тикрити, аз-Замахшари, ал-Хамазани, ал-Джурдани; в отечественной лингвистике – в трудах В.С. Морозовой, В.Д. Ушакова, Г.Ш. Шарбатова и др.

С лингвистической точки зрения вопрос национального арабского менталитета и формы его выражения изучен недостаточно. Развитие теории фразеологии в последнее время достаточно активно внедряется в практику преподавания иностранных языков. И это вполне оправданно, т. к. фразеологический мате-

риал отражает язык во всем его многообразии. Изучение фразеологизмов и пословиц дает возможность одновременно заниматься фонетикой, грамматикой, лексикой, синтаксисом; помогает понять культуру, традиции, обычаи, быт, а также образ мышления носителя изучаемого языка. Сравните, например арабский фразеологизм *4 gj'jLSjMji (ja<J (похожи друг на друга, как два финика)* с русской пословицей «*похожи как две капли воды*» или <н>зу/ *L-dsjLiJib. '(под шкурой барана сердце волка)* с «*волк в овечьей шкуре*», в то время как фразеологизм *су* 0*1 (храбрее мухи)* не имеет аналога в русском языке и будет понятен лишь носителю арабской лингвокультуры.

Проблема исследования языка и культуры при помощи единиц фразеологического уровня оказалась в центре внимания лингвострановедения [Верещагин, Костомаров 1983] – особой отрасли прагматической лингвистики и методики преподавания русского языка как иностранного, цель которой – дать учащимся системную лингвистическую и экстралингвистическую информацию об особенностях использования национальных устойчивых единиц в коммуникации.

Одной из наиболее сложных областей любого языка является его фразеология. Как считают лингвисты, без обладания фразеологией знание языка является неполным. Фразеология обогащает знания студентов, пополняет их лексический запас, служит иллюстрацией к ранее изученному грамматическому материалу. Она придает речи учащихся особый колорит, делает ее более выразительной. И особая значимость фразеологизмов заключается в том, что они являются бесценным страноведческим источником.

Знание образов фразеологии не только расширяет лингвистический кругозор учащихся, но и развивает различного рода компетенции (языковую, речевую, ситуативно-коммуникативную и др.), способствуя языковой и культурной толерантности в обществе. Проблема использования стереотипов как явлений, упрощающих социальные контакты, имеет самое непосредственное отношение к процессу овладения новым языком, новой культурой с целью общения с представителями другой этносоциальной общности. Социально-психологические стандарты и стереотипы облегчают, упрощают отношения, общение и поведение.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.
2. Lado, R. Linguistics across cultures: Applied linguistic for language teachers – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – Язык. Семиотика. Культура.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука в конце XX века. – М., 1995.
5. Горбатовский, В. Спасите нашу самобытность // Свет. – 2004, № 8.
6. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007.
7. Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990.
8. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – М., 1961. – Т. 1.

Bibliography

1. Апресян, Ю.Д. Yazhikovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. – М., 2006.
2. Lado, R. Linguistics across cultures: Applied linguistic for language teachers – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
3. Kubryakova, E.S. Yazikh i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazhke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rolj yazhka v poznani mira. – М., 2004. – Yazikh. Semiotika. Kuljtura.
4. Kubryakova, E.S. Ehvoluciya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka // Yazikh i nauka v konce XX veka. – М., 1995.
5. Gorbatskiy, V. Spasite nashu samobitnostj // Svet. – 2004, № 8.
6. Antologiya konceptov / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. – М., 2007.
7. Gurevich, A.Ya. Chelovek i kuljtura: Individualnostj v istorii kuljture. – М., 1990.
8. Buslaev, F.I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – М., 1961. – Т. 1.

Статья поступила в редакцию 19.07.12